

ПРОСТРАНСТВО

психоанализа и психотерапии

№3 · 2022

СЕКСУАЛЬНОСТЬ: история и современность

Точка отсчета:
несостоявшийся бунт

Размышления о близости:
о конференциях
в Москве и Пензе

В мире науки:
Смит Эли Джеллифф

ЕАРПП

Национальное отделение
ЕСРР (Vienna, Austria)

Электронный периодический
(ежеквартальный) научно-
информационный журнал
«Пространство психоанализа
и психотерапии» ©

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати
и Роспотребнадзоре.

Учредитель и издатель:
МОО «Европейская ассоциация
развития психоанализа
и психотерапии» (ЕАРПП)
Свидетельство ОГРН
1186658093764 от 21.04.2020 г.

Подписка: бесплатно для
читателей. Для ознакомления
с номером достаточно зайти
на сайт <https://earpp.ru/>.

Для получения уведомлений
о выходе нового номера
подпишитесь на общую
рассылку сайта.

Адрес размещения номеров:
https://earpp.ru/journal_earpp/

Для контактов с редакцией:
E-mail: earpp.journal@gmail.com

Данные № 3 (7), 2022:
Дата выхода: 25 октября 2022 г.

ISBN 978-5-6048201-3-1

ISBN 978-5-6048201-3-1

9 785604 820131

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор: Т.О.Тишкова

**Заместитель главного редактора,
куратор рубрик «События» и «Людам про людей»:**
Г. В. Гридаева

Научный редактор:

Я. И. Коряков

Редактор рубрики «Тема номера»:

Т. В. Мизинова

Редактор рубрики «Из мира науки»:

Х. Г. Фостиропуло

**Руководитель проекта «Звезды мирового
психоанализа»:** Т.А.Тармогина

Вёрстка: Е. Артемьева

Все права защищены.

Перепечатка текстов и иллюстраций только с разрешения
редакции. При цитировании ссылка на журнал «Пространство
психоанализа и психотерапии» обязательна.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов. Редакция
не несет ответственности за содержание рекламных материалов.

Благодарности

Редакция журнала выражает благодарность
за добровольные пожертвования на развитие
проекта, которые помогли седьмому
номеру состояться, а также авторам статей,
и переводчикам Анастасии Поповой
и Константину Лемешко.

Спасибо! Ваша помощь важна!

Если вы хотите оказать изданию финансовую поддержку,
свяжитесь с Казначеем ЕАРПП Тишковой Татьяной

Олеговной

aloxa50@yandex.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Существуют разные определения сексуальности человека. Умные статьи в словарях и монографиях сообщают об эмоциональных реакциях, переживаниях и поступках человека, которые связаны с влечением. Безусловно, сексуальность – врожденная потребность, как дыхание. И у каждого человека есть свой сексуальный потенциал, отмеренный ему природой при рождении. А в дальнейшем, в процессе развития, взаимодействие биологических, психических и социокультурных факторов определяет сексуальность человека.

О том, как труден путь психосексуального развития ребенка, о травмах, которые непреодолимыми барьерами преграждают путь свободному течению сексуальности, о причинах взрослых психических расстройств и сексуальных перверсий редакция предлагает поразмышлять в этом номере нашего журнала.

В большинстве семей не принято говорить о сексе и сексуальности, а в половине случаев родители передают ребенку вербально или молча, просто своим поведением, запрет на сексуальность, и представление о том, что сексуальность – это плохо.

Со времен Фрейда люди преобразились внешне, научились открыто демонстрировать атрибуты сексуальности, но вряд мы сильно изменились на уровне бессознательных фантазий и страхов по отношению к собственной сексуальности.

Этот номер проиллюстрирован работами хорватского художника Ивана Балажевича, энергия и сексуальность его полотен наполняют дополнительную энергией материалы номера.

Главный редактор Татьяна Тишкова

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА 6

Интервью Т.Мизиновой

Точка отсчета 8

К.Ленэке

Симбиотические отношения матери и сына и сексуальные преступления 21

СОБЫТИЯ 42

Конференции в Москве и Пензе

Б.Еремин

Сексуальность: от Фрейда – к Биону 44

А.Тимошкина

«Виртуальная толпа»
(групп-аналитический взгляд) 68

О.Яковлева

Судьбы психосексуального развития
в последствии кумулятивной
психической травмы 76

С.Терехина

«Окнофилы и филобаты. Размышления о
близости» 84

Н.Мазалова

От «фаллоса на крыльях» к идентичности:
актуальный психоаналитический взгляд
на проблему наркотической аддикции 94

ИЗ МИРА НАУКИ

С. Э. Джеллифф

Влечение к смерти в соматической
психопатологии

Я.Коряков

Смит Эли Джеллифф – американский
«отец психосоматики»

АНОНСЫ

Календарь событий

Козимо Скинайя

Психоанализ и экология

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Иван Балажевич

105

107

120

127

129

130

131

133

ТЕМА НОМЕРА

Человеку свойственно бояться и отрицать то, что непонятно и скрыто в глубине психики. Любопытный и смелый Фрейд заглянул в бурлящий котел страстей и обнаружил сексуальность ребенка и взрослого, открыл тайны разных проявлений сексуальности.

Психоанализ постоянно винят в преувеличении влияния сексуальности. Но сексуальность – это то, чему мы обязаны сначала своим рождением, а в дальнейшем нашим развитием. Сексуальность - основа любви и близости, удовольствия, страстей и страданий, фантазий и желаний.

Итак, про ЭТО - волнующее, порой постыдное, ошеломляющее, неизбежное- читайте в откровенной беседе Т.Мизиновой и Г. Гридаевой и в статье К.Ленэке о симбиотических отношениях матери и сына и сексуальных преступлениях.

Отправная точка

Мизинова Татьяна Владимировна

- Психоаналитик, тренинг-аналитик и супервизор ЕАРПП (Россия, РО-Москва) и ЕСРР (Vienna, Austria),
- паст-президент и почетный член ЕАРПП и Вице-президент ЕСРР,
- кандидат социологических наук,
- преподаватель Открытого Медико-Психологического Университета (ОМПУ) и Московского Института Психоанализа (МИП),
- член наблюдательного совета и этической комиссии СРО «Союз психотерапевтов и психологов»,
- директор центра психологической поддержки и современного психо- анализа «Персона»

— Первое, с чего хотелось бы начать. Есть избитая фраза, что бунт 20 века — это секс, наркотики, рок-н-ролл. Бунт 21 века — интернет, печенье и постелька. С приходом сексуальной революции мы что-то потеряли или приобрели, как вы думаете?

— Понятие «сексуальная революция» пришло к нам в 60-е годы прошлого столетия. То, как она понималась тогда, и то, что мы видим сейчас — это две большие разницы. Я сейчас никакой революции не вижу, скорее, это — деэволюция сексуальности... Мы чаще сталкиваемся в кабинетах с тем, что пациенты жалуются на снижение сексуального влечения. Могу говорить только на основе своего клинического опыта. Сексуальные проблемы, такие как мужская половая дисфункция, отсутствие влечения у женщин, аноаргизмия, вагинизм чаще стали появляться. Всё это происходит на фоне того,

---

Я сейчас никакой революции не вижу, скорее, это - деэволюция сексуальности.

Когда у женщины локоток виден или она показала лодыжку — это было возбуждающим. Дальше юбки поднимались всё выше и выше, появилось некое другое восприятие дозволенного. Конечно, это был очень значительный этап в изменении понимания сексуальности, когда достаточно большие части тела перестали быть табуированными и закрытыми.

Последние, наверное, лет 20 мы окружены большим количеством сексуально провоцирующих объектов. Это видно, в первую очередь, в рекламе. Связка: сексуальное — хорошее -нужное -покупаем — очень очевидна. Создатели рекламы активно эксплуатируют две темы: очень популярны дети и красивые женщины. Легко играть на родительских чувствах, на желании дать ребенку лучшее. И сексуальные, базовые инстинкты так же активно эксплуатируются ради высоких продаж. Получается, что сексуальность, как она базово понималась раньше, во многом убивается. Когда все так открыто и доступно, то совершенно нет места для фантазий, места для того, чтобы о чём-то помечтать, подумать. Сейчас просто открываешь компьютер и там обязательно появятся провоцирующие фразы или картиночки, намного раньше, чем у человека возникнет потребность, желание и осознание этого желания. Сексуальное становится настолько доступным, настолько обыденным, что фантазирование, по сути, исчезает. И, конечно, становится проще (особенно мужчинам) не фантазировать, не добиваться женщины, не выстраивать отношения для того, чтобы получить женщину как сексуальный объект. Проще получить более быстрое и понятное удовольствие через интернет. Коротким путём ты можешь получить то самое вожаделенное сексуальное возбуждение от множества женщин. Это проще, нежели прикладывать усилия и добиваться одной какой-то конкретной женщины в течение долгого времени.

Немного не про сексуальность, но про проблематику, связанную с ней. Раньше у нас был достаточно ограниченный круг выбора партнёров. Где раньше люди знакомились? В шутку можно сказать, что на дискотеке и в библиотеке. Люди понимали, что это -достаточно небольшая выборка. Если не шутить, то местами знакомства были школа, училище, институты, рабочие места, места каких-то развлечений. Когда встречался человек, который нравился, то приходилось прикладывать усилия для того, чтобы отношения простроить. Чтобы получить секс, нужно было постараться, нужно было вложиться и выстроить отношения с партнером.

Что происходит сейчас? Секс становится более доступным. Современные технологии предоставляют возможность выбирать разных сексуальных партнёров.

Есть разные сайты знакомств, которые предполагают поиск партнеров

что современное общество очень сексуализировано. Нас это не может не настораживать.

Вернёмся в историю, во фрейдовские времена, коль скоро это — основа основ и отправная точка. Совершенно иное отношение к сексуальному, к интимному.

Связка: сексуальное - хорошее - нужное - покупаем, — очень очевидна.

именно для сексуальных отношений без обязательств. Исчезает мотивация в построении долгих человеческих отношений: получить сексуальный объект и потом, в идеале, получить от этого объекта потомство. Собственно говоря, зачем напрягаться, когда партнеров можно менять? Сходили в ресторан, съездили куда-то... Но, согласитесь, сейчас мы стали по-другому относиться к сексуальным контактам, нежели это было лет 20-30 назад. В основном в исламской культуре по-прежнему девушка обязательно должна быть девственницей, когда выходит замуж, и контакты недопустимы вне брака. Однако, светская общественная мораль на этом абсолютно не концентрируется.

По моим клиническим наблюдениям, если после 23-х лет девушка остаётся девственницей, то для неё это, зачастую, становится проблемой. Она чувствует себя «иной», невостребованной, хуже других. Много фантазий и переживаний: а что будет во время первого сексуального контакта и как она объяснит, почему она не была востребована как сексуальный объект? Это очень размывает границы сакральности первого сексуального акта.

Если посмотреть статистику, то по Москве средний возраст вступления в сексуальные контакты 14-15 лет. В этом возрасте я была «девочкой-припевочкой», да и мои одноклассницы тоже. Мы ходили, за ручку держались, с мальчиками максимум целовались. Сейчас это — возраст начала сексуального опыта, особенно в крупных городах.

Конечно же, это всё происходит под влиянием популяризации сексуальности, доступности, что создаёт нам новую проблему. Мы знаем, что люди стали позже взрослеть — к 25 годам. Происходит расщепление, когда подростки начинают половую жизнь, а взрослеют они намного позже. Получается, что это — некий «детский» секс. Организм недостаточно сформирован, нет элементарных знаний анатомии, нет желания брать на себя ответственность, не развивается здоровая сексуальность, секс становится более механистичным без включения эмоциональных, чувственных аспектов. Партнеры меняются достаточно часто потому, что вряд ли у 14-ти летних детей психика готова удерживать взрослые отношения.

— Я думаю, что с собой тоже надо познакомиться. Со своим телом, потребностями, желаниями.

— Безусловно. У подростков происходят значительные телесные изменения, гормональный фон ещё не до конца установился, человек ещё не до конца познал себя, а уже вступает в сексуальные отношения. А когда секс начинается в достаточно ранний возрастной период, он является, скорее, телесным удовольствием, нежели осознанным и прочувствованным этапом развития. Дальше это может переноситься на все другие контакты. Если первый контакт не имеет, повторюсь, сакральной ценности,

---

Сексуальное становится настолько доступным, настолько обыденным, что фантазирование, по сути, исчезает.

то и второй, и третий, и пятый становятся одноразовыми. Чувственность отделяется от сексуальности. Устойчивое выражение «one-night stand», которое пришло из Америки, означает «свидание на одну ночь». Лет двадцать назад, если бы родители и бабушки это услышали, то человека бы заклеили позором, назвали «шалавой» или девушкой с низкой социальной ответственностью.

Сейчас трудно осуждать то, что предлагается самим обществом. Если на каждом шагу мы видим триггеры и провокационные моменты, то это естественным образом отражается на том, как это воспринимают молодые люди и как ведут себя.

— Я подумала о гаджетах и технологиях — про способ подачи сексуальности. Это тоже всё делают люди. Алгоритмы создают люди и с определенной целью. Для того, чтобы это использовать, для того, чтобы это лучше продавалось, для того, чтобы на этом наживаться. Сексуальность становится разменной монетой.

— Не могу с вами не согласиться. Идет манипуляция базовыми инстинктами и, в первую очередь, сексуальным влечением. Мы можем это наблюдать практически во всех сферах от компьютерных игр до мира высокой моды. Меня всегда забавляло, что в такой передаче, как «Поле чудес», куда приезжают люди из глубинки с подарками в виде домашних заготовок, черные коробочки выносят сексуальные длинноногие красотки, хотя уместнее были бы девушки в кокошниках и сарафанах.

Если мы посмотрим интернет, где в основном и проводит время современная молодежь, то там все еще более открыто и практически не имеет границ.

Гомосексуальность или трансгендерность 20-30 лет назад были, как минимум, удивительны и настораживали, как что-то непонятное и отвергаемое обществом.

В МКБ и DSM они не признавались нормой. Сейчас, в последних изданиях нормативов, это уже считается нормой. Это не хорошо и не плохо, это просто диалектика развития цивилизации. Сексуальность сейчас признаётся не только между гетеросексуальными парами, но и сексуальность между гомосексуальными парами тоже считается абсолютной нормой.

Сразу скажу, что я полностью принимаю выбор всех людей. Есть генетические, биологические, социальные и психологические теории, объясняющие эти явления, но ни одна из них не является в полной мере удовлетворяющей. Мы просто должны это принимать и осмысливать.

На мой взгляд, есть принципиальный момент – это возраст принятия решения, и такое понятие, как дееспособность. Когда выбор между трансгендерностью, трансгендерностью и прочим делают взрослые люди, — это их личный выбор и он достаточно осознан.

Происходит расщепление, когда подростки начинают половую жизнь, а взрослеют они намного позже.

Сейчас мы стали по-другому относиться к сексуальным контактам, нежели это было лет 20-30 назад.

Выбор пола совершеннолетнего, 18-21 -летнего человека — это приемлемо. Пугает другое, когда в английских школах ребенку предоставляют выбор в 11-12 лет: кем он хочет быть — мальчиком или девочкой. Это очень страшно. Предлагать ребенку выбор пола, когда у него нет полного представления о том, что означает быть женщиной или мужчиной — это ставить его перед выбором, который он сделать не может. И решения его будут основаны на каких-то ситуационных моментах.

Очень важно проходить хорошую, качественную экспертизу. Существует масса кейсов, когда люди меняют свою гендерную идентичность, и через какое-то время они понимают, что это была ошибка. Они разочарованы и очень несчастны. Основная проблема, с которой сталкиваются трансгендеры — это гендерная дисфория. Это ситуация, когда общество их не принимает, когда они не могут адекватно адаптироваться. Когда человек поменял пол и разочаровался, меняет или хочет поменять его ещё раз, он оказывается в безумно сложной ситуации. Его не принимают нигде, среди таких людей

Если первый контакт не имеет сакральной ценности, то и второй, и третий, и пятый становятся одноразовыми. Чувственность отделяется от сексуальности.

очень высок уровень суицидов. Сегодняшние информационные потоки невозможно обработать, никаких ресурсов психики не хватит. Ситуативно человек недостаточно себя осознаёт, недоволен тем, какой он сейчас, и ему кажется, что он был бы лучше в другом гендере. И тут очень важно до принятия окончательного решения понимать, почему он или она не принимают именно свой гендер.

— **Это очень важная тема потому, что за этим стоит и отрицание реальности, в том числе своего тела, своих физических и психических ограничений. Кажется, сменить пол – и тогда все сложится без жертв и напрягов. Но нет, так не работает.**

— Согласна. Вспоминаю ваш доклад, Галина Витальевна, про всемогущество. О том, что мы живём в эру всемогущества. То скатерть-самобранка, то захотел и лицо подтянул, то захотел и пол себе поменял... Это, конечно, всё про некое нарциссическое всемогущество.

Можно говорить, что и трансгендеры, и люди гомосексуальной ориентации, чаще всего, бывают людьми пограничного уровня организации. Здесь мы видим и диффузную идентичность, и непонимание собственного тела, и прочее — масса параметров, которые характеризуют пограничную личность, и нарциссическую в том числе. Характерна склонность к отыгрыванию. И здесь очень важна позиция терапевта. Думаю, никогда не надо никого отговаривать и переубеждать. Мало я встречала в своей практике гомосексуалов, которые были недовольны, что они таковы. Они принимают свою гомосексуальность и особенности адаптации в обществе; при этом они решают проблемы, характерные для всех. Но, если к нам приходит человек, который об этом задумывается,

---

Идет манипуляция базовыми инстинктами и, в первую очередь, сексуальным влечением.

судьба. Это вопросы очень тонкие и «с кондачка» их решать нельзя. Если люди принимают такой выбор, то это их личное решение. Наша задача понять, почему такой выбор сделан. Если мы говорим про трансгендерность и про гомосексуальность, то этиология — многофакторность. Там есть генетическая, биологическая предрасположенность, а также всегда есть психологические и социальные факторы. И, если на первое мы никак повлиять не можем, то попробовать понять психологическую и социальную сторону — это часть нашей профессиональной работы.

— С учётом всего сказанного, вопрос. Раньше было проще определить, что является нормой, и очень многое было за границами нормы. Сейчас все наоборот. Осталось ещё понятие аномальной сексуальности?

— Если вспомнить первый курс обучения психологии, то нам рассказывали про относительность понятия нормы. Что мы берем за норму вообще? Норма — это то, что принято в каком-то определённом обществе в определённый период времени. Либо норма — это то, чего придерживается большинство. Понятие нормы всегда было очень скользким. Существует прекрасное выражение: что бы ни делали люди по взаимному согласию, то для них и является нормой.

— Главное, чтобы все были живые и совершеннолетние!

— Да, норма очень относительное понятие. Является ли нормой оральный секс? Для кого-то это неприемлемо. Для кого-то, как с мужской, так и с женской точки зрения, это вполне естественно, это является частью некой сексуальной прелюдии. Является ли анальный секс нормой? С точки зрения европейца, это допустимо. В исламской культуре — нет. В Коране написано, что и соитие во время менструального цикла, и анальный секс — это грех. В Москве, в Самаре есть представители разных конфессий. Для представителя европейских взглядов практика орального и анального секса будет нормальной. Для представителя исламской культуры ни первое, ни второе не будет являться нормальным, хотя живем в одну и ту же историческую эпоху и в одном и том же городе. Поэтому сказать, что будет нормой, что будет не нормой, достаточно сложно. С какой точки зрения посмотреть. Я с детства помню шуточный стишок: «К нам сегодня приходил зоопедонекрофил, мелких

или человек, который не принял ещё решение, то очень важно не разбираться с тем, быть ему гомосексуалом или гетеросексуалом, трансгендером или цисгендером, а понять, что его отталкивает от того пола, который дан природой.

3. Фрейд говорил, что анатомия — это

Гомосексуальность или трансгендерность 20-30 лет назад были, как минимум, удивительны и настораживали, как что-то непонятное и отвергаемое обществом.

Предлагать ребенку выбор пола, когда у него нет полного представления о том, что означает быть женщиной или мужчиной — это ставить его перед выбором, который он сделать не может.

дохленьких зверушек он с собою приносил». В данный момент нашей жизни зоофилия, некрофилия и педофилия к норме не относятся никаким образом.

Горизонты раздвигаются, маленькая галактика становится бесконечной вселенной. И где мы остановимся? Очень трудно предположить. Всё время вбрасываются какие-то новые идеи. Все знают про окна Овертона. Они начинают действовать очень быстро.

У меня есть любимая фраза, что «глупо чинить водопровод, когда идёт цунами». Изменять мелкое, бороться против него не стоит, когда идёт большой цивилизационный сдвиг, связанный с цифровыми технологиями. Огромный поток того, что было под запретом в течение столетий, вдруг становится доступным в течении 50-60 лет. Думаю, что психологически люди к этому не очень готовы, они не успевают перестраиваться. Мы оказываемся в какой-то ситуации, мы в ней живём, но осмысление того, что происходит, не успевает за актуальной реальностью.

— **Люди, которые становятся «законодателями» мнений..**

— Они называются инфлюэнсерами, лидерами мнений. И с ними большие проблемы, к сожалению, так как часто это — люди с миллионами подписчиков, но совершенно необразованные, а иногда то, что они высказывают как непреложную истину, является просто вредоносным. Последнее время мы практически потеряли такое важное понятие как ЭКСПЕРТНОСТЬ!

Молодое поколение очень много «сидит» в интернете и в меньшей степени общается с родителями. В какой-то момент происходит то, что мама осуществляет функциональный уход за ребенком, обеспечивает внешние физиологические потребности. Ребёнок любит того, кто с ним играет. Если с ним играет не мама, не папа, а гаджет, то у него формируется доверие к тому, что идет из этой электронной коробочки — оно и есть правда. Он скроллит ленту, а там говорят, что можно быть девочкой, можно быть мальчиком, можно заниматься сексом. Это вопрос воспитания, взаимодействия с детьми. Детей не надо учить, им надо показывать пример. Если ребёнок видит, что мама «сидит» в телефоне, то и он там «сидит». Он автоматически думает, что все, что там, мама принимает. И я это приму. Показать нормальную полоролевою модель родителям, к сожалению, зачастую бывает некогда

Основная проблема, с которой сталкиваются трансгендеры — это гендерная дисфория.

— **Если у 11-ти летнего ребенка спросить: «Ты кем хочешь быть?» и он ответит: «космонавтом», то нам с вами очевидно, что это вообще не значит, что он будет**

Если к нам приходит человек, который об этом задумывается или человек, который не принял ещё решение, то очень важно не разбираться с тем, быть ему гомосексуалом или гетеросексуалом, трансгендером или цисгендером, а понять, что его отталкивает от того пола, который дан природой.

космонавтом. Мы не спешим отправлять его в космос, и даже на курсы подготовки космонавтов. Ребенок ещё 15 раз передумает, завтра он захочет быть артистом, послезавтра тренером дельфинов и т. д. Серьезность его намерений никого не вводит в заблуждение. На уровне профессии нам с вами это очевидно. Почему с гендером не так? Почему игнорируется здравый смысл?

— Я не сторонник теории заговоров, но здесь явно какая-то конспирология есть.

Меня пугает скорость, с которой все происходит. Нет вопросов к гомосексуальности. Но вот когда это становится модным... Врожденный биологический фактор, конечно, значим — тут у меня нет никаких вопросов. Но есть ощущение, будто общество само подталкивает к выбору таких связей: у человека в определенном возрасте есть выбор — идти по гомо или гетеросексуальному пути — и тут общество ему говорит, что классно быть гомосексуалом, это — эксклюзивное меньшинство, это — круто, престижно. Мы часто, не осознавая этого, оказываемся под влиянием скрытой рекламы. Статья 6.21. «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних» в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях мне кажется обоснованной.

— Есть ли шанс у человечества выжить и у молодых людей все-таки построить отношения?

— Гомосексуальные отношения — это тоже отношения. Трансгендеры тоже выстраивают свои отношения. Я не за белых, не за красных. Я, скорее, наблюдатель за тем, что происходит. Отношения в гомосексуальных парах бывают очень любящие, хотя есть своя специфика. Если человек не может построить отношения с женщиной, а строит хорошие отношения в гомосексуальной паре — то пусть строит. Но это не надо пропагандировать, не надо подсказывать ответы. Если это биология — она проявится, с этим мы ничего не сможем поделать. Но демонстрировать, показывать и заинтересовывать тоже не надо.

— Мы много говорили про молодежь, а теперь давайте про нас, про взрослых людей. Про тех, кто долго в отношениях, в длительных браках. Не секрет, что с годами сексуальность и страсть уходят из отношений.

— Конечно, секс двадцатилетних с сексом людей за 50 сравнивать нельзя. Это про разное.. Уже нет той страсти, интенсивности, меняется физическое состояние. У людей моего поколения есть шутка: «те звуки, которые я раньше издавал во время секса, сейчас

я издаю, просто вставая с дивана». Шутка конечно, но в каждой шутке только доля шутки..

Как человек, пребывающий в тридцатилетнем браке, могу сказать по собственному опыту, что потребность в сексе остается. Скорее, он качественно меняется, появляется возрастающая близость, секс становится более чувственным, появляется большая терпимость к партнеру и взаимопонимание. В достаточно хороших отношениях сексуальная близость не уходит, а трансформируется.

Жизненная рутина и скука убивают влечение. Но, если у каждого из партнеров есть своё пространство, если человеку в этом пространстве комфортно, то при взаимодействии партнёром будет сохраняться яркость и интерес. Еще я думаю, что хорошо создавать возможность немного друг по другу соскучиться. Это не значит, что нужно жить порознь. Когда мужчина занят своим делом и у него есть хобби, когда женщина находит время следить за собой и развиваться, им есть о чем говорить, есть о чем посплетничать, хочется привлечь внимание своего партнера, то это и создает возбуждение. Надо

Существует прекрасное выражение — что бы ни делали люди по взаимному согласию — то для них и является нормой.

Изменять мелкое, бороться против него не стоит, когда идёт большой цивилизационный сдвиг, связанный с цифровыми технологиями.

«раскачать» психику, как хорошо иногда бывает даже поругаться! Очень важно, чтобы люди друг к другу не привыкали, не сливались. «Бытовуха», отсутствие яркости, пресная жизнь — они как раз сексуальность и убивают. Если партнёры даже через 30 лет остаются друг другу интересны, тогда и секс будет. Мы – разные, и от этого возникает желание обладать. Секс — это такая «вишенка на торте», квинтэссенция отношений. Человек, в хорошем варианте, развивается всю свою жизнь.

— Мы говорим сейчас про некую дистанцию, которая формирует влечение и фантазию и дает для этого пространство, про чередование встреч и разлук? Чтобы можно было помечтать и воплотить?

— Мечтать и фантазировать нужно в любом возрасте. Но не все фантазии надо реализовывать, тем более, что они редко совпадают с реальностью.

Я полагаю, что у большинства людей время от времени появляются фантазии или даже влечения к новым объектам, реальным людям или, например, киногероям.

Иногда эти фантазии реализуются. Статистика измен в России неутешительна: наша страна занимает одно из первых мест в мире по числу разводов, которые произошли по причине неверности в отношениях. Статистика гласит, что изменяют 75% мужчин и 25% женщин.

Есть ощущение, будто общество само подталкивает к выбору таких связей: у человека в определённом возрасте есть выбор - идти по гомо или гетеросексуальному пути - и тут общество ему говорит, что классно быть гомосексуалом, это - эксклюзивное меньшинство, это - круто, престижно.

— **Дистанция при сохранении объекта, константность объекта, если говорить про зрелость отношений, и тогда можно расставаться и чувствовать притяжение.**

— Сейчас и женщина и мужчина могут себя обеспечивать, в крупных городах — точно. И очень большое распространение получают гостевые браки, открытые браки. По моим наблюдениям, это чаще происходит с теми, кто ищет партнеров после 40 лет. Партнер нужен для общих интересов, чтобы можно было позвонить, чтобы знать, что у тебя есть близкий человек. Когда затрагиваются вопросы бытовые, из серии — а как это, жить вместе, — возникают вопросы. У людей за 40 лет уже есть сформированные привычки и очень часто их сложно поменять. Гостевые браки в определённом возрасте являются очень неплохим выбором. Понятно, когда это молодые люди, когда семья, когда нужно друг другу помогать, растить детей — тут нужно плечо партнёра. Когда дети уже выросли, человек один и он получает свой уровень комфорта, тогда ему нужен другой человек для объектных отношений, чтобы разделять какие-то интересы, и для секса. Формат гостевых браков мне кажется очень перспективным. Мы не сливаемся, есть у каждого своё, но у нас есть и общее. Возможно, за этим большое будущее.

— **Мне бы хотелось поговорить об обсуждении сексуальности во время психоаналитической психотерапии. Является ли обсуждение сексуальности обязательным в терапии? Можно ли считать терапию законченной, успешной, если вопросы сексуальности вообще никогда не обсуждались?**

— У нас есть пять тем, которые охватывают всю нашу жизнь. Первое — вопросы прошлого; второе — вопросы настоящего, актуальные вопросы: что с человеком происходит; третье — тема сновидений; четвертое — что происходит здесь и сейчас между терапевтом и пациентом; пятое — тема сексуальности. Эти пять тем покрывают все наши жизненные ситуации.

Нужно ли обсуждать вопросы секса, является ли это обязательным? Думаю, надо четко понимать, почему пациент не затрагивает эту тему. И есть, как минимум, два

варианта. Человек полностью удовлетворен своей сексуальной жизнью, не испытывает никаких трудностей, и тогда интерес аналитика к этой сфере может восприниматься как грубое вторжение. Или же мы сталкиваемся с сопротивлением, и эта тема является очень

Последнее время мы практически потеряли такое важное понятие как ЭКСПЕРТНОСТЬ!

эмоционально заряженной или даже травматичной, что и приводит к старательному избеганию пациентом соприкосновения с ней. В этом случае, тема сексуальной жизни, вне всякого сомнения, будет являться обязательной для проработки.

Мы живем в такое время, когда вынуждены сталкиваться с новыми реалиями, с новым взглядом на привычные вещи и подчас модифицировать нашу технику под них. Хочу привести один интересный пример работы с пациентом с новыми возможностями, которые появились совсем недавно.

Пациентка, находясь в браке, избегает сексуальных отношений с мужем несколько лет. Она реализует свои влечения через игры. Я могла бы начать конфронтировать: «Почему вы не спите с мужем? Это ненормально». Она не готова обсуждать эту тему, моё давление на неё было бы очень большой ошибкой. Её психическое состояние позволяет ей разбираться с вопросами секса только через игру. У нее много сексуальных фантазий, которые мы обсуждаем в рамках игры. Любые попытки обсуждения ее реальной половой жизни, а вернее ее отсутствия, привели бы к еще большему сопротивлению.

По сути, для нее игра является переходным пространством. Пока какие-то проблемы не будут проработаны в этом переходном пространстве, она не выйдет к реальной сексуальности. Это невозможно. Психоаналитическая психотерапия хороша тем, что мы понимаем психодинамические процессы. Предположу, что большинство психологов других модальностей начали бы конфронтировать с такой пациенткой и конкретно разбираться с ее жизненной ситуацией. Мы же, обсуждая тему сексуальности через игру, пытаемся вывести пациента из этого переходного пространства в реальность. И, возможно, когда в безопасном переходном пространстве это будет проработано, она «дозреет». Это, конечно, инфантильность, это незрелость. Человек «сидит» в фантазиях и совершенно не готов к реальному контакту. Замуж она вышла, а не знает, что с этим делать и зачем она это сделала. Женщине 35 лет, она играет в Гарри Поттера, Симс и другие игры.

Спрос рождает предложение! Игр, где можно осуществить свои фантазии в виртуальном пространстве, становится все больше. Это примета нового времени. Вся жизнь виртуализируется, с этим сложно спорить, надо думать как мы можем использовать в нашей работе эти открывающиеся возможности.

— Существует ли любовь, как вы считаете?

— Если бы мне кто-нибудь когда-нибудь объяснил, что такое любовь, я бы дала вам ответ на этот вопрос. Понятие любви — одно из самых субъективных понятий, какое существует за всю историю человечества.

Мы очень хорошо понимаем, что такое влюблённость. С точки зрения психологии — это некая идеализация: «Я его слепила из того, что было». Я «навесила» на него свои

Формат гостевых браков мне кажется очень перспективным. Мы не сливаемся, у нас есть у каждого своё, но у нас есть и общее. Возможно, за этим большое будущее.

Мы живем в такое время, когда вынуждены сталкиваться с новыми реалиями, с новым взглядом на привычные вещи и подчас модифицировать нашу технику под них.

проекции, а потом за это и полюбила. Изменился состав крови, гормональный фон. Мы знаем, что влюблённость сродни наркотическому опьянению.

А что такое любовь? В книгах пишут массу всяких определений любви — любовь к Родине, любовь к ребёнку, любовь к партнеру. Вариаций любви существует очень много. Любовь — это какой-то специфический набор чувств, который мы можем испытывать, это что-то очень индивидуальное. Любовь уникальна, как роговица глаза или отпечатки пальцев. Люблю фразу, которую приписывают З.Фрейду: «Мы встречаем только тех, кто уже существует в нашем подсознании». Я с этой формулировкой очень согласна. У нас есть в этом внутренняя потребность. Можно счастливо прожить жизнь с человеком и родить много детей, но не почувствовать любви. Любви, которая тебя куда-то влечет, когда ты рядом с человеком. Это — не идеализация, это какое-то совпадение двух бессознательных. Это, наверное, про андрогинность — когда ты встречаешь свою половинку. Не зря существует этот миф. Когда ты встречаешь человека, который «прописан» в твоём бессознательном, — это большая удача. Многие браки строятся либо на влюблённости, либо на привязанности. Бессознательная любовь — когда ты не понимаешь, почему это происходит. Ты видишь все недостатки человека и, вместе с тем, тебе хочется быть с ним. И объяснения этому нет. Только, если ты обратишься к аналитику и он объяснит тебе твою детскую историю. Любовь не со всеми случается, а если случается — то это счастье.

— Как хорошо сказали! Татьяна Владимировна, благодарю вас за беседу. Чувствую большое удовлетворение от нашего теплого разговора.

Интервью провела Г. Гридаева

Симбиотические отношения матери и сына и сексуальные преступления

Карола М. Ленэке

- судебный эксперт-патопсихолог, руководитель психотерапевтической группы судебно-психиатрической клиники Олденкотте

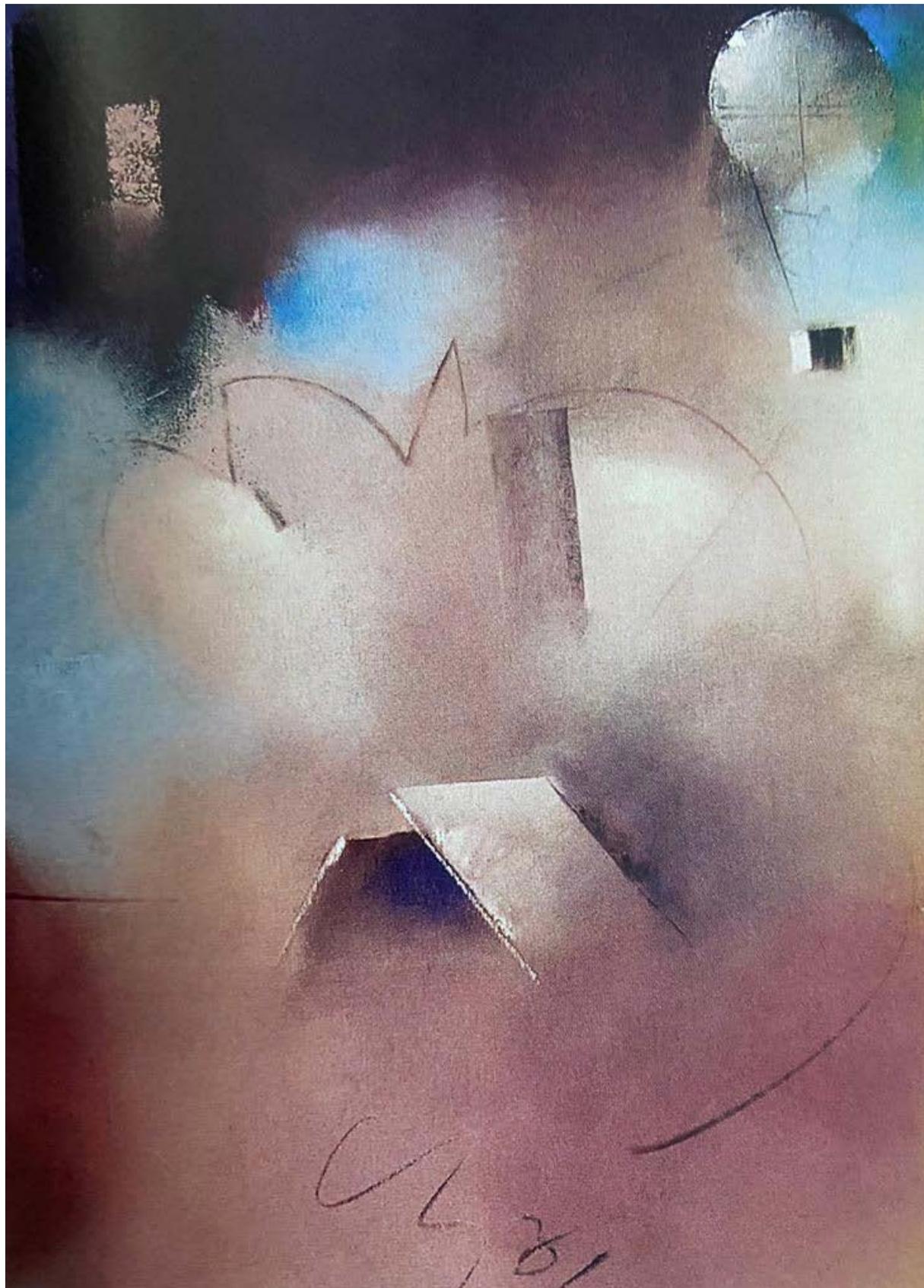

Фрейд считал, что в будущем будут найдены биохимические основы сексуальности. Тем не менее, он недвусмысленно полагал, что либидо имеет органическую основу и не вызывается никакими другими силами.

Согласно психоаналитическим концепциям сексуальности и влечения (в их кратком изложении), на относительно поздних этапах развития внутрисемейных отношений желательно предотвратить формирование симбиотических отношений между матерью и сыном. Однако многими специалистами это понимается не вполне корректно.

Сексуальность играет центральную роль в психоаналитической метапсихологии. З. Фрейд считал, что в будущем будут найдены биохимические основы сексуальности. Тем не менее, он недвусмысленно полагал, что либидо имеет органическую основу и не вызывается никакими другими силами. Более того, согласно его представлениям, существует всего два исходных влечения: сексуальное влечение и влечение к самосохранению. Это – так называемая фазовая

теория онтогенеза либидо (на оральной, анальной, фаллической и генитальной стадиях) [8]. На поверхности этих телесных зон под приматом генитальности формируется зрелая форма сексуальности. Более поздние психоаналитики [7; 17] уделяли больше внимания «общей теории влечений». Таким образом, теория сексуальности стала больше рассматриваться в контексте объектных отношений, что важно и для понимания симбиотических отношений матери и ребёнка. Влечение стало пониматься как внешнее травматическое внедрение сексуальности, т.е. искушение со стороны взрослых. Это искушение не синонимично инцесту или сексуальному насилию в более узком смысле, но неизбежно присуще человечеству в тесной связи с развитием речи и объектной привязанности. Сексуальное влечение в этом представлении не может быть редуцировано до поиска физиологического механизма разрядки на уровне различных эрогенных зон.

СИМБИОЗ И НОРМАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

После рождения ребёнок оказывается в психическом слиянии, симбиозе со своей матерью. Мать кормит младенца и осуществляет все остальные формы ухода, то есть ребёнок является пассивным и полностью зависимым существом. Это нормальная ситуация. Физически мать не зависит от ребёнка, но ребёнок полностью зависит от матери. Она глубоко влюблена в своего милого малыша и безоговорочно наслаждается заботой, поёт, целует, укладывает в колыбель, ласкает и моет ребёнка. Её голос, улыбка и удовольствие, получаемое во время ухода, имеет фундаментальное значение для переживания ребёнком опыта своего тела и других психических реакций во время этого усиленного взаимодействия. Если мать хорошо адаптируется к потребностям ребёнка, они оба могут наслаждаться интенсивностью симбиотического существования. Но удовольствие от переживаний новорожденного во время ласк и любовной заботы никоим образом не может сравниваться с сексуальной нагрузкой и сексуальным удовольствием взрослых. Однако заботливый уход и телесные сенсации, его сопровождающие, оказывают существенное влияние на форму проявления, которую примет сексуальность в дальнейшем. Например, прообразом удовольствия может быть чувство насыщения во время кормления грудью. Речь не идёт о сознательной форме соблазна, а о бессознательном прообразе «влечения», присущем любящему, заботливому характеру отношений между матерью, отцом и ребёнком. В нарциссическом внутреннем мире ребёнка ещё нет различия между переживанием себя самого и матери. Материнская «грудь» принадлежит целиком и полностью ему. Он переживает её не иначе, как часть себя. И только в результате дальнейшего роста и развития обнаружится различие «я» и «не я». Мать – это и отдельный человек, и он сам одновременно. Ребёнок

Если мать хорошо адаптируется к потребностям ребёнка, они оба могут наслаждаться интенсивностью симбиотического существования. Но удовольствие от переживаний новорожденного во время ласк и любовной заботы никоим образом не может сравниваться с сексуальной нагрузкой и сексуальным удовольствием взрослых.

Функция отца состоит в том, чтобы умело развенчать фантазии маленького мальчика о слиянии с матерью и о полном распоряжении отцом.

эмоциональным мотивами, всегда будут связаны с его партнёром, а также с его потребностями в автономии и индивидуальности. Для дальнейшего созревания ему потребуются любовь и защита со стороны отца и матери. В нашем обществе мать, обычно, является первым человеком, с которым ребёнок устанавливает интенсивный контакт. Если в своём внутреннем мире мать способна разделить с отцом свой «нарциссический объект», действуя в интересах ребёнка, она, таким образом, будет способствовать развитию самосознания у ребёнка, т. к. личность ребёнка признаётся, ей восхищаются, она не чувствует угрозы. Мать и отец предоставляют безопасную, дружественную среду, в которой признаются нужды маленького человечка. В такой среде у него развивается «здоровый нарциссизм», благодаря которому ребёнок чувствует себя свободным и ценным. Оба родителя должны направлять психосексуальное развитие. Мать действительно является первым женским объектом в жизни ребёнка, который стимулирует его эротически, но это лишь переходная фаза.

Эдипов треугольник отношений должен вырисовываться с правильными сторонами. При этом функция отца состоит в том, чтобы умело развенчать фантазии маленького мальчика о слиянии с матерью и о полном распоряжении отцом. Он будет стимулировать сына следовать своему примеру посредством интереса к идентификации с мужской реальностью. На символическом уровне отец вручает сыну фаллос. Другими же словами, отец (посредством идентификации) вводит мальчика в мужскую реальность, мир, отличающийся от мира матери.

Таким образом, интимный симбиоз с матерью разрешается сам собой. Следовательно, мальчик защищён (от симбиотической феминной диады) и психосексуальное развитие будет продолжаться. При совместном воспитании ребёнка обоими родителями мальчик через здоровую триангуляцию сможет найти своё место и безопасно усвоить (связать) роли обоих родителей. Идентифицируя себя с отцом в качестве положительного мужского образа для подражания, он присваивает себе черты своего отца, т.е. исходное эдипальное соревнование становится чередой подражаний. При помощи этих моделей здорового воспитания, которые устанавливают безопасную привязанность ребёнка, он может отказаться от своих (нарциссических)

обнаружит, что «грудь» существует не всегда и появляется не сразу по его хотению. Процесс созревания и психического развития принесёт ему много новых открытий, приятных и менее приятных. Эта напряжённость и поиск баланса между исполнением его желаний и ограничивающими социальными табу, нормами и ценностями, противостоящими

При совместном воспитании ребёнка обоими родителями мальчик через здоровую триангуляцию сможет найти своё место и безопасно усвоить (связать) роли обоих родителей.

грандиозных фантазий и начать воспринимать своих родителей как реальные объекты. Он сформирует внутриспсихические образы обоих родителей. Мать в его глазах всё ещё будет весьма могущественной, но по мере взросления будут интегрироваться и другие её качества. Так она станет человеком «из плоти и крови», которые больше не нужно идеализировать и бояться. Аналогично обстоит дело и с отцом. Со временем будут интегрированы в собственную идентичность автономия и самостоятельность. То есть он, так сказать, сможет быть и отцом, и матерью самому себе, не пренебрегая и своей личностью, т.е. сможет заботиться о матери и отце.

Использование переходного объекта является универсальным творческим явлением и исчезает, когда ребёнок обладает достаточными рефлексивными (символизирующими) способностями.

СЕПАРАЦИЯ И ИНДИВИДУАЦИЯ В БЕЗОПАСНОМ ОКРУЖЕНИИ

При нормальном развитии попытки сепарации [от первичного объекта] протекают не без тревоги. Но, если родители включены в процесс воспитания положительным, доверительным и защитным образом, тогда формируется безопасная привязанность и первые самостоятельные шаги не вызывают чувства вины. Процесс сепарации вызывает у малыша интерес и забаву, мы можем видеть это в игре «в прятки», в которой дошкольники практикуют это разделение. Определённая степень дискомфорта разлуки всегда наличествует, но эти переживания не обязательно отрицательные. Малер [19] считает, что некоторая напряжённость необходима и способствует дальнейшему формированию личности (индивидуации). Если константность объекта неоптимальна, ребёнок может утешаться углом одеяла или плюшевым медвежонком (переходный объект). Ребенок, таким образом, создаёт для себя промежуточную область между его внутренним миром и внешней реальностью. Это - творческое решение, остаться на время без конкретной матери, существующей отдельно, освободиться от неё, сохраняя при этом внутриспсихический баланс. Мы часто видим это, когда дети утомлены, встревожены или чувствуют себя одиноко. Переходный объект податливый, успокаивающий, он выбирается самим ребёнком, обычно на первом году жизни, и действует как мостик в реальность. Он дарует мир и становится заменой отсутствующей матери. Используя переходный объект, малыш показывает, что он может и будет усваивать утешительный образ матери. Это признак того, что он находится на пути к автономии, поскольку это – один из внешних объектов, которые доступны его контролю. Согласно Гринейкер

Нарушения развития возникают тогда, когда родители по тем или иным причинам не справляются со своими обязанностями по структурированию психики ребёнка.

[12-14] использование переходного объекта является универсальным творческим явлением и исчезает, когда ребёнок обладает достаточными рефлексивными (символизирующими) способностями. Обычно этот момент приходится на начало латентного периода, к семи годам.

ЗАТОЧЕНИЕ В СИМБИОТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ С МАТЕРЬЮ И ПАТОЛОГИЧЕСКОЕ НАРЦИССИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Нарушения развития возникают тогда, когда родители по тем или иным причинам не справляются со своими обязанностями по структурированию психики ребёнка. Критическим фактором возникновения патологической организации личности может быть отказ от исполнения детско-родительских ролей. В отсутствии (положительного) партнёра мужского пола мать может сосредоточиться на своём сыне не только потому, что любит сына, но потому, что начинает особенно в нём нуждаться. Он компенсирует пустоту её жизни. Ребёнок становится заменой отсутствующего или ненадёжного супруга. В этом случае мать нарциссически нуждается в таком ребёнке, но не наоборот! Ребёнок смотрит в пустоту, но не узнаёт себя, и сталкивается с невыполнимой задачей отзеркаливания собственной матери. Её пустота должна быть заполнена, а её тоска требует интерпретации. Когда это происходит, ребёнок нарциссически запол-

---

Сообщение о том, что отца нет, имеет своё бессознательное значение, и ребёнок убеждается, что может стать «замещающим партнёром». Посредством этого эротизированного отождествления с родителем формируется ложная картина способностей ребёнка; он приходит к мысли, что способен сделать свою маму счастливой.

няется матерью, но не матерью, выступающей нарциссическим объектом для ребёнка. Ему не удаётся сепарироваться от матери и продолжить процесс индивидуации. В этом случае исчезают границы, а, следовательно, развитие Собственного Я нарушается. Большая часть его желаний и потребностей на самом деле будет принадлежать матери. Ребёнок ещё не научился предъявлять собственные эмоциональные желания. С каждым разом ему всё труднее взрослеть и различать собственную привязанность и привязанность матери (другого). Он всегда лишь приковывал внимание матери (другого). У него развилось «ложное Я» в понятиях Винникотта [29], и он действует как всемогущий, запатентованный ребёнок, у которого всегда должны быть крепкие плечи (в основном, чтобы угодить своей матери). Но за этой маской стоит его собственное отщеплённое и расколотое Я, истощённое и переполненное неистовой яростью.

Хальберштадт [15] называет эту симбиотическую ловушку «симбиотической иллюзией», т.к. ведётся бессознательная игра, призванная поддерживать иллюзию в контакте с безусловной любовью. Это иллюзия, в которой мальчик – это всё для матери, а она должна быть всем для него. Важным следствием этой иллюзии является то, что мать

В отсутствии (положительного) партнёра мужского пола мать может сосредоточиться на своём сыне не только потому, что любит сына, но потому, что начинает особенно в нём нуждаться.

не помогает ребёнку вернуть фан-тазии величия обратно к своим истинным масштабам. Это заманчиво, если не эротично, потому что сообщение о том, что отца нет, имеет своё бессознательное значение, и ребёнок убеждается, что может стать «замещающим партнёром». Посредством этого эротизированного отождествления с родителем формируется ложная картина способностей ребёнка; он приходит к мысли, что способен сделать свою маму счастливой. Это *folie á deux*¹, идиллия, из сознания которой должны быть изгнаны вся агрессия и чувство ненависти. Отделённый гнев переносится в особое чувство благодарности и порочный круг замыкается. В этой игре отец будет представлен как тягостный третий лишний, что будет показано в клиническом примере.

Взаимная симбиотическая зависимость является тяжёлым отрицанием различий между поколениями и приводит ребёнка к извращённым отношениям с матерью, окрашенным интенсивной виной. Такой опыт дезориентирует, сбивает с толку, поскольку отношения между полами и поколениями теряют свою стабильность и структуру. Если нет другого значимого мужчины, с которым возможен какой-либо союз ребёнка, он так и останется пустым пространством, а мать так и останется центральным персонажем в жизни сына. Если отец не играет никакой роли в воображении матери, ему нет символического пространства в жизни ребёнка.

ФАНТАЗИЯ И СЕКСУАЛИЗАЦИЯ

Дети и подростки в значительной степени зависят от поддержки своим непосредственным социальным окружением их чувства безопасности, смысла, силы и комфорта. Даже наше биологическое созревание сильно зависит от характера привязанности. Травматические события можно пережить в условиях зрелых защитных механизмов контроля за внешними и внутренними угрозами. Из наших эмпирических исследований стало ясно, что испытуемые в детстве были травмированы и происходят из семей, в которых преобладает внутренний хаос (симбиотические отношения между ма-

---

Взаимная симбиотическая зависимость является тяжёлым отрицанием различий между поколениями и приводит ребёнка к извращённым отношениям с матерью, окрашенным интенсивной виной.

терью и сыном) наряду с нападками пренебрежения и унижения. Ван дер Колк [27] считает, что ребёнок в условиях такой стимуляции пренебрежения и унижения становится хронически уязвимым для повышенной нейрофизиологической активации (становится гиперактивным), что может привести к неспособности регулировать интенсивные переживания. Это означает неспособность совладания с собственными эмоциями, тревогами,

стрессами из-за дефицита функции торможения. У таких детей регуляция интенсивных переживаний осуществляется путём биосинтеза эндогенных опиоидов. Данные вещества снижают норадренергическую активность, уменьшая гиперактивность на поведенческом уровне, но этот процесс не всегда успешно работает в условиях длительного стресса. Таким образом, травмированные дети будут нуждаться во всё более сильных внешних стимулах для того, чтобы прийти в себя и успокоиться. Они постоянно пребывают во власти своих эмоций, будучи не в состоянии справиться со стрессом, а их уровень толерантности значительно уменьшается, выводя их из равновесия.

Альтернативный способ нейтрализации гиперактивности – через различные формы зависимого поведения, включая навязчивый поиск рискованных событий, напоминающих первоначальную травму. Навязчивое повторение травмы – это бессознательный процесс, который временно приносит с собой чувство облегчения, ощущение контроля и даже удовольствия, но в конечном итоге сохраняет хроническое чувство беспомощности и внутренней плохости.

Ван дер Колк и его коллеги [28] считают, что такие дети развивают разные формы восстановления самоконтроля и регуляции настроения. Часто эти способы являются причудливыми и саморазрушительными. Считается также, что частота, с которой эти дети повторяют свои агрессивные взаимодействия, связана с интенсивностью навязчивого повторения и идентификацией с агрессором. Последний защитный механизм служит для замены страха и беспомощности чувством всемогущего контроля. Дети с большей охотой обвиняют самих себя в жестоком обращении (плохой автономный/инцестуозный ребёнок), чем взрослых. Такие дети изначально охотно цепляются за иллюзию «хороших родителей». Как ни странно, если ребёнок возлагает на себя ответственность за издевательства и/или насилие, эта иллюзия тоже даёт ему чувство контроля. Но, в конце концов, направлять на себя ненависть и гнев, предназначенный родителям, и брать на себя ответственность – разрушительно. Поэтому эти чувства направляются на внутреннее плохое автономное Событийное Я.

Фантазия тоже может обеспечить столь необходимое спокойствие и утешить обиженного и избитого ребёнка. И одновременно она уносит из суровой действительности. В фантазии создаётся мир, в котором они оборачивают свою унижительную детскую травму и представляют, как унижают других людей, чтобы больше не стать объектом насилия и унижения. Таким образом, ребёнок обретает чувство власти и превосходства. В фантазиях сексуальных преступников ненависть стирается и изображается сексуально. В этом воображении доминирующую роль играет принцип удовольствия

Ребёнок в условиях такой стимуляции пренебрежения и унижения становится хронически уязвимым для повышенной нейрофизиологической активации (становится гиперактивным), что может привести к неспособности регулировать интенсивные переживания.

Травмированные дети будут нуждаться во всё более сильных внешних стимулах для того, чтобы прийти в себя и успокоиться.

в результате фантазийного исполнения желания, а фантазия становится основным источником агрессивного и сексуального возбуждения. Непередаваемый словами опыт! Но в фантазии агрессия и возбуждение всегда под контролем, а человек сильный. Поэтому фантазия играет решающую мотивирующую роль в совершении преступления. В первую очередь она является способом совладания с ситуацией, бегством от повседневной неприязни в семейной жизни. Но позже эта же фантазия станет навязчивой идеей, а фантазийные образы обретут форму зависимости, при помощи которой регулируется настроение. Эротическая фантазия, словно одеяло, предоставляет комфорт и тепло опустошённому и униженному Эго. Но сколь бы ни были утешительными эти образы в фантазии, глубокая жажда любви требует тишины покоя. Благодаря неизбежному преобразованию этих образов в реальное поведение (ненасытная потребность в аффектации) похотливые образы начинают работать как психоактивное вещество, вызывающее привыкание и модифицирующее психическое состояние. В нашем клиническом исследовании (Lehnecke, 2004) один испытуемый совершил 22 изнасилования. Он пояснил, что всегда был доволен и спокоен, в каждом случае своего преступления. Секс как лекарство, назначаемое по собственному велению, повышает негативную самооценку. Эротическая фантазия – неотъемлемый элемент сексуального преступления, движущая сила и прелюдия одновременно. Таким образом, преступление складывается не только из когнитивных шаблонов мышления, но и навязчивых фантазий, а также аффективного голода по чувству силы, стремления власти, обладания и неуязвимости. Само преступление также приводит к психологическому и соматическому покою.

Другое «оружие» в борьбе с нарциссической пустотой – это сексуализация. То есть, сексуализация – это усилитель Я, вызывающий переживание приятного, т.к. помимо прочего сексуализация наполняет слабую структуру. А также может использоваться в качестве защиты от болезненных переживаний. Сексуальное возбуждение оживляет, оно возвращает силы, убеждает опустошенный и обеднённый субъект в истинности его существования и подтверждает реальность чувственного восприятия. Возбуждение, как и все виды интенсивных эмоций, имеет множество значений и может непрерывно перетекать от нормального регистра к патологическому. Принадлежность сексуализации к патологическому спектру определяется её степенью, формой и способом реализации.

Обычно понятием «сексуализация» обозначается ненадлежащее использование сексуального контакта или в неуместном для этого контексте. Другими словами, сексуализация – это использование сексуального импульса в несексуальной

В фантазии создаётся мир, в котором они оборачивают свою унижительную детскую травму и представляют, как унижают других людей, чтобы больше не стать объектом насилия и унижения.

В фантазии создаётся мир, в котором они оборачивают свою унижительную детскую травму и представляют, как унижают других людей, чтобы больше не стать объектом насилия и унижения.

Эротическая фантазия словно одеяло, предоставляет комфорт и тепло опустошённому и униженному Эго. Эротическая фантазия – неотъемлемый элемент сексуального преступления, движущая сила и прелюдия одновременно.

ситуации (процесс, обратный сублимации). Но аналогичная ситуация может иметь место и без использования секса. Например, когда физическое напряжение снимается посредством мастурбации или полового акта. Это часто происходило в случаях обследованных нами мужчин. Они говорили о напряжении или волнении, которые подлежали немедленному устранению. В их случаях мастурбация и сексуализация возникали в препубертатном периоде. Последующее мгновенное расслабление действует подобно волнующей и похотливой эротической фантазии, регулирующей аффективное состояние. Если сексуализация используется чрезмерно и навязчиво, она работает в качестве защитного механизма. Следовательно, её источником является не влечение либидо, а сексуальное поведение, исходящее из Эго, а значит, она выполняет функцию усиления Эго. Фантазия играет здесь обязательную, неотъемлемую, первостепенную эйфоризирующую роль.

ПРИВЯЗАННОСТЬ

Привязанность – это эмоциональная связь между людьми. Надёжная или положительная привязанность ребёнка и взрослого – это аффективная связь, в которой один человек воспринимает другого как защитную и безопасную фигуру (объект). Сформированная надёжная привязанность продолжает существовать даже в случае отсутствия человека. Её также характеризует способность одного человека утешить или поддержать другого в периоды стресса или опасности. Так обстоит дело в нормальных условиях. Опыт безопасности и защищённости в непосредственной близости имеет важное значение для успешного физического и психического развития. Дж. Боулби [3; 4] был убеждён, что дети имеют врождённое инстинктивное стремление развивать привязанность к ухаживающим за ними фигурам. Он также считал, что базовые модели привязанности формируют основу для установления более поздних социальных отношений. Младенцы могут в очень раннем возрасте воспринимать настроение и чувства своих родителей. В первые три года правое полушарие ребёнка, связанное с аффективными процессами, является доминирующим.

Выражения лица, тембр голоса, жесты родителей могут чувствоваться и интерпретироваться безошибочно. Это часть естественного онтогенеза, поскольку способность к вербальной коммуникации появится гораздо позже. Зрительное, слуховое и тактильное восприятие являются основными силами формирования

Сексуализация – это усилитель Я, вызывающий переживание приятного, т.к. помимо прочего сексуализация наполняет слабую структуру.

привязанности. Бейтс и его коллеги [2] утверждают, что, если мать (или другой осуществляющий уход человек) доступна, активируются нейроны передней орбитальной коры, формируя способность ребёнка вступать в широкий спектр аффективных отношений. Обычно дети формируют свою первую привязанность к родителям между пятым и девятым месяцами. За исключением случаев воспитания в стрессовой и небезопасной среде, большинство детей могут вступать в аффективную коммуникацию. В эмпирическом исследовании Ван дер Боома [26] показано, что даже в группах с высоким потенциальным риском нарушений невербальной коммуникации адекватная чувствительность матери к ребёнку позволяет сформировать безопасную привязанность. Всё то же самое характерно и для ухода, осуществляемого отцом: безопасные, вовлечённые и эмоционально близкие родители обеспечат своему ребёнку внутренний баланс, необходимый для правильного развития. В такой динамичной реципрокной системе ребёнок формирует взаимосвязанные репрезентаты родителей, преобразуя и закрепляя их в психическую «рабочую модель», которая опосредует его эмоциональный опыт, когнитивный стиль, способность к рефлексии, связность мышления и работу памяти. Коллинс и Рид [5] считают, что внутренние «рабочие модели» или «репрезентаты» остаются относительно стабильными на протяжении всей жизни. Они полагают, что люди с надёжной привязанностью, выросшие в тёплой, структурированной и безопасной среде приобретут достаточные навыки для возможности создавать доверительные отношения, смогут адекватно регулировать свое напряжение и эмоции и будут достаточно уверенными в своей компетентности. Такой положительный опыт способствует формированию автономного Собственного Я [6; 9; 18]. Уверенность, полученная благодаря здоровым отношениям между родителями и детьми, дает ребенку контроль (автономию) над собой. Это приводит к формированию метакогнитивных навыков и означает, что он знает свои способности в этом мире, которому принадлежит, и наделяет смыслом своё поведение, свои идеи и желания, но также может понимать других, взаимодействуя с ними, и может делиться идеями и желаниями. Такой обмен и преобразуется в поведение. Дети с небезопасной привязанностью всегда чувствуют себя неуверенно, имеют неустойчивую самооценку и постоянно сомневаются в истинности своих чувств и мыслей. Такие дети могут даже чувствовать себя «плохо», если не могут найти систему привязанности, которая стабилизирует их чувства, или, как утверждает Уббелс [25]: «Когда у детей нет системы привязанности, внутри не может существовать их собственная субъективность. Боязливые, дети с амбивалентной привязанностью боятся доверительных отношений и страдают от страха слияния. Дети с избегающим типом боятся испытываемой внутренней пустоты, боятся голода одиночества. Дети с дезорганизованным типом привязанности ужасно боятся, что они не будут существовать, если не смогут занять место объекта привязанности и потеряют контроль над ним или ней».

Сексуализация – это использование сексуального импульса в несексуальной ситуации (процесс, обратный сублимации).

РАЗВИТИЕ «ПЛОХОГО АВТОНОМНОГО СОБСТВЕННОГО Я»

Выраженные симбиотические отношения между матерью и ребёнком и поразительная некомпетентность отца как положительного объекта для идентификации мальчика и как брачного партнера матери могут, с точки зрения объектных отношений, приводить к патологическим изменениям и патологическим идентификациям. Задержка или серьезное нарушение сепарации-индивидуации у этих детей приводит к отщеплению очень агрессивно заряженной «плохой» части Собственного Я. Прилагательное «плохой» используется здесь в смысле «условно плохой» [7], то есть как угрожающий «хорошему объекту» – в данном случае (интернализованной) матери – и, следовательно, также «центральному Эго», которое идентифицирует себя с этим «хорошим объектом». Поэтому данное прилагательное берётся в кавычки. Но мы также должны допустить, что у ребёнка есть естественное побуждение к самостоятельности, и ему необходимо освободиться от симбиоза с матерью [19]. Когда мать препятствует этой потребности, например, потому что ей очень нужна связь с ребёнком, чтобы восполнить пробел в физически или эмоционально отсутствующем отце, ищущая автономии часть ребёнка ощущается как «предающая мать», поэтому воспринимается как «плохая часть».

«Плохость» «плохого автономного ребенка» ещё больше усиливается агрессивным напряжением, возникающим у ребенка в результате нарушения его автономии. При нормальных обстоятельствах всегда есть отец, к которому ребёнок может обратиться, если

Если сексуализация используется чрезмерно и навязчиво, она работает в качестве защитного механизма.

амбивалентные чувства к матери станут слишком интенсивными для ребёнка. Примером этого является малыш, который против своей воли должен рано ложиться спать и говорит матери: «Папа большой, не так ли? И ему не нужно рано ложиться спать!». Из этого можно сделать вывод, что на данном этапе отец уже поддётся проективной идентификации автономного Я ребёнка. Другими словами,

агрессивный заряд «плохого автономного ребенка» аннулируется или «обезвреживается», потому что отец в фантазии ребёнка в отношении матери ведёт себя автономно, но при этом также и любит её, и это признается матерью. Мы предполагаем, что такое поведение нехарактерно для отцов тех лиц, которые совершили сексуальные преступления: они не были ни автономными, ни любящими в отношениях с матерью ребёнка. Следовательно, ребёнок остаётся с агрессивно заряженной частью (плохим автономным Я), которая в вообр-ажении ребенка чрезвычайно угрожает «хорошему объекту», в данном случае матери. Чтобы защитить «хороший объект» от «нападков» «плохого автономного Я», враждебно-зависимые отношения с матерью интроецируются ребёнком таким образом, что такое взаимодействие впоследствии происходит между частями детского Эго, каждая из которых идентифицирует себя с «плохим автономным ребенком» и «грустной-из-за-сепарации-с-ребёнком матерью» соответственно. Кернберг [16] описывает такой диадный интроект родитель-ребенок как «неметаболизированные

интернализированные объектные отношения». В этом двухполюсном интроекте атаки «плохого автономного Я» на «грустную мать» продолжаются, но теперь ребенок чувствует «всем своим нутром», чем обеспокоена мать. Этот процесс можно сравнить с постоянным внутриспсихическим самообвинением, которое ребенок предъявляет самому себе, потому что теперь раз и навсегда установлено отождествление с матерью.

СЕПАРАЦИЯ И ИНДИВИДУАЦИЯ В НЕБЕЗОПАСНОЙ СРЕДЕ: ПРЕЛЮДИЯ К ПЕРВЕРСИИ

Когда ребенок растет в небезопасном, сбивающем с толку (запутывающем), чрезмерно возбуждающем или навязчивом семейном окружении, таком как гиперопекающая, интрузивная симбиотическая связь с матерью, процесс сепарации может быть не только затрудненным, но, в некоторых случаях, невозможным. Ослабление или отделение от нарциссического катексиса² симбиотической родительской фигуры – это процесс, который порождает много амбивалентности и борьбы противоположностей. Каждая попытка автономии рассматривается и воспринимается как предательство. Это – небезопасная, запутанная ситуация для малыша, из которой он не может выбраться без посторонней помощи. Она порождает чувство вины и страха. В отсутствии (сильного) отца, который освобождает ребёнка от связи с матерью, ребёнок может, среди прочего, искать убежища в переходном объекте. Винникотт описывает, как маленький ребёнок сам выбирает себе предмет или ритуал, такой как большой палец, плюшевый медвежонок или одеяло, но таким объектом может быть и мелодия, которая имеет большую эмоциональную ценность для ребёнка и от которой он также неотделим. Прилагательное «переходный» используется Винникоттом для обозначения того, что объект не полностью принадлежит внутреннему миру ребёнка, но также и не миру «объективной реальности». Для ребёнка это – первый объект во внешнем мире, на который он может проецировать все желания и потребности, и для него он приобретает реальный смысл обладания. Вступление во владение переходным объектом – это чрезвычайно творческий автономный акт. Ребёнок по своему выбору берёт что-то, чтобы любить, использовать, обладать, не причиняя вреда матери или кому-либо еще. Но там, где переходный объект для ребенка с безопасной привязанностью является мостом во внешний мир, который необходимо исследовать, для ребёнка с небезопасной привязанностью он становится объектом безопасности (спасительным кругом), за который он отчаянно цепляется, чтобы уйти из (угрожающего) внутреннего во внешний мир. И это уже совершенно иное значение. Это не мост к реальности, а бегство от нее. Переходный объект становится фетишем, чтобы избежать опасности и отогнать страх.

Фетиш используется навязчиво и периодически как опора в пугающих ситуациях, из которых хочется убежать. В первые годы нелегко провести различие между переходным

Даже в группах с высоким потенциальным риском нарушений невербальной коммуникации адекватная чувствительность матери к ребёнку позволяет сформировать безопасную привязанность.

Выраженные симбиотические отношения между матерью и ребёнком и поразительная некомпетентность отца как положительного объекта для идентификации мальчика и как брачного партнера матери могут, с точки зрения объектных отношений, приводить к патологическим изменениям и патологическим идентификациям.

объектом и фетишем. Фетиш наделяется магическими силами неприкосновенности и власти. Он чрезвычайно переоценён и может впоследствии принимать преувеличенные, эксцентричные формы, например, тигровые зубы, булавки (пирсинг), обувь или другие твёрдые объекты. Госселин и Вилсон [11] описывают пациента, которого они наблюдали на разных этапах жизни в течение длительного периода. В молодом возрасте мальчик зациклился на блестящих булавках. В возрасте 8 лет вид булавок сексуально возбуждал его. В уединении в ванной он выполнял все виды аутистических, ритуальных действий с булавками. В 23 года его жена наблюдала за целой серией аналогичных действий. Здесь можно сказать, что переходный объект и фетиш имеют одинаковое фазово-специфическое происхождение, но каждый из них следует своим собственным путём. То, что когда-то служило успокаивающим, утешающим и питающим объектом, с помощью сложных психических процессов (в которых Эго расщепляется, отрицается и отрицается реальность) превращается в атрибут, посредством которого выполняются магические ритуалы. Цель этих ритуалов состоит в том, чтобы отогнать страх утраты физической целостности (также называемой кастрационной тревогой). Фантазия и магическое мышление необходимы, чтобы отказаться от чувства бессилия и страха кастрации, а также искать им замену. Используя фетиш, жуткое бессилие (например, импотенция) волшебным образом отвергается и изменяется посредством обращения в противоположность (реактивное образование). Когда этот процесс осуществляется, перверсия сформирована.

ПЕРВЕРСИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ

В психоаналитическом понимании термином перверсия обозначается направление сексуального влечения на необычный объект (отклонение от цели влечения) или когда сексуальное возбуждение достигается за счёт унижения или эксплуатации сексуального партнера. Когда сексуальное возбуждение и оргазм реализуются только путем преднамеренного унижения, причинения вреда, морального или физического насилия над партнёром, речь идёт о перверсии. Р. Столлер [23] в этом контексте утверждает, что перверсия – это эротизированная форма ненависти и враждебности. Перверсия касается не только явных поведенческих актов, но и фантазий. Часто эти фантазии предвосхищают

Уверенность, полученная благодаря здоровым отношениям между родителями и детьми, дает ребенку контроль (автономию) над собой.

жестокое стереотипное поведение. Как правило, фантазии необходимы, чтобы вызвать сексуальное возбуждение. Они незаменимы и являются важным компонентом, когда служат для прогнозирования близости и взаимности партнерских отношений. Перверсия включает в себя устойчивые фантазии, которые ограничивают поведенческий репертуар, что приводит к навязчивому повторению перверсных действий по одному и тому же сценарию. При перверсии человек не стремится к подлинному (генитальному) сексуальному опыту между двумя взрослыми людьми, но к замаскированному аутоэротизму, за которым, помимо прочего, могут быть скрыты глубокая пустота, депрессия, стремление избавиться от страха или гнева, а также другие мотивы. Основными характеристиками перверсии являются жесткий и стереотипный характер сексуального сценария (сценарий ритуалов), навязчивое (несвободное) повторение сексуального сценария и унижение или эксплуатация сексуального партнера. Другими словами, ритуализация и навязчивость, доминирование или власть играют решающую роль в перверсии. Насильник, эксгибиционист и мазохист используют власть, чтобы контролировать ситуацию. Для всех перверсий характерна компульсивная, жесткая, ритуальная природа, с помощью которой достигается сексуальное возбуждение и удовлетворение. В литературе [30] этот вариант влечения описывается как незрелый, нереалистичный, эскапистский, изоляционистский, компульсивный. Компульсивный из-за навязчивого побуждения, которое управляет сексуальным поведением; незрелый по-

---

Дети с дезорганизованным типом привязанности ужасно боятся, что они не будут существовать, если не смогут занять место объекта привязанности и потеряют контроль над ним или ней».

тому, что искажённые и жестокие формы детской сексуальности проявляются в извращенном поведении (сосание, кусание); нереалистичный потому, что индивид не ищет сексуальной связи с реальным партнером, решающее значение для достижения оргазма имеет фантазия; эскапистский потому, что в большинстве случаев эти люди боятся связи (привязанности) с другим полом, боятся душевной близости; изоляционистский потому, что речь не идет о доверительных партнёрских отношениях, а о плохом контакте с противоположным полом.

В определении перверсии Розен [22] и Габбард [10] ставят акцент на унижении партнера. В поведении лиц с парафилией их партнёрам причиняется реальный ущерб, боль или унижение, потому что разрушительная ненависть или враждебность не всегда доступны контролю. В любом случае, люди с вышеупомянутыми сексуальными расстройствами не имеют надёжной привязанности, что означает затруднения в установлении и поддержании близких, любящих сексуальных партнерских отношений или полную их невозможность. Во многих случаях осуществляется поиск не живого партнёра, а лишь сиюминутного объекта (иногда даже безжизненного). Следовательно, важным определяющим фактором в определении перверсии является способность (или

Агрессивный заряд «плохого автономного ребенка» аннулируется или «обезвреживается», потому что отец в фантазии ребёнка в отношении матери ведёт себя автономно, но при этом также и любит её, и это признается матерью.

неспособность) к установлению человеческой эмоциональной близости на всех уровнях. Балинт [1] также придерживается этого мнения. Он считает, что перверсия – это не просто беспорядочное поведение или «просто ещё одно сексуальное предпочтение». Перверсия гораздо более узнаваема по степени агрессии и враждебности по отношению к партнёру. В специальной литературе имеется множество тому примеров. Ранк [21] и Трахтенберг [24] изображают Казанову и Дон Жуана – героев известных романов

как олицетворение регрессивного, компульсивного и враждебного унижения объектов их влечения. Оба героя ненавидят или презирают своих жертв. Они ловко маскируют свою враждебность, не испытывая удовольствия в любви, но оживая в искушении. Максимальное удовольствие им доставляет само торжество соблазнения. Похоть переживается ими только тогда, когда они видят, как женщины морально падают и поддаются страсти, которую они порождают. Их возбуждение и удовлетворение стимулируются не близостью, любовью или сексуальностью. Завоевание – вот в чём «кайф». Ими движет желание победить непрестанную одержимость. Их не возбуждают ни женщины, ни половой акт или чувственные переживания, но интенсивное чувство превосходства и триумфа. Эти ощущения жестоки и должны постоянно переживаться вновь и вновь, как наркоманы стремятся к постоянной стимуляции очередной дозой кокаина.

Клинический пример

В оригинальном исследовании (Lehneske, 2004) представлено описание семи клинических случаев, которые иллюстрируют психодинамические аспекты, описанные выше. Здесь будет представлен всего один пример, который прояснит ту роль, которую фантазия и сексуализация играют в качестве защитных механизмов в бегстве от реальности.

МАРТИН

Мартин – 35-летний педофил. У него уже три привода в полицию. Он вырос в полной семье, состоящей из матери, отца, двух сыновей и трёх дочерей. Особенность семейной ситуации состояла лишь в том, что Мартин и его мать вычеркнули отца из своей жизни фигурально и буквально. Мартин продолжал жить в доме родителей, но разговаривал только с матерью. Он считал мать «боссом». Мартин чувствовал, что у него с матерью «превосходная связь» и мать «сделает для него что угодно». Ситуацию, в которой муж в её жизни играл второстепенную роль, мать считала нормальной. Отец испытывал презрение к Мартину и предпринимал серьёзные попытки поставить сына на место. В семье в этом случае разгорался жестокий конфликт. Как только нависла такая опасность, Мартин предпочитал ретироваться. Он не научился решать проблемы (неадекватная копинг-стратегия). Общение со сверстниками вызывало у него

трудности. Мартину было сложно находиться в школе и гулять во дворе. Он чувствовал себя спокойно только с очень маленькими детьми. Кроме того, Мартина обижали в школе по причине его полноты. Его унижали словесно и иногда физически. В результате Мартин становился всё более социально изолированным и при содействии матери прогуливал школу «по болезни», отчего стал отставать в учёбе. При обследовании у него не обнаруживалось и следа сформированных в школьные годы увлечений или эмоциональной привязанности; за него всё проговаривала и делала мать. Мартин почти не имел контактов с внешним миром. Он целиком и полностью полагался на мать и зависел от неё, что устраивало обоих. Мать и сын даже имеют одинаковые психосоматические заболевания. Подхлестываемый замечаниями матери, Мартин всё больше укреплялся в презрении к отцу. Частично из-за отношений с матерью, частично из-за причудливых, напряжённых отношений с отцом, сын остался заключённым в симбиотическую диаду с матерью. В результате он не мог развиваться психически. Сверстники (которые его отвергали) также не могли служить ему ролевой моделью. Он остался несформировавшимся мужчиной с нарушенной регуляцией агрессии. У Мартина очень низкая толерантность к фрустрации, но он научился снижать чувство беспомощности и незащитности путём сексуализации. Он сосредоточил своё внимание на маленьких детях, в чьём присутствии, как ему казалось, он контролировал ситуацию. Мартин хотел бы иметь сексуальные отношения с женщинами своего возраста, но на это не хватало психологической устойчивости (структур личности) и копинг-стратегий (поведенческих альтернатив). Он чувствовал себя сильным и властным только с маленькими незащитными детьми. Посредством этих ощущений Мартин обращал вспять своё бессилие и ничтожество. Прочитав заключение судебно-психиатрической экспертизы: «В момент совершения деликта он чувствует себя освобождённым из бесконечного удушающего семейного окружения, которое препятствовало его взрослению и превращению в самостоятельного взрослого мужчину. Преступления можно рассматривать, как попытки выбраться из удушающих уз матери и родительской семьи».

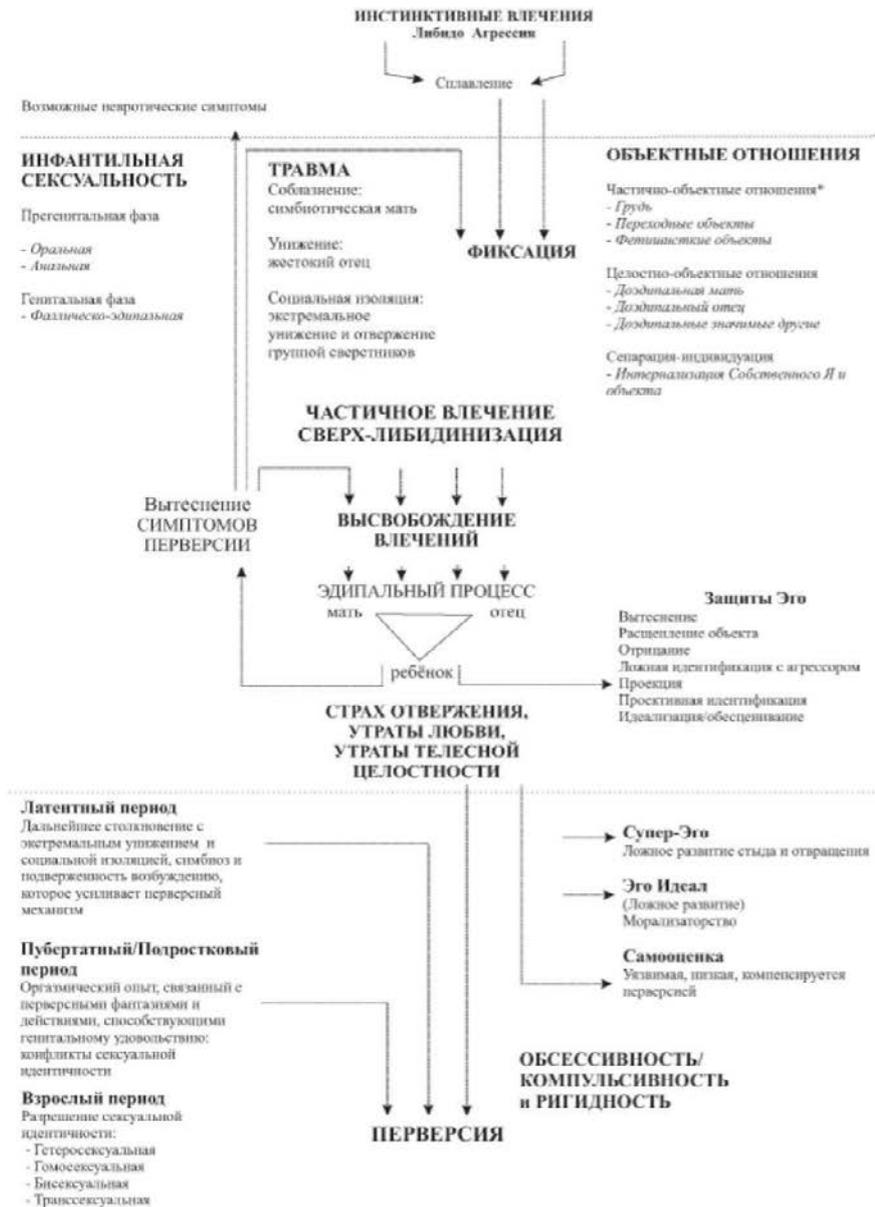
Мать всегда занимала его сторону, и они вместе окончательно изгнали отца. Если плакала мать, плакал и он. Иногда Мартин садится на диван рядом с матерью, обнимает её и шепчет: «Я так люблю быть с тобой рядом». Этот молодой несостоявшийся мужчина просто не способен контактировать со взрослыми женщинами. Он смотрит порнографию, чтобы заменить свою реальность. Когда он смотрит на маленьких девочек, они становятся для него сексуальными объектами. Путём этих иллюзорных фальсификаций (искажения реальности) человек верит в то, что не является реальным. Фантазия также является движущей силой во время совершения преступления. Таким образом, преступление является воплощением фантазии, в которой он может почувствовать физическое удовольствие и удовлетворить себя. В таком диссоциативном состоянии

Кернберг описывает
такой диадный интроект
родитель-ребенок
как «неметаболизированные
интернализированные объектные
отношения».

разрывается связь с реальностью, и Мартин может совершать преступления без чувства вины. Работа слабого эго не достигает своей цели (недостаточные интроспективные возможности, слабая самоидентификация, копинги и функции самозащиты). Такой образ жизни лишь подпитывает психическое расстройство Мартина.

* В оригинальном тексте partiële objectrelaties. Русский эквивалент – частично-объектные отношения – хотя и выверен по «Словарю кляйнианского психоанализа» Р. Хиншеллуда (см. сс. 397, 505) не вполне удачен. Отношение не может быть частичным или полным, т.к. это качественная характеристика. Речь, скорее, о степени зрелости внутреннего объекта. По всей видимости, именно по этим причинам приверженцы теории объектных отношений предпочитают обозначать данную зрелость в понятиях шизопараноидной или депрессивной позиций..

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перверсия и/или сексуальные преступления – это результат не сиюминутного озарения. Люди не рождаются с ними, но в процессе личностного развития возникают различные ситуации, которые могут сыграть решающую роль в развитии перверсии, которая в некоторых случаях приводит к совершению сексуальных преступлений. Такое патологическое развитие имеет множество причин. Выше схематически изображена психодинамическая концепция взаимодействия этиологических факторов. Какие из них являются решающими, определить непросто. Целью нашей работы не было создание их иерархии. Мы работали с материалами судебно-психиатрических экспертиз, поэтому исследование ограничено решениями Министерства юстиции на работу в локальных группах и локальных материалах. Выше мы попытались дать некоторое представление о сложных проблемах, нашедших своё отражение в эмпирических исследованиях и психоаналитических теориях. Акцент был сделан на первый жизненный опыт ребёнка и внутрисемейные модели объектных отношений. Результаты актуальных исследований детской привязанности подтверждают, что опыт раннего периода оказывает длительное влияние на развитие личности. Дети, которые растут в условиях симбиоза с матерью, жестокого обращения и небезопасности уязвимы и имеют высокий риск развития слабой или дефицитарной структуры личности. В итоге они не могут адекватно противостоять, помимо прочих, инстинктивным и/или сексуальным импульсам.

Важным фактором в определении перверсии является способность (или неспособность) к установлению человеческой эмоциональной близости на всех уровнях

Дети, которые растут в условиях симбиоза с матерью, жестокого обращения и небезопасности уязвимы и имеют высокий риск развития слабой или дефицитарной структуры личности. В итоге они не могут адекватно противостоять, помимо прочих, инстинктивным и/или сексуальным импульсам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Balint M. Perversions and genitality. In primary love and psychoanalytic technique. – London: Tavistock, 1965.
2. Bates E., O’Connell B., Shore C. Language and communication in infancy // Handbook of infant development / J.D. Osofsky (Ed.). – New York: Wiley, 1987.
3. Bolwby J. Attachment and loss: Attachment. – London: Pimlico, 1997.
4. Bolwby J. Attachment and loss: Separation, anger and anxiety. – London: Pimlico, 1998.
5. Collins N.L., Read S.J. Representations of attachment: The structure and function of working models // K. Bartholomew & D. Perlman (Eds.), Advances in personal relationships Vol. 5: Attachment process in adulthood. – London: Jessica Kingsley, 1994.
6. Emde R., Buchsbaum H. Didn’t you hear my mommy? Autonomy with connectedness in moral selfemergence // The self in transition. D. Cicchetti & M. Beeghly (Eds.). – Chicago: University of Chicago Press, 1990.
7. Fairbairn W.R.D. An object-relations theory of the personality. – New York: Basic Books, 1954.
8. Freud S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie // Gesammelte Werke, Band 5. Frankfurt a. Main: S. Fischer Verlag, 1981.
9. Fonagy P., Steele M., Steele H., Higgitt A., Target M. Attachment, the reflective self, and borderline states: The predictive specificity of the Adult Attachment Interview and pathological emotional development // Attachment theory: Social, developmental and clinical perspectives / S. Goldberg, R. Muir & J. Kerr (Eds.). – New York: Analytic Press, 1995.
10. Gabbard G.O. Psychodynamic psychiatry in clinical practice: The DSM- IV Edition. – Washington D.C.: The American Psychiatric Press, 1994.
11. Gosselin C., Wilson G. Fetishism, sadomasochism and related behaviours // The psychology of sexual diversity / K. Howells (Ed.). – London: Basil Blackwell, 1984.
12. Greenacre P. Perversions: General considerations regarding their genetic and dynamic background // Psychoanalytic Study of the Child. – 1968. V. 47. – P. 199-225.
13. Greenacre P. The transitional object and the fetish: With special reference to the role of illusion // Int J Psychoanal. – 1970. V. 51. – P. 335-447.
14. Greenacre P. Emotional growth: Psychoanalytic studies of the gifted and a great variety of other individuals. Vol. I. – New York: International University Press, 1971.
15. Halberstadt-Freud H.C. Mannen en moeders: De levenslange worsteling van zonen met hun moeder. – Amsterdam: Van Gennep, 2002.
16. Kernberg O.F. Structural derivatives of object relations // Int J Psychoanal. – 1966. V. 47. – P. 236-253.
17. Laplanche J. The drive and its object-source: Its fate in the transference // Jean Laplanche: Seduction, translation, drive / J. Fletcher & M. Stanton (Eds.). – London: Psychoanalytic Forum/Institute of Contemporary Arts, 1992.
18. Liebermann A.F., Pawl J.H. Disorders of attachment and secure base behaviour in the second year of life: Conceptual issues and clinical intervention // Attachment in preschool year. M.T. Greenberg, D. Cicchetti & E.M. Cummings (Eds.). – Chicago: University of Chicago Press, 1990.

19. Mahler M. The psychological birth of the human infant. – New York: Basic Books, 1975.
20. Nicolai N.J. Hechting en psychopathologie: De reflectieve functie // Tijdschrift voor Psychiatrie. – 2001. N. 43. – P. 705-714.
21. Rank O. De Don Juan figuur. – Amsterdam: Uitgeverij Boom, 1988.
22. Rosen I. Sexual deviation. Third Edition. – Oxford University Press, 1996.
23. Stoller R.J. Perversions: The erotic form of hatred. – New York: Pantheon, 1975.
24. Trachtenberg P. Het Casanova-complex, de dwangmatige verleider. – Amsterdam: De Arbeiderspers, 1988.
25. Ubbels J. Complexe relatie tussen psychoanalyse en hechtingstheorie // Tijdschrift voor Psychoanalyse. – 2003. N. 2. – P. 84-98.
26. Van den Boom D.C. Do first-year intervention effects endure? Follow-up during toddlerhood of a sample of Dutch irritable infants // Child Development. – 1995. V. 66. – P. 1798-1816.
27. Van der Kolk B.A. The Compulsion to repeat the trauma, re-enactment, revictimization, and masochism // Psychiatric Clinic of North America. – 1989. V. 12. – P. 389-411.
28. Van der Kolk B.A., Michaels M., Stera D., Berkowitz R., Fislis R., Saxe G. Fluoxetine in post-traumatic stress disorder // J Clin Psychiatry. – 1994. V. 55. – P. 517-522.
29. Winnicott D.W. Transitional objects and transitional phenomena: A study of the first not-me possession // Int J Psychoanal. – 1953. V. 34. – P. 89-97.
30. Zwanikken G.J., Fischer A.A., Zitman F.G. Psychiatrie. – Utrecht: Wetenschappelijke Uitgeverij Bunge, 1990.

Перевод с нидерландского К.А. Лемешко

СОБЫТИЯ

В этом выпуске — о двух конференциях, которые состоялись в двух региональных отделениях на просторах ЕАРПП в июне 2022 года: десятая Межрегиональная психоаналитическая конференция в Москве «Сексуальное — место теорий психосексуального развития в современном психоанализе» и первая межрегиональная научно-практическая психоаналитическая конференция в Пензе «Зависимость в современном мире: взгляд психоаналитика».

Доклады, дискуссии, обсуждения в перерывах, новые знания, эмоции, общение — все, что мы успеваем жадно схватить за два дня бесконечного потока мыслей и чувств, потом долго «усваивается и переваривается» в нас на обратном пути домой и затем постепенно выветривается в будничной круговерти. Вернуться в творческую атмосферу конференций очень хочется, поэтому публикация докладов и обзоров секций так ценна.

Б.Еремин в ярком, эмоциональном докладе описал эволюцию понимания сексуальности от Фрейда к Биону, различие между классическим и кляйнианским взглядом на Эдипов комплекс, связь психосексуальности и телесности.

Виртуальная толпа в интерпретации группового аналитика А. Тимошкиной выглядела живой и вполне сексуальной, что соответствовало теме конференции. Коллективная психика функционирует, как вода, и те процессы, которые происходят в группе, это — буквально либидинозный танец, где мыслительные процессы — это эрогенные зоны, а групповое ревери сродни оргазму.

О судьбах психосексуального развития в последствии кумулятивной психической травмы синопсис О.Яковлевой. Клиническим материалом из практики психоаналитически ориентированных специалистов докладчики секции детского психоанализа проиллюстрировали работу Зигмунда Фрейда «Влечения и их судьбы».

От «фаллоса на крыльях» к идентичности: актуальный психоаналитический взгляд на проблему наркотической аддикции читайте в синопсисе Н.Мазаловой. О дефиците мужской идентичности, который компенсируется наркотиком, о зависимости от психоактивных веществ как патологии влечений рассказывается на основе клинических материалов докладчика К.Лемешко.

Здоровье зависит не столько от ингредиентов, а, скорее, от их адекватного сочетания в надлежащих пропорциях. Поэтому принцип золотого сечения так важен для психологического рождения индивидуума. Если гармония не случилась в установлении контакта индивида с внешним миром, формируются филобаты и окнофилы. Обо всем этом читайте синопсисе по докладу Е.Савичевой «Окнофилы и филобаты. Размышления о близости», написанном С.Терехиной.

Сексуальность: От Фрейда — к Биону

Ерёмин Борис Александрович

- Психолог, психоаналитик
- Тренинг-аналитик и супервизор ЕАРПП (Россия, РО-Москва) и ЕСРР (Vienna, Austria)
- Член Правления и Паст-Председатель РО-Москва (ЕАРПП)
- Преподаватель Международной школы группового психоанализа (МШГА, Москва)
- Исследователь, автор многочисленных публикаций и образовательных программ по психоанализу

В то время, как концепция инфантильной сексуальности преобладает в классическом представлении о психическом состоянии ребенка, кляйнианцы и бионианцы считают, что, чаще всего, такой акцент на сексуальности экранирует и защищает аналитиков от осознания состояний зависимости младенца от его матери в смысле выживания и в смысле его потребности в ее реверии, то есть, разрешения его *интеллектуального Эдипа*, а не инцестуозного.

Таким образом, сексуальный материал на любой аналитической сессии, скорее всего, будет рассматриваться ими как попытка пациента уравнивать свои отношения с аналитиком, провоцируя сексуальную связь с ним, для защиты от иерархической позиции, в которой он находится и которая вызывает опыт зависимости, а значит, — страх сепарации и, как следствие, — эмоциональной боли.

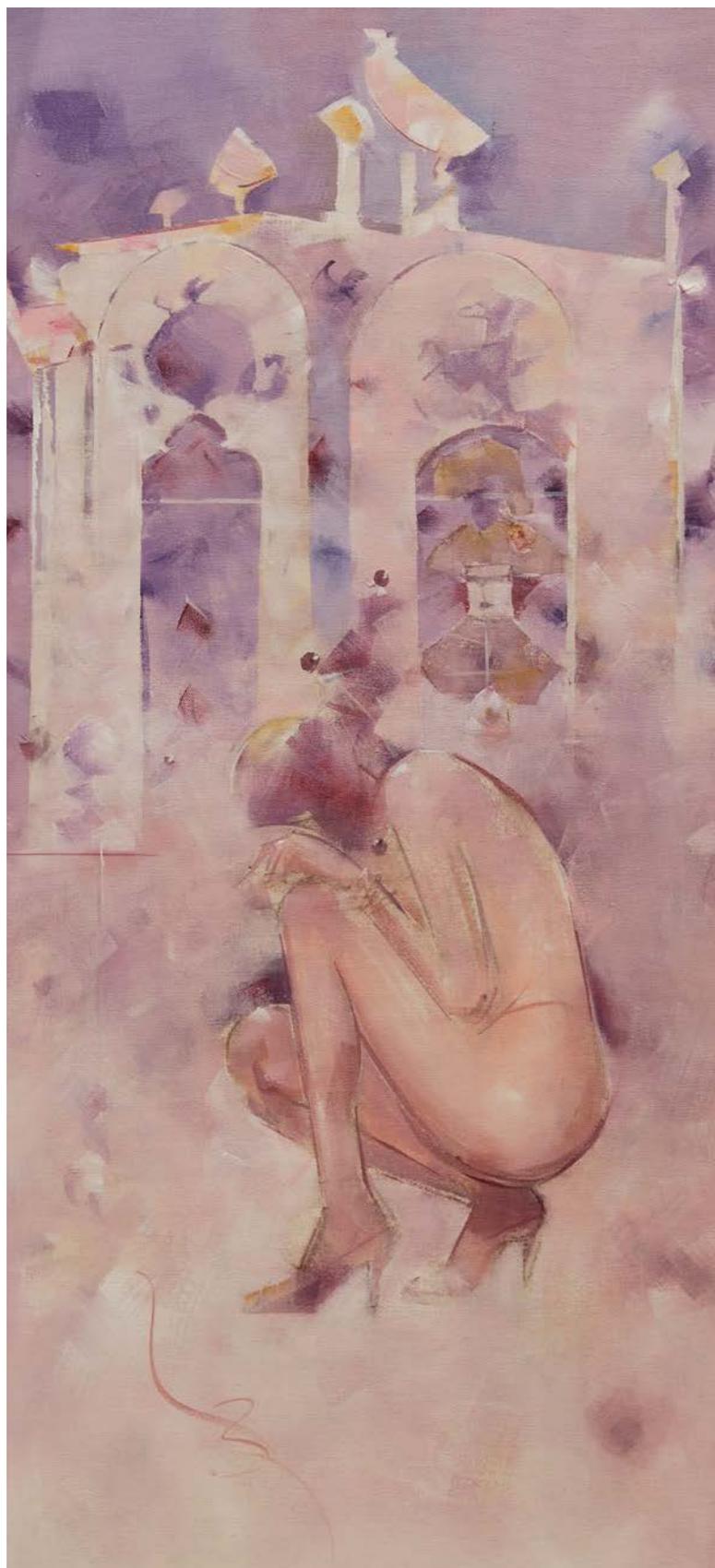
С другой стороны, сами сексуальные фантазии пациента могут пониматься аналитиком в терминах, всего лишь одного из жанров, описывающих отношения пациент — аналитик в аналитическом поле.

Сам Фрейд предположил, что начало инфантильного аутоэротизма уско-ряется появлением у младенца опыта отлучения от материнской груди (что уже ставит вопрос о первенстве тревоги, а не разрядки либидо в мотивации поведения индивида).

Кляйн сначала поддержала фрейдистскую теорию инфантильной сексуальности и с энтузиазмом наделяла оральную, а также анальную стадии организации либидо фантазиями об отношениях с частичными объектами, следуя идеям своего аналитика Карла Абрахама, чьи собственные усилия в этой области предвосхитили то, что сейчас называется «теорией объектных отношений».

Только после того, как она открыла депрессивную позицию, а затем — параноидно-шизоидную, Кляйн исключила аутоэротические маркеры младенческого развития, устранив их из своего теоретизирования и заменила их позициями, которые, по выражению Джеймса Гротштейна, стали аналогом «Крестного хода» у христиан, которые акцентировали инфантильные страдания, а не сексуальные удовольствия.

С другой стороны, мы должны считаться с положением Фрейда о том, что самой основной мотивацией человека является исполнение желаний. В то время, как кляйнианцы и бионианцы могут говорить, что они применяют этот принцип на практике, они, кажется, отдают предпочтение потребностям младенца, а не его сексуальным желаниям, по крайней мере, в доэдиповых фазах.

Бион, с другой стороны, часто говорил о потребности человека в истине и о поиске истины. Гротштейн, вслед за Бионом, сформулировал концепцию «влечения к истине», которая является более фундаментальной, чем фрейдистская или кляйнианская оценка либидинозных влечений и влечений к смерти.

Другими словами, с появлением концепции «влечения к истине» мы можем предположить, что именно эта глубочайшая и всепоглощающая потребность человека, а не либидинозные представления и составляет окончательное содержание вытесненного. В конечном счете, истина — это то, что мы действительно чувствуем о наших отношениях с собой и с нашими объектами. Это наш эмоциональный опыт, на котором мы либо имеем возможность учиться, либо — нет.

Самое раннее осознание младенцем «другой жизни» матери проявляется в его первом предчувствии первичной сцены. Нам достаточно открыть Книгу Бытия, чтобы увидеть в ней архаическое описание этой ситуации: Бог (младенец) обнаруживает сексуальные отношения Его матери (Евы) с ее мужем и отцом Бога (Адамом) и изгоняет их

Сексуальный материал на любой аналитической сессии, скорее всего, будет рассматриваться как попытка пациента уравнивать свои отношения с аналитиком, провоцируя сексуальную связь с ним, для защиты от иерархической позиции, в которой он находится и которая вызывает опыт зависимости, а значит, — страх сепарации и, как следствие, — эмоциональной боли.

из Своего инфантильного рая — Эдема.

Эта история строится на проективной идентификации и представляет собой перевертывание ситуации (ребенок проецирует свою исключенную часть в родителей и изгоняет их, а не наоборот). На самом деле, это младенец-Бог должен теперь покинуть свой Эдем и лишиться своего титула.

Поедание Евой яблока с древа Познания может означать ужас, который начинает переживать младенец, когда он предвкушает познание первичной сцены: История Грехопадения и Эдема в Книге Бытия — это известный миф об Эдипе.

Кляйнианцы сосредоточились на бессознательном диалектическом напряжении пациента между его инфантильной зависимостью и первичной сценой. Сексуальность с этой точки зрения может быть рассмотрена, как некоторый инструмент, принимающий участие в решении этого конфликта.

Классические аналитики, напротив, традиционно сосредоточивают внимание на проявлении Эдипова комплекса на поздней фаллической стадии — на инфантильных первых объектных отношениях ребенка (поскольку младенец на оральной и анальной стадиях пребывает в отношениях, не связанных с объектами — в первичном нарциссизме). Следовательно, полагают они, когда оральные, анальные и ранние фаллические

сексуальные элементы характеризуют ассоциации пациента, это значит, что речь идет о регрессиях или смещениях с Эдипова комплекса на поздней фаллической стадии.

Важное различие между классическим и кляйнианским взглядом на Эдипов комплекс заключается в соответствующем фоне предположений каждой школы, первое касается «инфантильной сексуальности», а второе — «инфантильной зависимости».

Вероятно, говоря об Эдипе, нам будет полезно вспомнить, что Бион считал, что как только Эдип взял на себя роль тирана Фив, он осознал, что Фивы наполнились мором и язвой, и стал искать причину. И самым этим действием, самым таким любопытством, как указывает Бион, Эдип продемонстрировал свою спесь и высокомерие. Бион объединил историю Эдипа и его любопытства с мифом о Вавилонской башне и мифом об Эдеме, чтобы продемонстрировать запрет божества на человеческое любопытство.

Вероятно, если бы Бион развил эту тему дальше, он сослался бы на теорию Кляйн о женской фазе архаического Эдипова комплекса, в которой малыш становится садистически любопытным к внутренностям материнского тела, куда он, в бессознательной фантазии, вторгается. Таким образом, после Биона мы можем установить связь между Эдиповым «любопытством» и нарушением священного тела божества (в данном случае матери).

Божественный запрет на человеческое любопытство, в конечном счете, сводится к необходимости для ребенка оставаться в неведении о знании первичной сцены, чтобы он мог оставаться «Богом», в своем, скоро рушащемся мире инфантильного всемогущества.

Иными словами, гордыня и высокомерие Эдипа, настаивающего на том, чтобы узнать причину осквернения Фив, может быть истолкована следующим образом: «Желание знать», которое Бион уловил в мифе Софокла и которое он интерпретировал как нарушение воли Богов и последующий с их стороны

запрет человечеству приобретать знания, может быть понято как конфликт между всемогущественным «Богом-младенцем», нежелающим знать о первичной сцене и создавшем его половом акте родителей с одной стороны, и стремлением здорового младенца принять факт первичной сцены с другой.

Кроме того, в мифе Софокла Эдип, будучи неосознанно виновным в инцесте и отцеубийстве, бежал из Коринфа, где он был усыновлен и воспитан, после того, как оракул сказал, что ему суждено совершить отцеубийство и инцест, и оказался на перекрестке дорог в Фивы. Остальное мы знаем из пьесы Софокла «Эдип Тиран».

Более глубокая вина Эдипа заключалась в том, что он стремился избежать своей судьбы только для того, чтобы встретить ее там, куда он бежал, как в рассказе Джеймса О'Хара о свидании в Самаре. Вина Эдипа была онтологической. Эдип тщетно пытался избежать встречи со своим «Эдиповым комплексом».

Мы должны считаться с положением Фрейда о том, что самой основной мотивацией человека является исполнение желаний.

Если мы смотрим на миф Софокла с онтологической и эпистемологической перспективы Биона, мы перечитываем его с вертекса психотической части личности каждого из нас и экстернализованного феномена высокомерия персонажей мифа. Блон показывает, что центральным вопросом психоанализа является поиск истины, помещая вопрос сексуальности на периферию и указывая нам на то, что сексуальность может подчеркивать более глубокую проблему, а именно — психотическую сущность человека в отношении истины, его собственного эмоционального опыта.

Безусловно, со стороны Биона было весьма смелым шагом утверждать, что в ядерном комплексе любого невроза, то есть конфликта сексуальных Эдиповых импульсов и защит Эго, имеется активное психотическое ядро, являющееся следствием провала Эдипа интеллектуального. Поэтому, новое прочтение мифа Софокла может быть представлено схемой: Сексуальность — поиск истины — ложь.

Эдипов комплекс — это главная эмоциональная опора, на которой держится сеть общества, он фаталистически воссоздается в сердцевине каждой семьи, порождая состояние, изображающее абсурдность психотической драмы.

Закрытая дверь спальни отмечает предел и различие между двумя абсолютно разными формами человеческого взаимодействия: по одну сторону двери родительской паре требуется полная свобода для полного наслаждения своей сексуальностью, требование, совершенно необходимое для продолжения рода пары и чувства благополучия. В то же время, по другую сторону закрытой двери, любые признаки сексуального поведения абсолютно ненавистны и абсолютно запрещены. Однако, поскольку дети всегда подозревают, что за дверью родительской спальни происходит что-то очень «значительное», из чего они чувствуют себя болезненно и несправедливо исключенными, у них развивается мысль, что их родители лгут.

Поскольку, они интуитивно «знают», что там происходит, но им редко говорят об этом, дети будут продуцировать свои собственные фантазии, которые могут следо-

вать весьма фантастическим паттернам, которые Фрейд очень рано назвал «полиморфными извращениями», а Кляйн описала в терминах внедрения ребенка в тело матери; это означает, что,

В то же время, поскольку сексуальность — это мощное влечение, прекоцепция, постоянно ищущая реализации, которую очень трудно контейнировать — она будет проявляться тысячью способов в зависимости от психосексуальной

Блон объединил историю Эдипа и его любопытства с мифом о Вавилонской башне и мифом об Эдеме, чтобы продемонстрировать запрет божества на человеческое любопытство.

В конечном счете, истина — это то, что мы действительно чувствуем о наших отношениях с собой и с нашими объектами. Это — наш эмоциональный опыт, на котором мы либо имеем возможность учиться, либо — нет.

стадии развития; такими, например, как оральное оплодотворение, анальный садизм, скоптофилия, эксгибиционизм, садомазохизм и так далее.

На уровне Эдипа власть сексуального влечения к удовлетворению будет контрастировать с силой ограничений Супер-Эго, делая сексуальность чем-то всегда скрытым, неуместным, вызывающим тревогу и чувство вины.

Именно эта закрытая дверь, или эмоциональное противоречие, делает Эдипов комплекс невозможной ситуацией, тупиком, в котором одновременно проявляются очень сильные несоответствия: соблазн и запрет; инцестуозные желания и тревога кастрации; желание включения и ужас исключения; страх включения и потребность в исключении. Он допускает только две возможности: либо черное, либо белое, все или ничего, точно так же как мы видим это в травмированной части личности: либо — вытеснить это и отыграть, либо — символизировать. Это чувство исключенности из первосцены вызывает не только инцестуозные желания, но и садистические нападения на родительскую пару в формах, о которых писала Кляйн.

Подобно сыщику Огюсту Дюпену из «Похищенного письма» Эдгара По, «рысиный глаз» Фрейда обнаружил, что Эдип, как и любой обычный серийный убийца, всегда возвращается на место преступления. Результат, конечно, будет зависеть от того, на-

---

Важное различие между классическим и кляйнианским взглядом на Эдипов комплекс заключается в соответствующем фоне предположений каждой школы, первое касается «инфантильной сексуальности», а второе — «инфантильной зависимости».

сколько травматичным было эдипово преступление: было ли оно чем-то временным, что однажды было сублимировано и посредством репарации и символизации стало творческим, или оно превратилось в постоянное травматическое состояние, которое навсегда повторяет «исторические факты» вокруг специфической феноменологии Эдипова комплекса.

У Эдипова комплекса есть две стороны; одна универсальная, а другая частная. С одной стороны, персонажи всегда одни и те же, а с другой — исторически драма развивается в абсолютно неповторимой манере, в зависимости от прекоцептуальной травмы, которой каждый из нас подвергается. Трагедия, в идеале, достигнет своего разрешения только в том случае, если дверь в спальню всегда будет оставаться закрытой, а ребенок будет развиваться, как характер, способный контейнировать боль исключенности и фрустрации.

Драма Эдипа относится к области параноидно-шизоидной позиции и взаимодействия «двухвалентных частичных объектов», то есть к области бета ментальности — невыносимого эмоционального опыта, пригодного лишь для эвакуации.

Эдип никогда не имеет дело с тотальными целыми объектами, такими как родительские фигуры, как в это часто верят аналитики. Напротив, когда эдипово взаимодействие

Божественный запрет на человеческое любопытство, в конечном счете, сводится к необходимости для ребенка оставаться в неведении о знании первичной сцены, чтобы он мог оставаться «Богом», в своем, скоро рушащемся мире инфантильного всемогущества.

относится к миру реальных и тотальных личностей, значительная часть комплекса находится уже на твердой почве для своего разрешения. Такая ситуация возможна лишь при доминировании К — импульса, то есть мышления, а не модификации эмоциональной боли или ее эвакуации.

Давайте рассмотрим клинический пример одного кляйнианского аналитика:

молодая женщина, недавно вышедшая замуж, испытывала двойственные чувства по отношению к своему отцу — бабнику, который развелся с ее матерью, когда ей было около двенадцати лет.

Она классифицировала мужчин либо как «сексуально страстных», которых она желала, но не доверяла им, либо как «сексуально нейтральных или отстраненных», которым она доверяла, но к которым не чувствовала интереса. Хотя она решила выйти замуж за представителя второй группы и ранее жаловалась на свое разочарование, через некоторое время ей удалось почувствовать себя эмоционально ближе к нему.

Примерно в это же время она принесла сновидение: она пришла в свою квартиру, где жил ее предыдущий бойфренд, который олицетворял мужчин из первой группы и которого она часто сравнивала с собственным отцом.

Войдя в вестибюль, она увидела на полу несколько писем, оставленных почтальоном, и заметила, что одно из них было адресовано ее парню и его жене. Она понятия не имела, женат он или нет. Она связала письма на полу с офисом своего отца, куда она ходила за пособием, и с офисом аналитика, где она также видела почту на полу.

Ей показалось интересным, что в адресе на конверте была указана и жена ее бывшего парня. «Кажется, — сказала она, — как будто я не возражаю против того, чтобы он был женат», и аналитик добавил: «Как будто, какая-то часть в Вас оставляет место для Вашей мачехи и Вашей матери, которые кажутся теперь менее угрожающими». Аналитик чувствовал, что это был значительный шаг к разрешению ее эдипового чувства исключенности из первосцены, благодаря усилению ее альфа-функции.

В динамике эдипова комплекса есть существенный парадокс, серьезное противоречие или ловушка. Для разрешения комплекса абсолютно необходимо, чтобы метафорическая дверь родительской спальни оставалась «закрытой», чтобы усилие контейнировать боль исключенности было сознательным, а также осознание того, что такая попытка контейнирования никогда полностью не будет реализована в реальности.

Другими словами, то, что никогда не может быть контейнировано, будет «реализовано» в фантазии; однако, поскольку в фантазии сексуальные, а также агрессивные влечения бессознательно переживаются как вещи, которые имели место в реальности, они вызывают чувство вины и тревогу. Но, поскольку это всего лишь фантазия,

которая никогда не достигается в реальности, боль исключения никогда не утихает. В этом и заключается трагедия Эдипова комплекса.

Но остался еще один вопрос: что происходит, когда дверь открыта и инцест происходит не в фантазии, а в реальности? Будет ли такое событие искоренять или противоречить тому, что было сказано до сих пор — что Эдипов комплекс никогда не может быть завершен и тревога от исключения никогда не разрешится? Должно ли реальное отыгрывание инцестуозных или смертоносных фантазий быть истинным завершением эдиповых желаний?

Эдипов комплекс, как он первоначально был описан Фрейдом, представляет собой отсутствие; он существует именно благодаря своему имплицитному свойству — быть невозможным.

Сказать, что Эдипов комплекс мог быть осуществлен или разрешен, означает признать существование объекта, способного непрерывно удовлетворять все потребности всех влечений на протяжении всей истории индивидуума, то есть. существование непоколебимого всемогущего контейнера — задача, очевидно, абсолютно невыполнимая. Это все равно, что сказать, что беременность будет вечной, что «травма» рождения никогда не произойдет и мы никогда не сможем родиться.

А если бы человек мог алфавитизировать свое сексуальное возбуждение как бета элемент — была бы нам нужна сексуальность? Или она нужна была бы только для продолжения рода, то есть по календарю течки, а не как форма эвакуации или смягчения эмоциональной боли при исключенности из первосцены, или как модификация фрустрации? Нужен ли Христу и Деве Марии, то есть непоколебимому всемогущему контейнеру секс?

Эдипов комплекс является отражением отсутствия, разочарования, чего-то абсолютно неизбежного и фаталистически присутствующего, что может быть растворено только в процессе скорби о боли, вызванной тем, что все мы были беспомощными детьми, которые пришли в мир позже первичной сцены.

Эдипов комплекс — это главная эмоциональная опора, на которой держится сеть общества, он фаталистически воссоздается в сердцевине каждой семьи, порождая состояние, изображающее абсурдность психотической драмы.

Вина Эдипа была онтологической. Эдип тщетно пытался избежать встречи со своим «Эдиповым комплексом».

Это биологическая трагедия, которая никогда не может быть завершена, и она полностью поддерживается невозможным. Другими словами, это тираническое присутствие абсолютного отсутствия.

Генитальные отношения между родителями и детьми не указывают на разрешение Эдипова комплекса; это насильственное психотическое действие, мощная эвакуация со стороны родителей своей бета ментальности, абсолютный срыв контейнера родителей, или реверс

Бион показывает, что центральным вопросом психоанализа является поиск истины, помещая вопрос сексуальности на периферию и указывая нам на то, что сексуальность может подчеркивать более глубокую проблему, а именно — психотическую сущность человека в отношении истины, его собственного эмоционального опыта.

их альфа-функции. Это тяжелая путаница между фантазией и реальностью и вечная эмоциональная боль огромных размеров для несчастного ребенка.

«Пациент Филипп — молодой человек на последнем курсе университета, где он изучал гражданское строительство. Обратился из-за острых агорафобических приступов и серьезных трудностей с учебой, которые дошли до того, что он решил вообще бросить университет. Во время анализа стало очевидно, что его мать спроецировала в него желание завершить свою незавершенную университетскую карьеру. Создавалось впечатление, что она использовала учебу сына как компенсацию и месть своему властному мужу, который был замещением своего, тоже властного, отца, который также потребовал от нее, чтобы она отказалась от карьеры инженера.

Можно было наблюдать сильную эротику, которую Филипп проецировал на свои занятия. Он заявил, что каждый раз, когда он пытался читать свои книги, он становился сексуально возбужденным и одержимым непрерывными сексуальными фантазиями, которые мешали ему сосредоточиться и заставляли его мастурбировать.

Позже стало ясно, что чтение представляло собой вытесненное эротическое нарциссическое слияние с матерью, своего рода сексуальную игру, в которой его глаза переживались либо как рот, пожирающий книги-груды, либо как пенис, проникающий в книгу-вагину.

Кроме того, у него имелась маниакальная фантазия о том, что он откроет что-то жизненно важное для вселенной, что сделает его знаменитым; его друзья и одноклассники будут восхищаться им и завидовать ему, а все красивые девушки будут безумно влюбляться и соревноваться между собой за то, чтобы соблазнить его.

Эти фантазии представляли его желание стать особенным для своей матери, а также маниакальное торжество над отцом, который был строителем и никогда не учился в университете. Эти фантазии наполняли пациента сильной тревогой и чувством

вины. Он не всегда мог отличить фантазию от реальности и часто чувствовал себя так, как будто в реальности совершил ужасный поступок, что-то, что вызывало сильное преследование, парализующее его ужасом».

Нарциссизм и его качество «слияния селф и объекта» представляет собой основную защиту от сепарации и тревоги,

---

«Рысиный глаз» Фрейда обнаружил, что Эдип, как и любой обычный серийный убийца, всегда возвращается на место преступления.

связанной с исключенностью из первосцены; это тот первичный экстремум, из которого все человеческие существа должны развиваться на пути к независимости и свободе, на пути к Хомо Сапиенс.

Вот почему Бион говорил не о прохождении Эдипова комплекса, а о развитии, поляризовав нарциссизм и социализм, разделив термин социализм дефисом, чтобы подчеркнуть разделение между собой как социальным существом и другими. Социальное взаимодействие, напротив, часто отражает не настоящие «социальные» отношения с кем-то другим, а нарциссическое взаимодействие с частями себя, помещенными в «Другого» через проективную идентификацию.

Депрессивное отделение от груди, как исходного объекта, потребует, помимо многих других проблем, способности к абстрактному мышлению и символизации, представляющей собой «вторую закрытую дверь», которая может открыться в фантастический мир личной свободы и творчества. Когда эдипова дверь остается закрытой, подросток в конце концов поймет, что поиск удовлетворения нужно искать где-то еще, что при «надлежащем» контейнировании приведет к символизации и независимости.

Однако, в реальной жизни дверь иногда может оставаться «приоткрытой», позволяя заглянуть в родительское удовольствие, что дает ребенку ощущение соучастия в том, что родителям нравится «это».

Трагедия, в идеале, достигнет своего разрешения только в том случае, если дверь в спальню всегда будет оставаться закрытой, а ребенок будет развиваться, как характер, способный контейнировать боль исключенности и фрустрации.

Конечно, в этом последнем утверждении мы имеем дело с метафорическими конструкциями, потому что «оставить дверь приоткрытой» и почувствовать родительское удовольствие, на самом деле, может означать что угодно.

То есть иногда родительское удовольствие может быть связано не только с соучастием ребенка, но и с тем, что ребенок может всегда навязчиво искать эту «родительскую способность получать сексуальное удовольствие», как форму соучастия, а также реализовывать всемогущий контроль над первичной сценой. Такая мощная потребность представляет собой фундамент, на котором регистрируются перверсии.

Вопрос иногда состоит в том, чтобы знать, когда любое родительское удовольствие становится, по сути, соучастием в нем ребенка. Дверь может быть закрыта, но участие ребенка в первичной сцене может быть реализовано через замочную скважину. Найти отверстие в стене или замочную скважину в двери для соучастия в первосцене представляет собой действие ребенка для защиты и меры «выживания».

Если дети чувствуют серьезную угрозу перед лицом своей эмоциональной боли и не имеют практического способа, прежде всего, с помощью реверси матери помочь им усвоить такую угрозу, вызванную закрытой дверью, ситуация может привести

В динамике эдипова комплекса есть существенный парадокс, серьезное противоречие или ловушка. Для разрешения комплекса абсолютно необходимо, чтобы метафорическая дверь родительской спальни оставалась «закрытой», чтобы усилие контейнировать боль исключенности было сознательным, а также осознание того, что такая попытка контейнирования никогда полностью не будет реализована в реальности.

к навязчивой потребности найти замочную скважину, то есть, всемогущую силу, которая позволила бы им не только контролировать пару, но также, что очень важно, атаковать, парализовать и разрушать их связь в качестве мести за исключение подобно извращенной атаке и разрушению аналитической пары.

В перверсном поведении «дыра в стене» всегда связана с попыткой ребенка подчинить и контролировать «сексуальное удовольствие» родителя в форме соучастия со скрытой целью достижения места «включения». Однако, поскольку такого состояния включения достичь невозможно, ребенок постепенно, из зависти и мести, нападает на «объект вожделения» и амбивалентно превращает его в объект презрения. Абсолютная недоступность такого «места включения» всегда будет переводиться в желание и тоску по чему-то, что всегда вновь удаляется, никогда не достигается и всегда рассматривается со стороны «исключения». Чувство безнадежности, которое может быть вызвано принятием такой невозможности, заставляет всех людей оставаться в неудобном и неприятном месте «исключения». Этот механизм, всегда присутствующий в эротических переносах, к сожалению, часто игнорируется наивным психотерапевтом.

Необходимость подчинить себе «возможного кастратора», спроецированная на аналитика, делает его соучастником «сексуального наслаждения», что определяет модальность и качество проективной идентификации, присутствующей в эротическом перверсном переносе. Обнаруженная при перверсной психопатологии непреодолимая потребность побудить другого к соучастию основана на парадоксе, заключающемся в том, что таким требуемым наслаждением от родителя никогда нельзя полностью обладать, потому что оно постоянно терпит неудачу. Даже в случаях сексуального наси-

лия, когда родитель принимает участие в действии, всегда присутствует тяжелое и мрачное чувство беззакония, табу и безнравственности, которое подобно «Алой букве» навечно оставит след.

Нетерпимость к тишине в анализе обычна для перверсной патологии, также как и потребность вызвать у аналитика «параноидные» чувства, чтобы заставить его ответить, не потому что у пациента

Эдипов комплекс, как он первоначально был описан Фрейдом, представляет собой отсутствие; он существует именно благодаря своему имплицитному свойству — быть невозможным.

есть интерес к содержанию интерпретации, а как доказательство анального всемогущего контроля пациента. У этих пациентов можно наблюдать тенденцию говорить тихим голосом или со сложной семантикой, чтобы вызвать вопросы аналитика, как форму соблазнения, для достижения анального и деструктивного контроля.

«Женщина, подвергшаяся сексуальному насилию в детстве, часто гневно реагировала на длительное молчание, часто оборачивалась на диване или ложилась на бок, чтобы увидеть аналитика. В какой-то момент она представила сон, в котором она шла с подругой внутри туннеля и боялась, что аналитик, следивший за ними сзади, мог услышать то, что она говорила своей подруге. Аналитик ждал ее ассоциаций, и через некоторое время она сердито запротестовала против такого молчания, как будто желая, чтобы аналитик заговорил, возможно, с целью осуществления всемогущего контроля, как на предыдущих сессиях, когда она желала, чтобы он сказал что-то, чтобы доказать, что аналитик был неправ. Аналитик думал, что она боялась, что он услышит ее во сне и на сессии и поймет, что она хочет держать его «сзади», в туннеле, в своем анусе, чтобы аналитик появлялся и исчезал по ее воле, как ее фекалии».

Другой пример этого всемогущего требования соучастия в первичной сцене можно наблюдать в случае пациента, сорокалетнего разведенного мужчины, старшего из двух братьев. Он консультировался по поводу хронической тревоги, вспышек депрессии и того, что он назвал «сексуальной зависимостью». Его отец тоже был своего рода мачо, Дон Жуаном, который для поддержания диссоциированной сексуальности между «матерью и любовницей» женился на матери пациента, довольно «истеричной» и сексуально незрелой женщине, которая боялась собственной сексуальности и, как следствие, приняла измены своего мужа как форму реализации своего эдипова комплекса.

Примерно в пятилетнем возрасте пациент обнаружил конкретную замочную скважину в образе молодой няни, которая мастурбировала, потирая его эрегированный пенис о свои гениталии. Эта ситуация стала для него весьма важной, поскольку он «потерял» свою мать из-за рождения младшего брата. Проблема обнаружилась во время его анализа, когда пациент упомянул об огромном удовольствии, которое он испытывал всякий раз, когда в комнату входила девушка по вызову, и в связи с его соблазняющим видом отдергивала одеяло, чтобы увидеть его возбужденный пенис.

Поскольку он занимался психотерапией, он часто использовал механизмы интеллектуализации, подобно тому, как он поступал с проститутками.

Он часто цитировал Фрейда или других авторов, а затем поворачивался к аналитику с озорной улыбкой, ожидая его восхищения, как он это делал с проститутками для того, чтобы найти «замочную скважину в контртрансфере».

Эдипов комплекс является отражением отсутствия, разочарования, чего-то абсолютно неизбежного и фаталистически присутствующего, что может быть растворено только в процессе скорби о боли, вызванной тем, что все мы были беспомощными детьми, которые пришли в мир позже первичной сцены.

Он переживал мощную эдипову конкуренцию, поскольку чувствовал, что все женщины, включая проститутку, были, как и его мать, «отцовской, а не его собственной», что вызывало у него бессознательную тревогу кастрации и страха возмездия.

Любая форма достижения в его работе вызывала опасение, так как он бессознательно ощущал себя «на передовой», подвергаясь угрозе возможного кастратора, которого он постоянно проецировал повсюду. Основным сопротивлением было расщепление между эмоциональной частью, обычно отщепленной и проецируемой, и интеллектуальным аспектом, который он использовал для манипулирования, в качестве защиты, чтобы скрыть свой страх перед внутренним хрупким и зависимым детским элементом.

Аналитик сказал, что кажется немного наивным, что он может пойти в бордель и шокировать проститутку, показав им эрегированный пенис, как будто он игнорирует тот факт, что они каждый день имеют дело со многими эрегированными пенисами. Другое дело, если бы он пошел в монастырь и шокировал монахинь.

Вопрос, сказал аналитик, заключается в отсутствии у него элемента, напоминающего взрослого отца. Где был тот «умный взрослый», который был бы способен сообщить «наивному ребенку» в нем о такой невинной игре? Это было похоже на попытку в детстве «шокировать» свою мать своим маленьким эрегированным пенисом, думая, что она не видела большого эрегированного органа его отца. Такое чувство неу-

---

Бион говорил не о прохождении Эдипова комплекса, а о развитии, поляризовав нарциссизм и социализм, разделив термин социализм дефисом, чтобы подчеркнуть разделение между собой как социальным существом и другими.

дачи у взрослого человека, когда такой невинный ребенок настигает его и подавляет его мышление, было бы чрезвычайно грустным и смущающим для взрослого человека. Возможно, проблема заключалась в том, сказал аналитик, насколько было бы болезненно для его взрослой части, которая, кажется, исчезает при этом акте: оставаться начеку и учить невинного ребенка неуместному акту шокирования проститутку эрегированным пенисом.

Он выглядел очень серьезным. Вероятно, что это — очевидная динамика, столь важная при перверсиях, потому что она проливает свет на потребность пациента в участии в первичной сцене. Она означает необходимость скрыть, с помощью сговора и попустительства, его эмоциональную боль беспомощности, одиночества, печали и отчаяния, связанных с его детской частью, которая очень часто подавляла его логичный, независимый, утонченный и самостоятельный взрослый элемент.

В какой-то момент анализа он представил сон: он взбирался на гору со своей девушкой, как вдруг она потеряла равновесие и упала. Он не мог ее видеть и боялся, что она умерла. Он сказал, что чувствует себя виноватым, потому что накануне после окончания работы он очень волновался и решил вызвать женщину в свой офис, чтобы заняться сексом,

---

Когда эдипова дверь остается закрытой, подросток в конце концов поймет, что поиск удовлетворения нужно искать где-то еще, что при «надлежащем» контейнировании приведет к символизации и независимости.

Вероятно, ему нужно было поместить его девушку — мать вовне в аналитика, чтобы сделать аналитика сообщником, потому, что ему будет ужасно чувствовать, что аналитику может быть совершенно безразлично, занимался он сексом с проституткой или нет. Есть бессильный, мстительный, безнадёжный, беспомощный, злой ребенок, который хочет победить свою мать, вовлекая ее в свои сексуальные отношения, то есть заставить ее чувствовать его боль.

Пациент сказал: «Ну, каждому ребенку нравится вовлекать в свою деятельность маму».

«Да, — сказал аналитик, — но не в сорок пять лет». Тишина.

Потом пациент сказал: «Это тяжело, как пощечина».

Аналитик заметил, что проблема заключается не только в том, что ребенок-сирота ищет отсутствующую мать, желая контролировать ее, сделав ее сообщницей; проблема заключалась в отношениях между ребенком и матерью в его голове, то есть в отношениях с той, его сорокапятилетней частью себя, идентифицированной с равнодушной матерью, отвернувшейся от него, игнорирующей огорченного, беспомощного, мстительного, одинокого, растерянного ребенка. Это та ситуация, когда он чувствовал, что его мать отворачивалась от него и уходила за дверь, когда он был маленьким. Таким образом, его детская, по существу, психотическая часть личности контейнирует взрослую.

Во «Фрагменте анализа случая истерии» и в «Трех очерках по теории сексуальности» Фрейд описал концентрацию и фиксацию либидо с большей или меньшей эротизацией и с большими или меньшими патологическими защитами вокруг зон, которые субъект постепенно переживает и катектирует в ходе своего развития. Оральная, анальная, уретральная, фаллическая и генитальная зоны изучались в отношении к драйвам, сенсорике, бессознательным фантазиям и модальностям объектных отношений, которые характеризуют различные моменты и уровни самоорганизации. Особый

примерно в то же время, когда у него была назначена встреча с аналитиком.

На вопрос о сновидении он сказал, что чувствует вину перед своей девушкой, что, оставаясь с проституткой, он, возможно, разрушает ее.

Аналитик сказал, что он пытался «вовлечь его в эту ситуацию», чтобы убедить себя, что аналитик, как и его девушка, будет против того, чтобы он занимался сексом с проституткой.

Дверь может быть закрыта, но участие ребенка в первичной сцене может быть реализовано через замочную скважину. Найти отверстие в стене или замочную скважину в двери для соучастия в первосцене представляет собой действие ребенка для защиты и меры «выживания».

В перверсном поведении «дыра в стене» всегда связана с попыткой ребенка подчинить и контролировать «сексуальное удовольствие» родителя в форме соучастия со скрытой целью достижения места «включения».

интерес для аналитиков представляют все психические производные, связанные с отношениями, которые являются результатом или эквивалентом опыта и сексуальной организации субъекта в его селф и потом в отношениях с объектом. Таким образом, со времен Фрейда психосексуальность стала рассматриваться, исследоваться и интерпретироваться в тесной связи с телесностью.

Интересны в этом смысле заметки Эрнста Джонса о том, что он на протяжении всей своей жизни неизменно придерживался двух положений: одно заключалось в том, что ни один психический процесс не развивается отдельно от физического; другой заключался в том, что физический процесс должен предшествовать психическому. Оба мнения утверждают определенный приоритет физиологических процессов. Иначе говоря, психика является результатом алфаветизации чувственных впечатлений эмоционального опыта.

Эпителий слизистой оболочки покрывает внутреннюю часть полых органов человеческого тела. В частности, слизистые оболочки составляют эпителий органов, которые регулируют поступление в организм внешних элементов, их питательную или продуктивную абсорбцию и последующее возможное изгнание катаболитов — отходов и/или непереваренного содержимого, поскольку они структурно не метаболизируются.

Слизистые оболочки также покрывают пограничные области прохода между внутренним и внешним, делегированные для обмена между внутренними пространствами двух индивидуумов, которые интимно соединяются с передачей жидкостей, как, например, при сосании ребенком груди или при генитальном коитусе. Поцелуй с этой перспективы — промежуточный чувственный и реляционный момент, прославляемый в бесконечных поэтических и образных произведениях художников всех эпох, который соединяет первичную пищевую близость с любовной интимностью; поцелуй является знаком возможного, потенциально фертильного, генитального акта в будущем.

В «Фрагменте анализа случая истерии», Фрейд указывает на слизистые оболочки, скорее, в терминах фиксаций либидо, чем

Необходимость подчинить себе «возможного кастратора», спроецированная на аналитика, делает его соучастником «сексуального наслаждения», что определяет модальность и качество проективной идентификации, присутствующей в эротическом перверсном переносе.

сомато–психико–реляционных эквивалентов. Четыре года спустя он снова поднимает этот вопрос в «Трех очерках теории сексуальности», в которых утверждает, что «кожа, которая в отдельных частях тела дифференцировалась в органы чувств или превратилась в слизистую оболочку, является, по преимуществу, эрогенной зоной». Фрейда особенно интересует эротическое возбуждение, возникающее при соприкосновении слизистых оболочек, и с этим он связывает сексуальное значение, придаваемое этим конкретным тканям.

Однако, благодаря кляйнианской концепции «бессознательной фантазии», понимание Эдипова комплекса в терминах частичных и целых объектов и, прежде всего, благодаря исследованиям Ферро, мы можем утверждать, что через телесные отверстия, покрытые слизистой оболочкой, «внутреннее» индивидуума, его психика, само его мышление, находится в прямом контакте с внутренним психическим миром другого индивидуума.

В силу своих анатомофункциональных особенностей слизистые оболочки могут способствовать совместному проникновению между двумя людьми и переносу веществ от одного человека к другому. Секретция слизистой оболочки продуцирует смаз-

---

Нетерпимость к тишине в анализе обычна для перверсной патологии, также как и потребность вызвать у аналитика «параноидные» чувства, чтобы заставить его ответить, не потому что у пациента есть интерес к содержанию интерпретации, а как доказательство анального всемогущего контроля пациента.

ку для совместно взаимодействующих органов тела, которая уменьшает взаимные трения, механические препятствия и болезненные соприкосновения; а материалы обмена (молоко при сосании, сперма при оплодотворении) перетекают в межжидкостную помогающую среду (слюна, жидкость простаты и вагинальные выделения).

Таким образом, весь процесс взаимного проникновения, передачи и обмена облегчается и химически, и физически, и два человека гармонично сливаются в пару, создавая близость и сенсорную, соматопсихическую непрерывность, которая способствует взаимной передаче содержания.

Важно подчеркнуть, что реализации этих облегчающих физиологических условий соответствует желание, а его отсутствие блокирует секрецию слизистой оболочки; субъект, вынужденный к нежелательному взаимному проникновению, переходит в ситуацию раздражения или даже в ситуацию явного отказа посредством дальнейшего мышечного закрытия зон потенциального проникновения (вагинизм; закрытие рта, спастическое сокращение желудка).

В «Трех очерках» Фрейд подробно обсуждает тот факт, что вагинальная смазка имела особое значение как подготовка к половому акту. Фрейд ссылается на тезис Молля: «Здесь мы вспоминаем анализ Молля сексуального инстинкта, как инстинкта

...Он часто цитировал Фрейда или других авторов, а затем поворачивался к аналитику с озорной улыбкой, ожидая его восхищения, как он это делал с проститутками для того, чтобы найти «замочную скважину в контртрансфере».

«сжатия или сокращения» и инстинкта «детумесценции — буквально, уменьшения припухлости». Инстинкт детумесценции был описан Моллем как побуждение к спазматическому снятию напряжения половых органов, а инстинкт сокращения — как побуждение вступить в контакт с другим человеком». Физиологические эквиваленты первичных областей телесного взаимного проникновения смещаются к рассмотрению, слуху и вниманию. Желаящий субъект будет облегчать, будет «разжимать», в рецептивном смысле, склонность к связи с другим, инвестируя и облегчая функции и процессы, которые делают возможным соединение зрительных и слуховых процессов и мышления.

С другой стороны, тот, кто не желает, не захочет даже «видеть» другого, будет «глух» к его просьбам и совершенно ничего «не захочет знать» о нем. Преемственность между телесным функционированием и психической связью, таким образом, очевидна, бессознательно и предсознательно постоянна, и, в целом, чрезвычайно важна для аналитиков. Это та область исследования, которую Ферро обозначил не как «body to body», а как «mind to mind communication». Это область интерпсихического эквивалента сексуального функционирования, но, в принципе, телесного. Это область перехода от сексуальности к психике и к мышлению.

В целом, различные интерпсихические феномены воспроизводят первоначальную модель первичных взаимообменов между матерью и ребенком и могут быть обнаружены в фантазматических аспектах последующей жизни индивида. Об этом, собственно, и говорит Ферро, размышляя о различных типах межличностных отношений и о «психической сексуальности», которая является более или менее продуктивной (отбрасывая анатомический секс) в качестве генеративного шрифта для чего-то нового в обмене между двумя людьми.

Продолжая размышления об эквивалентности физиологических и психических процессов, психическом аналоге физиологического контакта слизистых эрогенных оболочек, я хочу привести цитату Болоньини: «Общение на обычном языке может быть, в конце концов, «сухим», «бедным», «леденящим» или, наоборот, «горячим», «богатым», «текучим»; человек может «расслабиться» или «затвердеть», или, проще говоря, «раскрыться» или «замкнуться»; контакт может быть «мягким» и «обволакивающим» или «щетинистым» и создавать «трение»; мысль может стать «текущей» или «высыхать».

Можно было бы продолжить эту серию примеров, но идея в том, что хотя изначально «стимулирующие» контакты могут стать «чрезмерно возбуждающими» (имеющими тенденцию к маниакальному состоянию), в конце концов, они становятся «раздражающими».

Конечно же, мы наблюдаем очевидный переход от мышления в терминах слизистых и драйвов к эмоциональным переживаниям.

Для аналитика важно работать не эротизированным образом во время фаз очень мощной интимной ментальной связи, которую пациент может воспринимать, в частности, раз мы говорим о сексуальности, как эротизированную, именно потому, что она активизируется сепарационной тревогой пациента, и аналитик переживается как «далекий и недостижимый».

Таким образом, он остается заключенным в возбужденном, неистовом состоянии именно потому, что его переживания невыносимы и, следовательно, неразрешимы. В таких ситуациях, индивид, может, например, избавиться от болезненного эмоционального опыта с помощью сексуальных действий вне анализа.

Необработанные бета элементы эвакуируются в терминах рефлекторной дуги, то есть, в терминах эдипова комплекса — сексуальной или деструктивной разрядки, то есть в терминах инцестуозного фрейдистского Эдипа.

В аналитической ситуации эротические фантазии пациента и даже попытки их реализовать, связанные с аналитиком, указывают на факт перехода индивида от возбуждения к перевозбуждению, и из этой точки — к эмоциональной боли без смыслов. Эта точка расположена в той области, из которой человек переходит к восприятию невозможности контакта и связи. Не будучи в состоянии переработать это отречение от объекта, индивид впадает в отчаяние. Настаивая на неудовлетворенной фантазии, которая не будет осуществлена, он переходит в состояние чрезмерного возбуждения, напрягая себя до состояния бессильной боли.

Такая ситуация описывает маниакальную защиту, поскольку индивид не считается с отсутствием объекта и настаивает на высочайшем уровне возбуждения, как если бы объект находился рядом и связь между ними может быть реализована. В сущности, такая маниакальная защита — это галлюцинаторная активность, поскольку она состоит в том, чтобы создать нечто, чего в реальности нет. Такая активность трансформирует, например, порнографию в живой объект.

Однако, сексуальная или деструктивная разрядка, описанная Фрейдом в терминах теории влечений — это, всего лишь, одна из многих возможностей избегания эмоциональной боли исключенности из первичной сцены.

Есть бессильный, мстительный, безнадежный, беспомощный, злой ребенок, который хочет победить свою мать, вовлекая ее в свои сексуальные отношения, то есть заставить ее чувствовать его боль.

Со времен Фрейда психосексуальность стала рассматриваться, исследоваться и интерпретироваться в тесной связи с телесностью.

Кроме сексуальных удовольствий, индивид может использовать множество других методик избегания эмоциональной боли, с помощью наркотиков или алкоголя, например.

Вино и алкогольные напитки вообще с этой перспективы мы можем рассматривать как «маниакальное молоко», как эквиваленты самоуправляемого, материнского кормления, которое «немедленно сделает его здоровым» и уберет печаль. В это время индивид испытывает нарциссический триумф, который уже сам по себе дает опьяняющий эффект, поскольку индивид не зависит от объекта и добывает это «молоко» самостоятельно.

Это имеет дополнительное следствие для мужчин — в акте пьянства они переживают состояние, которое подтверждает их мужественность, то есть, очевидное подтверждение гордой независимости от материнского объекта.

В этом опьянении мужчины чувствуют нарциссическое укрепление близнецового эффекта — «чувство дружбы и некоторой спутанности, некоторого социального «братства», когда «ты и я равны», что усиливает чувство целостности селф, которое без этого состояния отсутствует.

Речь идет о психическом состоянии, при котором из первоначального желания человек трагически цепляется за оградительный барьер неистовой защиты перед лицом болезненной реальности. С помощью этой защиты, направленной на отрицание отчаяния, субъект «повышает ставки» в игре с эмоциональной болью, ставки маниакального качества, посредством гиперстимуляции эрогенных зон и сексуализации, и создания замещающих «антиобъектов», например, вина вместо молока.

Психика является результатом алфаветизации чувственных впечатлений эмоционального опыта.

Следуя логике Ферро, вернемся к эрогенности и к ее интерпсихическим эквивалентам. Давайте зададимся вопросом: что такое «психические слизистые оболочки» аналитика? Иными словами, какие ментальные эквиваленты могут функционировать в анализе как ча-

сти самости, обеспечивающие питательный или творческий обмен между двумя людьми?

Аналитики давно привыкли слышать пренебрежительное сравнение себя с проститутками. Проститутка соглашается за плату имитировать связь, которая, на самом деле, является частичной и односторонней, потому что желание принадлежит только клиенту. Проститутка обеспечивает обстановку и контакт, приемлемые для клиента в том смысле, что они «лучше, чем ничего». Но она не обеспечивает своего собственного желания, потому что никто не знает, где оно притаилось, и, в любом случае, оно не может быть мобилизовано по команде.

Проститутка является патологическим субъектом, или, по крайней мере, оказывается таковым — эмоционально немой и инертной — во время своей деятельности. Прибегая к соответствующим внутренним расщеплениям, она становится доступной для того, чтобы терпеть телесное проникновение в обмен на деньги.

Аналитик, по-видимому, в начале лечения делает себя доступным в той же манере, за исключением нетелесного характера контакта. «Эмоциональные» слизистые оболочки аналитика не «увлажняются» по команде, и аналитик обманывает себя, если думает,

---

Кожа, которая в отдельных частях тела дифференцировалась в органы чувств или превратилась в слизистую оболочку, является, по преимуществу, эрогенной зоной.

Например, может случиться так, что он будет сопереживать пациенту, или будет эмоционально тронут им, или почувствует симпатию или антипатию, и все это — более или менее мотивированно. Аналитик не является проституткой в строгом смысле этого слова, потому что он не находится под анестезией в результате диссоциации.

На самом деле, можно расширить поле возможных эквивалентных ссылок, введя более широкий ряд фигур — аналитиков в стиле Ферро. Кажется, что поврежденные или нуждающиеся «психические слизистые оболочки» пациентов находят в анализе разные персонажи аналитика.

Например, можно подумать об аналитике как о враче скорой помощи — для первого вмешательства ради психического выживания пациента в случае серьезных травм или внутренних психических переломов. Или подумать об аналитике-няне (или кормилице), когда пациент может быть лишен питательных веществ для роста его ума, и, таким образом, речь может идти о восстановлении способности питать себя, переваривать и ассимилировать болезненный опыт. В привычных для коллег терминах — способных алфавитизировать свой болезненный эмоциональный опыт и учиться из него — можно даже подумать об аналитике-матке — инкубаторе, когда первичное контейнирование является действительно необходимым условием для выживания эмоциональных слизистых оболочек пациента.

Решающим моментом в анализе, как и в случае с физиологией здоровых слизистых оболочек, является вопрос: приспособлены ли к цели области контакта — психического взаимного проникновения и обмена, предоставленные аналитиком. Вопрос в том, достаточно ли хорошо функционируют «психические слизистые оболочки» аналитика, чтобы питать, способствовать самовыражению, облегчать дальнейшие сближения и обмены от внутреннего мира субъекта к внутреннему миру другого?

В сущности, всякий анализ более или менее успешен в отношении того факта, что может быть желание, но не должно быть эротизации; обмены будут иметь

что может официально «любить» своего пациента, просто в силу того факта, что пациент находится рядом. Однако, в то время как проститутка, неизбежно, является ригидным и диссоциированным субъектом с эмоциональной точки зрения во время выполнения своей работы, аналитик обладает гораздо большей внутренней свободой и может более комплексно реагировать на переживаемый им опыт с пациентом.

Через телесные отверстия, покрытые слизистой оболочкой, «внутреннее» индивидуума, его психика, само его мышление, находится в прямом контакте с внутренним психическим миром другого индивидуума.

место, но они не должны быть агрессивными или принудительными;

в успешном анализе выстраивается естественная интимность, но также и укрытие от вторжения. Должна быть соответствующая теплота без воспалений, общение, как можно более плавное и текучее, но не переполняющее; контакт достаточный, продолжительный, но не навязчивый до раздражения и т. д.

Используя сленг Биона, можно резюмировать таким образом: анализ тем более успешен, чем более аналитик сдвигается от нарциссизма — к социализму (через дефис), то есть, интерпретации аналитика не должны быть основаны на памяти и желаниях — не должны реализовывать его собственный Эдипов комплекс.

Маленькая дочка задает отцу вопросы о том времени, когда ее еще не было: могло бы что-то существовать, если бы ее не было? Мог бы существовать мир, если бы еще не существовало сознания? У маленькой дочери явно не хватает слов для формулирования своих вопросов, и отцу очень трудно понять то, что она хочет знать. Однако, они выражают муки экзистенциальной проблемы, которую мы можем назвать метафизической — она не могла подозревать грандиозность своих вопросов. Поистине, надо быть Гейзенбергом или Бионом, чтобы, хотя бы частично, найти на них ответы.

Пациентка, находящаяся в анализе около десяти лет, начинает говорить о мучениях, сопровождающих маточное кровотечение. В течение нескольких месяцев она рассказывает о своей борьбе за то, чтобы избежать операции. Аналитик и пациентка подробно говорят о ее страданиях, связанных с кастрацией, потерей женственности, течением времени и старением, потерей возможности любить и смертью.

Операция, которая становится неизбежной, так как могут развиваться раковые опухоли, наконец-то состоялась. Последующий период характеризовался депрессивным настроением и ассоциациями, повторяющимися дооперационный период, что примечательно, ибо такая неизменность психического состояния не свойственна этой пациентке. Ее отличительной чертой является ее способность размышлять о собственном душевном состоянии, а также столь же выраженная способность к изменениям. Этот паралич в анализе удивителен, и аналитик понимает, что в анализе упускается что-то существенное.

Медленно из извилин ее речи возникает вопрос, но она не может найти слов. Аналитик вспомнил вопросы маленькой дочки и ему, наконец, удалось перевести и понять

Тот, кто не желает, не захочет
даже «видеть» другого,
будет «глух» к его просьбам
и совершенно ничего «не захочет
знать» о нем.

Различные интерпсихические феномены воспроизводят первоначальную модель первичных взаимообменов между матерью и ребенком и могут быть обнаружены в фантазматических аспектах последующей жизни индивида.

вопросы, которые пациентка изо всех сил старалась сформулировать. Эти вопросы пациентки звучат примерно так:

что происходит после секса с его продуктами? Они просто сталкиваются со слепым мешком? Они просто просачиваются? После удаления ее матки, яичников и фаллопиевых труб, если влагалище стало тупиком, стало мертвым — какой смысл заниматься сексом?

На самом деле, пациентка говорила, что половой акт больше не имеет смысла и перестал доставлять удовольствие. Важно отметить, что она никогда не упоминала о каких-либо трудностях с самим половым актом и что вербальная неуверенность, которую она проявляла в этот момент, была беспрецедентной.

Более того, незнание анатомии или физиологии было невероятным, учитывая ее интеллектуальное образование.

Разговоры на эту тему были безуспешны, пока аналитику не пришло в голову, что матка — это не простоместилище, не просто контейнер. Имеется психический эквивалент физической матки и влагалища.

Эта интерпретация вызвала изменения в пациентке. Но и аналитику стало очевидно, что матка — это не толькоместилище, способное вынашивать беременность или сиг-

---

В аналитической ситуации эротические фантазии пациента и даже попытки их реализовать, связанные с аналитиком, указывают на факт перехода индивида от возбуждения к перевозбуждению, и из этой точки — к эмоциональной боли без смыслов.

нализировать о гормональном цикле.

Это канал сообщения между влагалищем и фаллопиевыми трубами, которые не общаются с яичниками. Трубы погружаются в брюшину, где открываются, чтобы захватить зрелую яйцеклетку, выпущенную яичником. Таким образом, матка является частью канала между внешним миром и глубинами внутренних органов — безмолвной бесконечностью внутренностей женщины.

Как воплощение фантазии пациентки начала формироваться гипотеза: без доступа к тайнам тела влагалище, которое ни с чем не соединяется, стало у этой пациентки практически внешним органом. Таким образом, половой акт не приведет к интимности и не позволит сексуальному контакту между двумя людьми создавать смыслы и значения. Вероятно, у этой пациентки возникла та же самая психическая организация, которая делает возможной проституцию, освобождая тех, кто ее практикует, от мучений, связанных с сексом с несколькими партнерами, которых они не выбирают.

Не может ли этот пример помочь нам понять кажущуюся легкость, с которой современные подростки поддерживают многократные сексуальные отношения, и тот факт, что они, фактически, испытывают стресс только тогда, когда отношения становятся интимными?

Вино и алкогольные напитки вообще с этой перспективы мы можем рассматривать как «маниакальное молоко», как эквиваленты самоуправляемого, материнского кормления, которое «немедленно сделает его здоровым» и уберет печаль. В это время индивид испытывает нарциссический триумф, который уже сам по себе дает опьяняющий эффект, поскольку индивид не зависит от объекта и добывает это «молоко» самостоятельно.

Это — именно тот случай, когда психическая структура, подобная описанной, исключает определенные ситуации, необходимые для интимности психоаналитического акта, и ставит перед аналитиком задачи, лучшим решением которых является его негативная способность — способность верить в свою интуицию и ждать, пока его психические слизистые не увлажнятся до такой степени, в которой увеличенная чувствительность его контейнера, схватит, наконец, избранный факт сессии. Вопрос пациентки, очевидно, относился не к физиологии, а скорее, к психическому представлению анатомии.

В случае этой пациентки, в результате травматического опыта переместились или перевернулись территории телесного и ментального. Гипотеза, которую для нее сформулировал аналитик, создала другие измерения времени, необходимые для проработки в анализе, что позволило ей открыть вновь свои ментальные каналы, которые открывают доступ к бесконечной тайне ее природы и воссоздают ее собственные смыслы бытия.

Любое клиническое описание не может быть отделено от сложной теоретической предпосылки, которая ориентирует способ наблюдения аналитика.

У вас роман с кляйнианцами? Или вы очарованы мутными пассажами Биона, который соблазнил вас своим уютным домом, заброшенным где-то между математикой и поэзией? Или вы влюблены в онейрическую модель мышления шокирующего вас доктора Ферро? А может, бурные потоки фрейдистского либидо настолько вскружили вам голову, что, находясь в гипнотическом трансе, вы с невероятными усилиями мо-

жете, все-таки, узнать во Фройте знакомого вам с юности Фрейда? На каком теоретическом фундаменте располагается каждый из нас?

После Биона многие аналитики стали чувствовать, что смыслы возникают в эмоциональном поле отношений аналитической пары. Они рождаются в поле их взаимных проективных идентификаций, в поле облака градиента деградировавших и сгенерированных альфа элементов: от альфа — до бета. И, кстати,

---

Сексуальная или деструктивная
разрядка, описанная

Фрейдом в терминах теории
влечений — это, всего лишь,
одна из многих возможностей
избегания эмоциональной боли
исключенности из первичной
сцены.

именно этот пункт связан с Фрейдом, который уже в своем «Проекте научной психологии» задавался вопросом о том, как количественные заряды энергии, ударяющие по психическому аппарату, превращаются в психические качества. Это вопрос, который проходит через всю его работу и который все мы унаследовали.

Из клинической практики мы можем выдвинуть гипотезу, что смысл рождается из недоступной бесконечности недр нашей телесности в отношениях с другой субъективностью. Всегда эфемерный и недостаточный смысл неизбежно требует чего-то большего, чего-то в самом теле и, в то же время, вне его.

Это позволяет нам продолжать жить.

Вопрос Фрейда — хороший вопрос, который будут задавать себе будущие поколения психоаналитиков. Это вопрос, который Блон сформулировал как поиск истины из трансформации бесконечного потенциала бета ментальности, на которую указывает сексуальность, которой необходим контейнирующий аппарат другой психики. Ей необходим тот аппарат, который, неизбежно, несовершенен. Поэтому вопрос Фрейда решается в новом прочтении мифа Софокла, и ответ на него мы уже знаем: Сексуальность — поиск истины — ложь, которая означает, что Интеллектуальный Эдип Блона снова попадает в сети сладострастных грез о теле юной матери. Круг замыкается. И все мы — и пациенты и аналитики, еще раз наблюдаем закат мышления — *Sic transit Gloria Homo* — так проходит и увядает слава Эдипа Интеллектуального — Эдипа Блона, поскольку мышление — слишком тяжелый груз для того зверя, который называется наше тело. И тот из вас, кто не замкнул этот круг и вновь не оказался на территории фрейдистского Эдипа, пусть первый бросит в меня камень.

Решающим моментом в анализе, как и в случае с физиологией здоровых слизистых оболочек, является вопрос: приспособлены ли к цели области контакта — психического взаимного проникновения и обмена, предоставленные аналитиком.

«Виртуальная толпа»

(ГРУПП-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД)

Тимошкина Алина Алексеевна

- Президент ЕАРПП
- Член правления ЕСРР (Австрия, Вена)
- Член Комитета по сертификации и аккредитации ЕАРПП
- Руководитель секции групп-анализа (ЕАРПП-Москва, ОППЛ)
- Доцент кафедры клинического психоанализа (Московский Институт Психоанализа)
- Зав.кафедрой психоанализа и групп-анализа (Московская Международная Академия)
- Руководитель Международной Школы Группового Психоанализа (COIRAG, EGATIN, ЕСРР) и Центра Психотерапии и Психоанализа
- Учредитель научно-практической лаборатории по групповому психоанализу (ЕАРПП, МИП)
- Член президентского совета и руководитель экспертной комиссии саморегулируемой организации Национальная Ассоциация «Союз психотерапевтов и психологов»
- Член наблюдательного совета МАПБО (ПАПККО)

Группы, в зависимости от количества людей в них, ведут себя по-разному. Малая группа функционирует как семья, где групповая матрица — это мать, ведущий группы — отец, каждый участник — ребенок. Малая группа — от 3 до 15 человек, в этом составе она может сохранять баланс отдельности — причастности, и подобные группы характеризуются как терапевтические, корректирующие.

Средняя группа — от 15 до 50 человек, работает как пограничная структура. Такая группа стремится к формированию каких-то понятий, созданию инструмента, разделению на черное и белое, и в такой группе очень легко создавать какие-то опоры, которые потом встраиваются в систему.

Сегодня мы будем говорить о большой группе. Это — целый океан, таинство, потому что в большой группе совершенно по-другому распределены роли: Папа, Мама, Я. Папой является ведущий или группа ведущих, материнской структурой является идея, которая объединила группу, заряжает ее, и Я (отдельность), которое попадает в группу, обладая первичной идентичностью (мы все о себе что-то думаем, чувствуем), затем, в процессе групповой динамики и проживания разных групповых феноменов трансформируется в групповое Я (причастность). Власть, ресурс и вера — три опоры, которые запускают групповую динамику в большой группе. Очень важно также учитывать среду. У каждой очной большой группы есть территориальная принадлежность: климат, география, история, структура личности лидера. В виртуальной группе такая среда размыта. В одной группе могут находиться участники из разных стран,

---

В группе нас захватывает
лиминальность, то есть
некое размытое, переходное
состояние идентичности,
мы не можем запустить это
в себе самостоятельно — этому
способствует только групповой
процесс.

что заставляет групповых аналитиков задуматься над динамикой.

Итак, возникает вопрос, что было первым: курица или яйцо, лидер или группа, миф или идея? Лидер вибрирует желанием собрать вокруг себя группу и запускает ее, или группа из своей матрицы, из своих недр выдвигает кого-то на роль лидера? Попытаемся в этом разобраться. Миф — это то, что группа формирует, как некую идеологическую структуру для того, чтобы длить и развивать свою

жизнь. А идеи рождаются из мифов. Мы сегодня поразмышляем о том, как это происходит в реальном и виртуальном мире.

Групповая культура, рамки, символы и мифы рождаются на стыке мышления ведущего и группы. Это — буквально либидинозный танец, где мыслительные процессы — это эрогенные зоны, а групповое ревери сродни оргазму. Мы позволяем себе быть захваченными волной коллективного бессознательного через архаичные страсти. В этой атмосфере через долгосрочные отношения с группой чувства людей гуманизируются и возникает доверие, из которого формируются общие ценности и правила. Групповое мышление менее критично, более эластично, вариативно, креативно и аффективно. Эффект резонанса достигается за счет интенсивности власти, коллективной направленности ресурса, уверенности в достижении желаемого, веры. Это полевое энергоинформационное образование (если пользоваться физической метафорой) представляет собой солитон — волновой пакет или резонатор. Оно создано вовне и объединяет по мотивационным и эмоциональным характеристикам. При этом, если в группе до 4 процентов людей интенсивно поддерживают одну идею, их коллективное сознание начинает работать как резонатор и оказывает воздействие на других людей в плане поддержки данной идеи. Мы создаем среду, где мы можем быть захваченными, и ревери — это захваченность в группе, так же как инсайт — захваченность в индивидуальной работе.

Лиминальное мышление, которое возникает в группе, когда нет правил и когда группа создается спонтанно, необходимо для формирования вторичной идентичности, и это умение видеть множество очевидных вещей и принимать то, что их очевидность зависит от личного опыта и точки зрения. Любая идеология мечется между

Праведность и грешность, прямая ответственность — это наш
эмоциональный узел. Внешние проявления — индивидуализм
и одиночество, внутренние — отсутствие цельности и понимания себя.
Это — типичный образ «героя нашего времени».

паранойяльными и нарциссическими крайностями и очень сложно приходит к гуманистическому инсайту.

Итак, поговорим о толпе. Большие неструктурированные группы, которые возникают спонтанно, в социальной психологии подразделяют на толпу, массу и публику, и эти группы испытывают 3 фундаментальных реакции: бей, беги, замри.

Особенности толпы: быстрота сбора, возбуждения и перехода к действиям, а также возможность элементов организации (лидер и толпа), возможность агрессивных действий, преобладание эмоциональных реакций.

Особенности массы: стабильность образования, организованность, разнородность, неустойчивость.

Особенности публики: сбор для совместного времяпрепровождения, возможность неуправляемости.

Толпа — это многочисленное скопление людей, легко образуется в следующих типичных ситуациях: стихийное бедствие, общественный транспорт, массовые зрелища, политические акции, места массовых гуляний и отдыха. Под толпой необходимо понимать стихийно возникшую организованную группу с повышенным эмоциональным возбуждением. Масса собирается с более продуманными конечными целями и тактикой поведения, хотя масса достаточно разнородна.

Виды толпы: пассивная и активная. Пассивная отличается отсутствием эмоционального возбуждения. Активная — разной степенью эмоционального возбуждения, в которой присутствует такой феномен большой группы как заряженность. Когда вы попадаете в активную толпу, то заряжаетесь той идеей, целью, которая собрала эту толпу.

Третий вид толпы — агрессивная. Она деструктивна, разрушительна, нуждается в лидере. В такой момент она может спонтанно создать себе лидера.

Толпы людей, объединенные чувством страха, вызванного опасностью для жизни, делятся на 5 видов:

Толпы людей, объединенные чувством страха, вызванного опасностью для жизни, делятся на 5 видов:

- панические, с полной утратой всякой организации и сужением сознания;
- демонстрирующие, выражающие свое отношение к каким-либо социальным событиям;
- окказиальные, которые образуются из случайных людей;
- конвенциальные — образуются на основе заранее объявленных событий;
- экспрессивные — собравшиеся по поводу каких-то эмоций.

Коллективная психика функционирует, как вода. Я попыталась провести сравнение толпы, масс с цунами и выделила несколько признаков возникновения цунами:

- внезапный быстрый отход воды от берега;
- землетрясение;
- необычный дрейф льда;
- громадные куски подвижного льда и рифов, которые собираются в кучу.

Власть, ресурс и вера — три опоры, которые запускают групповую динамику в большой группе.

Возникает вопрос, что было первым: курица или яйцо, лидер или группа, миф или идея?

психика коллективная внезапно отошла от берега. Последние события можно сравнить с землетрясением, и возникает атмосфера агрессивной толпы, в которой есть признаки конвенциональной и экспрессивной толпы (эмоции экспрессивной толпы и конвенциональной — эмоции по поводу объявленных событий). Что касается необычного дрейфа льда, который возникает в океане, казуальная толпа, то есть многие любопытные, которые возникли в виртуальном пространстве и стали рассуждать на темы последних событий (как дрейфующий лед), создают новые другие институции, что является признаком того, что коллективное бессознательное находится в состоянии предцунами.

Паническая, бессистемная, разрушающая и демонстрирующая толпа — это как куски льда, которые собираются, дрейфуют, попадают друг на друга, собираясь в новые скопления, и мы говорим о том, что наша большая группа находится на кризисных этапах, учитывая отток большой группы и ее системности, мы сейчас имеем феномены большой группы, которые естественны в продолжении ее развития.

Существуют 2 основных традиции в классификации больших групп: психологическая и социологическая. Психологическая традиция исходит из форм и жизнедеятельности групп: время существования группы, принципы ее формирования, принципы доступности членства в ней. Содержательные элементы общественной психологии возникают на основе исторического опыта больших групп. Он обобщен знаковыми культурными, идеологическими системами и доведен до индивида через посредство малой группы и межличностного общения. Поэтому социально-психологический анализ больших групп можно рассматривать как ключ к познанию психики индивида.

Одно из важных отличий больших групп — существование специфических регуляторов социального поведения, которых нет в малых группах: нравы, обычаи, традиции, мифы. Групповые аналитики изучают образ жизни группы, особые формы общения и типы контакта между людьми. В рамках определенного образа жизни приобретают особое значение интересы, ценности, потребности, наличие специфического языка. Таким образом, структура психологии большой социальной группы включает в себя еще и целый ряд элементов: различные психические свойства, психические процессы и психические состояния, подобно тем элементам, которые составляют психику отдельного человека. Когда ребенок рождается, он проходит такие же этапы развития, по которым эволюционировала группа. Каждый человек несет в себе историю группы и механизмы развития

Если проанализировать то, что происходило с нашей большой группой (виртуальной и реальной) в последнее время, что с нами было? Коронавирус. Большие потоки людей вдруг резко схлынули и закрылись в квартирах, перестали появляться на улицах, то есть вода, толпа,

---

Это — буквально либидинозный танец, где мыслительные процессы — это эрогенные зоны, а групповое ревери сродни оргазму.

своей группы. Например, древнерусские традиции имеют пансакральный контекст: пространство и время здесь освящены, сакрализованы в своих наиболее значимых точках, символизируя святой мир, где предназначение и идеал человека — быть святым, значит, признавать свою греховность и работать с этим. Отсюда славянские имена Святослав, Святополк, Святомир. Праведность и грешность, прямая ответственность — это наш эмоциональный узел. Внешние проявления — индивидуализм и одиночество, внутренние — отсутствие цельности и понимания себя. Это — типичный образ «героя нашего времени».

В группе не должно и не может быть гармонии. У каждого человека с рождения присутствуют первичные аффекты. Первичные — те, которые проявляются в первые месяцы жизни, они универсальны для всех людей, например, гнев и эйфория. Это значит, что такие аффекты можно совместно проживать в большой группе.

Психоаналитическое мышление — творческий процесс, который захватывает нас, ибо мы не можем захватить его. Точно также в группе нас захватывает лиминальность, то есть некое размытое, переходное состояние идентичности, мы не можем запустить это в себе самостоятельно — этому способствует только групповой процесс.

Ревери — это захваченность в группе, так же как инсайт — захваченность в индивидуальной работе.

Большая группа дает возможность усомниться в своих убеждениях, интересоваться мнением других, ломать шаблоны, создавать новые возможности, создавать и проживать опасную или безопасную обстановку, меняться и развиваться.

Какие этапы проходит большая группа? Классически, когда вы попадаете в большую группу, первая реакция — тре-

вога, страх. Группа проживает период нападения и бегства. Оставшись в группе и привыкнув к окружению, мы можем испытывать желание изменить другого под себя, найти себе подобного. И на это уходит достаточно много времени. Следующий этап — толерантность. Мы распознаем тех, кто похож на нас, присоединяя их к своей идее, и тех, кто непохож, откладывая их на потом. В идеале большая группа достигает ощущения целостности. Но это состояние никогда не бывает устойчивым. Это такое эйфорическое состояние, которое бывает на концертах, футболе, в религиозных сектах, оно ресурсное, но временное и неустойчивое.

В больших группах мы встречаемся с феноменом, когда отдельный участник уже не может проецировать что-то на других индивидов. В этом случае он замкнется в своем внутреннем мире. Само по себе это уже представляет собой регрессивный процесс типа раннего нарциссического расстройства. Возникают блокировки мышления, а вместе с ними — страх утраты своих интеллектуальных способностей. С исчезновением надежности межличностных отношений ненадежными становятся и репрезентации Я-объектов, внутренних объектов, что вызывает страх утраты себя. Реакции защиты против страха утраты самости находят языковое выражение в таких феноменах, как анонимизация и генерализация, которые приобретают порой мифологический характер.

Большая группа может менять историю за счет того, что искажает фрагменты групповой памяти. Любая новая власть, которая появляется, пытается переписать историю. Большая группа создает условия, в которых история переписывается на эмоциональном уровне.

У большой группы есть так называемый синдром недоверия памяти. Когда мы находимся в большой группе, мы часто говорим: «Я где-то слышал, я где-то читал», и поскольку в группе очень мощно работает механизм заражения, мы можем быть более или менее убедительны в своих фантазиях. Большая группа может менять историю за счет того, что искажает фрагменты групповой памяти. Любая новая власть, которая появляется, пытается переписать историю. Большая группа создает условия, в которых история переписывается на эмоциональном уровне. Память в большой группе может искажаться на эмоциональном уровне, меняться, подменяться, и это, с одной стороны, — ресурс большой группы, с другой — некая уязвимая точка. При помощи современных технологий в эту память можно поместить любую информацию, и дальше она будет обрабатываться группой, как именно, тоже зависит от участников.

В период вторичной индивидуации (спасение идентичности) есть три возможных исхода регрессивного конфликта при попытке сохранить свою самость в большой группе.

Первое: либо группа вбирает участника в себя так, что он теряет чувство своей идентичности и испытывает из-за этого угрозу своему чувству Я, он становится индивидом-участником, либо защищается от этой регрессии через нарциссическое замыкание, в таком случае он остается вовне, закрывается от всяких отношений с участниками группы и с группой в целом, остается одиночкой. Или ему удастся психологически до некоторой степени утвердиться на границе группы, он сохраняет свою индивидуальность, ощущает свою самость, как выражение своего Я, в таком случае он — индивидуальный участник. Это — единственное прогрессивное разрешение конфликта, дающее возможность полноценной активности и интеракций с другими индивидуальными участниками, то есть зрелых взаимоотношений. Такие отношения развиваются между индивидуальными участниками, которые находятся на границе топоса группы, в социопсихологической пограничной зоне между «внутри», что соответствует тяге к регрессии, и «вовне», что соответствует регрессивной защите. У одиночки вырастает лишь внешняя кожа — система защиты. Индивидуальный участник сидит вовсе без кожи, зато сам по себе. Прогрессирующий в состоянии индивидуального участника наращивает дополнительную внутреннюю кожу, которая дает чувство защищенности, благодаря сознанию временной непрерывности между прошлым и будущим в группе. Индивидуальный участник затем развивает в себе особую производную Я, соответствующую групповой самости.

Каждый человек несет в себе историю группы и механизмы развития своей группы.

В заключении хочу рассказать о виртуальной толпе — главном коммуникационно-психологическом феномене современности. Виртуальное пространство легко удовлетворяет потребности в получении информации. И люди приходят туда, как на водопой. Виртуальная толпа достаточно легко может управляться включением и выключением кнопки, поэтому этот феномен широко используется специалистами для достижения информационного доминирования.

Информационное коммуникационное пространство функционирует в диалектическом единстве. Выделяют следующие составляющие коммуникативного процесса:

- лидеры или каналы влияния
- возвратная коммуникация
- целевая аудитория
- символы
- поляризация
- иерархия сообщения
- сюжетика

В виртуальном мире большая группа имеет ту же инструментальную мощь, но другие особенности. Большая группа в виртуальном мире еще изучается, но уже известно, что символы в большой виртуальной группе более значимы, чем в реальной большой группе. В реальной большой группе больше эмоциональный заряд, чем в виртуальной. 4 процента малой группы, которые организуют виртуальную группу, вполне могут ею управлять. У большой группы свой потенциал, но управлять ею непросто. Она, как большой динозавр, с которым все время надо строить отношения. Масса легче поддается эмоциям, у массы нет инструмента для точной логической работы. Меньшинство может управлять массой и символы — это инструмент, признак власти, благодаря которым малая группа может управлять большой виртуальной толпой. Большая группа — огромный младенец, который нуждается в маме-идее и хотел бы очень доверять своему папе-лидеру или малой группе лидеров, которые ею управляют. И если родители-лидеры создают отношения с группой с учетом ее внутренних мифов, то группа эволюционирует и развивается. Если лидеры используют идеи корыстные, личные, то группа становится деструктивной, она не развивается сама и разрушает все окружающее. То есть группа всегда определяет свой вектор, исходя из доверия и отношений.

Большая группа — огромный младенец, который нуждается в маме-идее и хотел бы очень доверять своему папе-лидеру или малой группе лидеров, которые ею управляют.

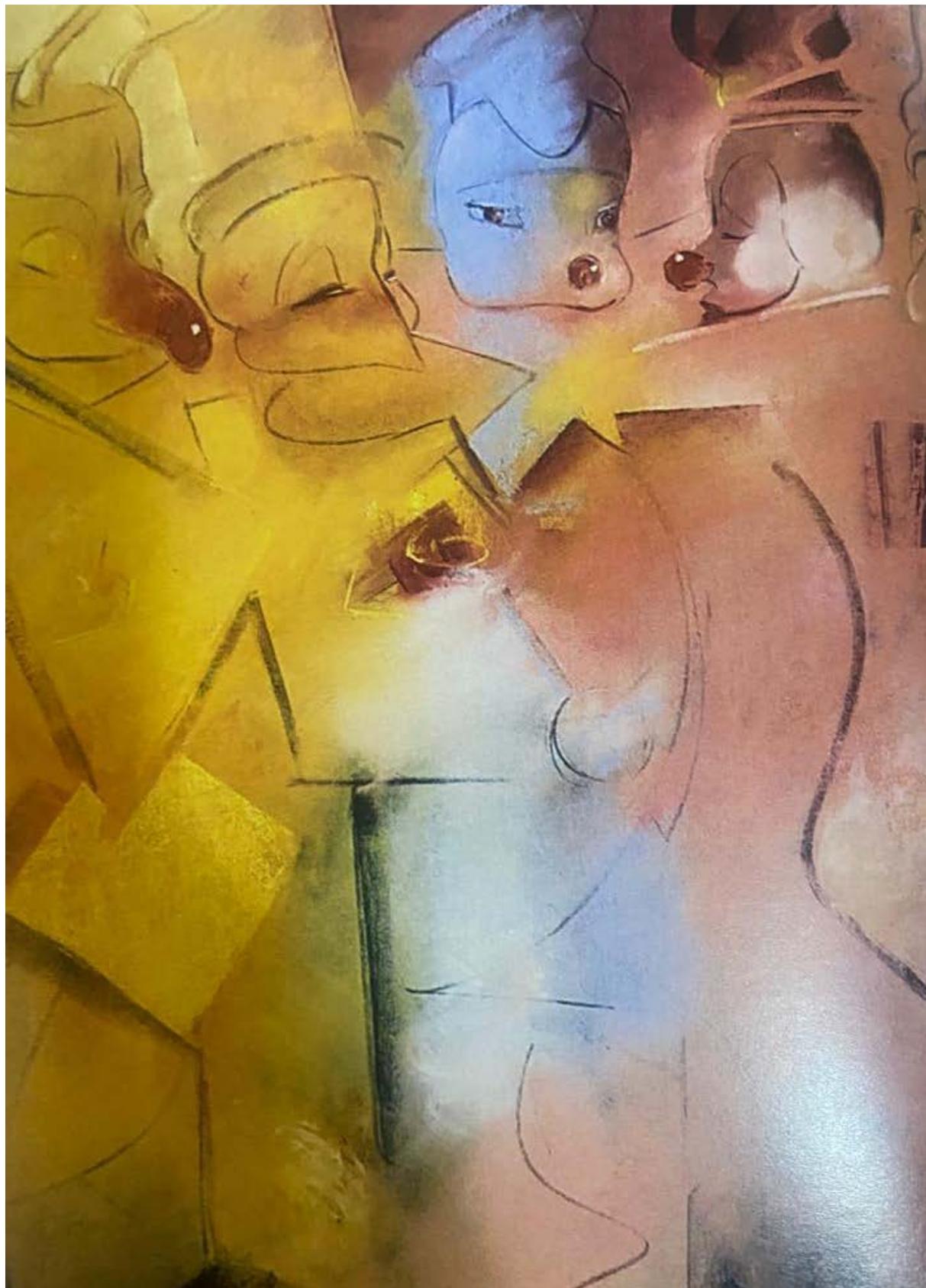
Судьбы психосексуального развития в последствии кумулятивной психической травмы

Яковлева Олеся Николаевна

- Психолог, психоаналитический психотерапевт
- член ЕАРПП (член правления РО-Самара)
- кандидат педагогических наук

Статья представляет собой обзор докладов, прозвучавших на секции детского психоанализа в рамках Юбилейной X Межрегиональной Психоаналитической Конференции в Москве, которая состоялась 5 июня 2022 года. Тема конференции «Сексуальное — место теорий психосексуального развития в современном психоанализе» особенно актуальна для специалистов, работающих с детьми и наблюдающих психосексуальное развитие непосредственно «в действии», часто осложнённое всевозможными сложностями и преградами, встающими на пути естественного становления психики ребенка. На секции мы послушали и обсудили: доклад Татьяны Олеговны Тишковой «Волчонок, который притворяется ягнёнком. Трудная доля родителей: видеть своё отражение в ребёнке и принять его таким, каким вырастили»; доклад Карины Васильевны Поповой

Словно одной из задач секции детского психоанализа было проиллюстрировать работу Зигмунда Фрейда «Влечения и их судьбы» клиническим материалом из практики отечественных психоаналитически ориентированных специалистов.

«Цветы сквозь асфальт. Влияние семьи и окружения на психосексуальное развитие ребенка»; доклад Лолы Олеговны Ведерновой «Боги с липкими руками. О последствиях переживания травмы столкновения с педофилом ребёнком 5 лет»; доклад Екатерины Вячеславовны Шейбе «Девочка, которая не хотела взрослеть. О препятствиях на пути развития сексуальности и отказе от сексуальной жизни во взрослом возрасте». Докладчики щедро делились собствен-

ным клиническим опытом, представляя случаи работы с пациентами, пережившими психическую травму. Мне показалось интересным, что коллеги без предварительной договоренности рассмотрели все возможные судьбы влечений и последствия бессознательно выбранной стратегии переработки травмы для психосексуального развития, словно одной из задач секции детского психоанализа было проиллюстрировать работу Зигмунда Фрейда «Влечения и их судьбы» клиническим материалом из практики отечественных психоаналитически ориентированных специалистов.

В работе «Влечения и их судьбы» в 1915 г. Зигмунд Фрейд описал четыре возможные судьбы влечений: превращение в противоположность, обращение на собственную персону, вытеснение и сублимация. Превращение в противоположность подразумевает обращение влечения от активности к пассивности, но так как влечение всегда активно, то пассивной становится цель; также может происходить и содержательная инверсия — содержание превращается в свою противоположность, например, любовь в ненависть. Обращение на себя — процесс, при котором желание, направленное на внешний объект, обращается на себя, например, при неврозе навязчивых состояний садистические импульсы к другим, желание их мучить, превращаются в самоистязание, самонаказание. Вытеснение означает, что в сознание не допускаются представления о влечениях и их производные. Сублимация — процесс и результат переключения влечения на не-сексуальную цель, перенаправление его на социально значимые объекты, например, на художественно-творческую деятельность. Если в первой теории влечений сексуальное влечение было силой, подвластной лишь принципу удовольствия, то во второй оно уподобляется З. Фрейдом влечению к жизни, а, следовательно, сексуальное влечение стремится к связыванию влечений и сохранению жизни, в отличие от влечения к смерти, действующего по принципу полной энергетической разрядки.

Кумулятивная детская травма (травма брошенности, травма отвержения, травма предательства) имеет самые серьезные последствия, так как личность формируется под воздействием стрессовых факторов.

Либи́до, или энергия сексуального влечения, в процессе роста и развития личности сосредоточивается на объектах или же оставляет их, в норме адекватно распределяясь между Я и объектами: Я-либи́до (нарциссическое либи́до) и объектное либи́до. Но это в норме, а что происходит, если на пути психосексуального развития встречается кумулятивная детская травма? Именно этот проблемный вопрос и стремление ответить на него объединял доклады секции детского психоанализа. На примере представленных клинических случаев мы вместе размышляли о судьбах психосексуального развития, оказавшегося под влиянием ранних травмирующих отношений.

Масуд Хан (1963 г.) ввёл понятие кумулятивной психической травмы. Это травма, полученная постоянным и систематическим травмированием психики. В основном длительному травмированию подвергаются дети в родительской семье в условиях скрытого или явного отсутствия любви и эмоциональной близости, которое приводит к ощущению ребёнком своей отверженности и ненужности. Кумулятивная детская травма (травма брошенности, травма отвержения, травма предательства) имеет самые серьёзные последствия, так как личность формируется под воздействием стрессовых факторов. Центральным ядром такой личности часто становятся защитные механизмы, вокруг которых формируется личностная структура. Последствия травмы затрагивают и когнитивную сферу, поэтому возможны нарушения восприятия, концентрации внимания, памяти, так как все мысли ребёнка заняты травматическим опытом. Ему приходится постоянно прикладывать усилия, чтобы нежелательные травматические переживания не прорывались в сознание. Дети перестают доверять взрослым, их круг общения сужается, они становятся замкнутыми и недоверчивыми. У ребёнка искажается способность познавать мир на основе надёжных и предсказуемых параметров. Вместо базового доверия приживается мощное ощущение предательства. Страдает самоуважение ребёнка, образ самого себя искажается, формируются нарциссические защиты.

Ярко и образно описывает Татьяна Олеговна Тишкова проделанную аналитическую работу с подростком Фомой в клиническом случае «Волчонок, который притворяется ягнёнком»: «Целый спектр нарушений, который был сформирован в процессе постоянного отсутствия эмоционального ответа со стороны родителей, теперь как клубок приходится разматывать и по кадру изучать всю киноплёнку его жизни, раскрашивая вручную чёрно-белое кино в разные цвета. Приходится находить свет и радость там, где они были, но оказались забыты, завалены мусором, разочарованием, фрустрацией и отвержением». В случае речь шла о мощной нарциссической травме и, как следствие, нарциссической структуре личности юноши.

Работа с детьми и подростками всегда предполагает вовлечение в аналитическую работу и родителей. В случае кумулятивной травмы работа с родителями приобретает особое значение, так как ближайшая среда ребёнка остаётся ведущим травмирующим

В случае кумулятивной травмы работа с родителями приобретает особое значение, так как ближайшая среда ребёнка остаётся ведущим травмирующим фактором.

Решение внутреннего психического конфликта видится только в отказе от дальнейшего роста и становления личности. Эдипов конфликт не разрешается, не происходит работы горя, объектные отношения обедняются, развитие психики и сексуальности тормозится.

фактором. Татьяна Олеговна так описывает впечатления от совместных встреч с пациентом и его матерью: «Мать часто не может смотреть на Фому без агрессии и обвинения. Не может смотреть, по факту, на саму себя. Когда они рядом — это два нарциссических близнеца, которые просто заиклились в своих претензиях и реакциях».

Превращение сексуального влечения в свою противоположность и сублимацию проиллюстрировала Екатерина Вячеславовна Шейбе, представив два случая в докладе «Девочка, которая не хотела взрослеть. О препятствиях на пути развития сексуальности». У обеих девушек на момент обращения к аналитику отсутствовала сексуальная жизнь, равно как и стремление к ней. В первом случае девочка в раннем подростковом возрасте, желая быть замеченной и любимой эмоционально отстранёнными родителями, добровольно взяла на себя уход за новорождённым младшим братом, а затем и его «воспитание». То, что она могла переживать фантазийно в подростковом возрасте, становится для неё психической реальностью: у неё на руках «инцестуозный» ребёнок от отца. Это иллюзорно решает проблему её собственного психосексуального развития. Но так как этот ребёнок появился без сексуального контакта, то бессознательно он делает вывод, что этот контакт не нужен. Также «решается» проблема встречи с собственной агрессией — она преобразуется в заботу и уход за братом, в принятие ложной идентичности заботящейся материнской фигуры. За это приходится платить высокую цену в виде отказа от собственного развития. Обретения своей истинной самости (Д.В. Винникотт) не происходит — нет интеграции собственной агрессии, нет проработки горя «идентичности» (П. Дени) и горя по утраченным эдиповым фантазиям.

Во втором клиническом случае девушка использовала более аутичные (шизоидные) защиты и сублимацию. Вся её жизнь — это учёба. Несмотря на то, что она переполнена тревогой, а внешний мир кажется ей пугающим и опасным, девушка делает всё, чего от неё ждут преподаватели — она старается быть лучшей ученицей на курсе. В своей семье она — старший ребёнок, дочь строго контролирующего деспотичного отца и зависимой от него матери. Хронически фрустрированная гневом отца и переполненная материнской тревогой, она выбрала для себя никак не проявляться в этой жизни, быть незаметной. Она не чувствует связи со своим телом, периодически доводит себя до истощения. Визуально её тело напоминает тело девочки, будто бы она перестала физически

Понятие регрессии
в классическом психоанализе
подразумевает разъединение
влечений. Развязывание влечений
высвобождает всю мощь
влечения к смерти, так начинается
работа негатива.

развиваться в раннем подростковом возрасте. Такую «неразвившуюся» сексуальность докладчик сравнила с жертвой, которую приносит человек, чтобы оставаться ребёнком. Решение внутреннего психического конфликта видится только в отказе от дальнейшего роста и становления личности. Эдипов конфликт не разрешается, не происходит работы горя, объектные отношения обедняются, развитие психики и сексуальности тормозится.

История о повреждающем влиянии семейного окружения продолжается в выступлении Карины Васильевны Поповой, её доклад образно называется «Цветы сквозь асфальт». Город — метафора семьи и окружения, в котором вырастает девочка-цветок, пробиваясь сквозь асфальт традиций, принятых мнений, устоев, норм и правил семьи. В клиническом случае было описано то, как под влиянием семейного окружения у девочки произошла подмена функционала значимых фигур. Мать из-за инфантильного мужа взяла финансовое обеспечение семьи на себя, передав материнскую роль (заботу о ребёнке) свекрови, с которой пациентка идентифицировалась. Насилие отца над матерью, затем деда над внучкой, неверность другого деда в отношениях с другой бабуш-

---

Ещё одна «судьба» влечений — соматизация. Не будучи направленным на объект, бурлящее эндосоматическое возбуждение не трансформируется во влечение, не репрезентируется и не ментализируется; оставаясь в теле, порождает ситуацию соматических проблем.

кой, недовольство матери своими поклонниками и предательство друга сформировали садистический образ партнёра-мужчины. Это сильно напугало ребёнка и вызывало стойкое нежелание иметь семью в будущем. Будучи уже молодой женщиной, при возникновении симпатии она обесценивает мужчин вплоть до символического их уничтожения. Насилие отца, деда, затем прессинг матери, попытки бунта, подавленные в зародыше, отсутствие защищённости — все это привело к развитию мазохистической структуры. Желание заслужить любовь агрессора, выдерживание оскорбительных и унижительных реплик со стороны близких проявляется в аутодеструкции и психосоматике. Отсутствие устойчивой женской фигуры для идентификации (любимая бабушка умерла, мать не удовлетворена собственным телом) формирует представление о собственной дефектности и обесценивает развитие женской сексуальности в её понимании. Девушка никогда не чувствовала к себе симпатии и повышенного интереса со стороны противоположного пола, никогда не ходила на свидания, не влюблялась, что свидетельствует о репрессии самой потребности в проявлении сексуальности. Подавление сексуальных потребностей приводит к усилению соматических заболеваний, ухудшению общего состояния здоровья вплоть до необходимости обращения к неврологу и употреблению антидепрессантов.

Конечно же, в докладах Екатерины Вячеславовны и Карины Васильевны речь шла о ещё одной «судьбе» влечений — соматизации. Не будучи направленным на объект, бурлящее эндосоматическое возбуждение не трансформируется во влечение, не репрезентируется и не ментализируется; оставаясь в теле, порождает ситуацию соматических проблем. Но что, если детская травма не просто вызывает отдалённые соматические проблемы, а непосредственно затрагивает тело ребёнка? Речь идёт о физическом насилии. И подобный случай был представлен на секции. Он вызвал, пожалуй, самый эмоциональный отклик у слушателей.

Клинический случай «Боги с липкими руками. О последствиях переживания травмы столкновения с педофилом ребёнком 5 лет» был представлен Ведерновой Лолой Олеговной. Речь шла о девочке, пережившей сексуальное насилие в возрасте пяти лет. Попытки ребёнка рассказать родителям и другим взрослым о случившемся вызывали у них неприятие её слов, насмешки и угрозы. Травме было предопределено повторяться, вследствие чего психика девочки со временем организовывалась под влиянием защитных диссоциативных механизмов. Д. Шарфф и Дж. Шарфф выделяют следующие потенциальные последствия ранней сексуальной травмы: инкапсуляция ядра травмы; диссоциация пустот в психике; расщепление Я с присутствием сознания; расщепление на множество Я с отдельными не контактирующими сознаниями; нарушенная способность к фантазированию и символизации, буквальное мышление, конкретное, иногда невербальное; защитная озабоченность повседневными делами; озабоченность телесными симптомами, выражающимся в воспоминаниях, повторяющих травму. Большую часть перечисленных особенностей Лола Олеговна наблюдала на сессиях с девушкой.

Невозможно представить себе такой травматизм, который не имел бы своим следствием регрессию. Понятие регрессии в классическом психоанализе подразумевает разъединение влечений. Развязывание влечений высвобождает всю мощь влечения к смерти, так начинается работа негатива (А. Грин). Если речь идёт о невротической структуре, то регрессия, как известно, происходит к определённым либидинозным точкам фиксации. Если мы находимся по ту сторону невротической динамики (доэдипальный период), в травматической организации в частности, то и точки фиксации будут другие — соматические. В таком случае решающую роль будет играть объект, который является связующим влечений. В ситуации травматической организации мы всегда имеем недостаточно хорошую связь с объектом, что и стало причиной травматизации и регрессии.

Подростковость — пространство, где слышится эхо первичных процессов. Это — метапсихологическое эхо процессов, разворачивающихся в последствии сексуальности как взрыва и роли объекта, а, значит, есть возможность пересмотреть (переструктурировать) первичные процессы через генитальность.

Работа с доэдипальными пациентами трудна сама по себе, и в том числе из-за мощных переносно-контрпереносных реакций, которые аналитику приходится выдерживать. Один из самых сложных аспектов терапии для таких пациентов — открыть опыт, который оставался для них всегда неизвестным, — опыт, связанный с их собственной зависимостью от первичного объекта. Эта зависимость переживается ими как настоящий ужас, террор (М. Айзенштайн).

К счастью, подростковость — это особый период в психосексуальном развитии. Период, в течение которого парциальные сексуальные влечения организуются под приматом гениталий. Здесь подросток оказывается перед лицом новой внешней реальности, происходит пересмотр прежних нарциссических оснований. Подростковость — пространство, где слышится эхо первичных процессов. Это — метапсихологическое эхо процессов, разворачивающихся в последствии сексуальности как взрыва и роли объекта, а, значит, есть возможность пересмотреть (переструктурировать) первичные процессы через генитальность (К. Жан-Строхлих).

Ничто в подростковом возрасте не предопределено окончательно, скорее, речь идёт о «втором времени», которое разворачивается впоследствии («апреку» — подлинное переживание, придающее прошлому ретроспективный смысл). В анализе при регрессии пациент не возвращается в исторически реальное состояние прошлого, он развивает в определенной степени новый опыт. В этом новом опыте ему нужен новый объект, который в рамках аналитических отношений примет его одновременно существующие зависимость и автономность, обеспечит безопасность (конфиденциальность, нейтральность), защитит права (время и пространство в терапии), дерзнёт найти его истинное Я: Я — наследника инфантильной сексуальности.

По образному выражению Мишеля де М'Юзана «необходимо трансформировать в сексуальное то, что было необходимым, определяющим для выживания, то, что было витальным...». Это позволит пациентам идентифицироваться с психоаналитиком и приобрести новый эмоциональный опыт, и через эту идентификацию со временем найти себя.

Ничто в подростковом
возрасте не предопределено
окончательно, скорее, речь идёт
о «втором времени», которое
разворачивается в последствии.

«Окнофилы и филобаты. Размышления о близости»

Терехина Светлана Юрьевна

- Психоаналитически-ориентированный психолог, аналитический психолог
- Член ЕАРПП (РО-Самара) и ЕСРР (Vienna, Austria).

Филобаты — любители дистанции, которые ищут успокоения в уединении, находят удовольствие в «оставлении объекта».

Окнофилы — стремящиеся к близости, нуждающиеся в том, чтобы держаться за что-то надежное для того, чтобы чувствовать себя в безопасности.

В июне 2022 года в Пензе состоялась первая межрегиональная научно-практическая психоаналитическая конференция, организованная пензенским региональным отделением ЕАРПП. Тема конференции «Зависимость в современном мире: взгляд психоаналитика» вызвала большой интерес среди коллег. В этой статье я хочу поделиться впечатлением от доклада Савичевой Елены Петровны, психоаналитического психотерапевта, группового аналитика, PhD, супервизора ЕАРПП, ЕСРР (Вена, Австрия), супервизора по групповому анализу ЕАРПП, председателя РО Москва ЕАРПП.

В своем докладе спикер рассматривает процесс формирования источников ощущения близости и отдельности, исследует пространство становления и функционирования межличностных связей, которые в дальнейшем станут бессознательными механизмами бегства от близости или сохранения сильной привязанности. В своих крайних проявлениях такие бессознательные механизмы выстраивания отношений становятся преградой на пути развития личности.

Следуя за мыслями автора, мы с поверхности фразы «все люди разные» погружимся в глубины внутриутробного развития, вынырнем в раннее младенчество, где через трансформацию врожденных аффектов в процессе взаимодействия с внешним миром и ухаживающим объектом формируется психика. Далее мы станем свидетелями то ли трагедии, то ли комедии, а скорее, обыденной жизни человека, в его стремлении познать себя, познать другого и обрести или потерять смысл своего существования. Вот так за 30 минут в докладе отразились вся простота и сложность, схожесть

и различие, одиночество и близость, рождение и смерть человека — то ли венца творения, то ли проходной ветви эволюции биосферы планеты.

Доклады Елены Петровны имеют удивительное свойство — малая форма с огромным глубоким смыслом, про подобное еще говорят, внутри больше, чем снаружи. Поэтому столь сложно и ответственно писать этот синопсис. Но попробуем прикоснуться и ощутить это чувство близости понимания смысла и тоску от невозможности «испить сию чашу до дна», ведь такое изложение неизбежно отдельно и отлично от первоисточника.

Итак, кто же такие филобаты и окнофилы, и при чем тут близость.

Вернемся к фразе «все люди разные» — хорошая фраза и на поверхности многое объясняет, но, скорее, успокаивает, когда неизвестность и инаковость другого блокируют возможность думать.

Все сложности возникают на практике, особенно когда дело касается базовых расхождений между людьми, например, по их типу выстраивания отношений, называемых объектными (под объектами подразумеваются не только люди, но и идеи).

На первый взгляд, установки окнофила и филобата составляют полную противоположность, однако они являются всего лишь разными ответами на травматическое переживание того, что объекты отделены и независимы от нас и могут отказать нам в поддержке или бросить на произвол судьбы.

Известный англо-венгерский психотерапевт Микаэль Балинт (1896 — 1970) противопоставляет две разнонаправленных стратегии поведения и ориентации характера человека: «филобатизм» и «окнофилию».

Филобаты (philobat) — любители дистанции, которые ищут успокоения в уединении, находят удовольствие в «оставлении объекта». Филобаты — индивидуалисты, идущие против общего течения, с меньшим стремлением к объединению, к желанию слиться с другими (будь то семейные узы, религиозные ценности или общие цели). Филобаты будут подчеркивать свое отличие от окружающих (не обязательно внешнее). То есть речь идет не о том, что человек демонстрирует окружающим, а о том, как он сам себя воспринимает.

Окнофилы (oknophil) — стремящиеся к близости, нуждающиеся в том, чтобы держаться за что-то надежное, для того, чтобы чувствовать себя в безопасности. При стрессе они обращаются к другим, ищут плечо, чтобы опереться. Окнофилы — коллективисты, стремящиеся к нахождению общего, похожего. Их, скорее, будут пугать отличия. Их привлекают экстатические состояния, возможность разделить свое существование с чем-то большим (дабы не чувствовать себя одинокими), «раствориться в любви», не ощущать границ собственного отдельного Я.

«Жизнь субъекта, у которого доминирует окнофилия, является безопасной только в непосредственной близости от объектов, тогда как пространства между объектами кажутся ему опасными. (...) И наоборот, для индивида с преобладанием филобатизма объекты

Здоровье зависит не столько от ингредиентов, а, скорее, от их адекватного сочетания в надлежащих пропорциях.

представляются ненадежными и несущими угрозу, он склонен обходиться без них и устремляться на поиски дружественных просторов, разделяющих ненадежные, предательские объекты во времени и пространстве» [Балинт, «Базисный дефект»].

На первый взгляд, установки окнофила и филобата составляют полную проти-

воположность, однако они являются всего лишь разными ответами на травматическое переживание того, что объекты отделены и независимы от нас и могут отказать нам в поддержке или бросить на произвол судьбы.

Балинт намеренно выбрал слова «окнофилия» и «филобатизм», «так как каждое содержит корень «фил», что означает «любовь». Обе установки в чистом виде представляют из себя крайности, в большей или меньшей степени болезненные. Но в реальности в каждом индивиде они присутствуют одновременно. «Здоровье зависит не столько от ингредиентов, а, скорее, от их адекватного сочетания в надлежащих пропорциях».

Нэнси Мак-Вильямс приводит пример взаимодействия окнофилов и филобатов, привязывая эти тенденции к конкретному типу личности: «Шизоидные люди — абсолютные филобаты. Можно предсказать следующее: поскольку люди часто тянутся к тем, кто имеет противоположные, вызывающие зависть стремления, шизоидов нередко привлекают теплые, экспрессивные, социальные люди, например, истерические личности. Эта склонность создает почву для возникновения многих семейных, возможно, даже комических проблем, когда нешизоидный партнер пытается разрешить межличностное напряжение, постоянно приближаясь. В то же время шизоид, опасаясь поглощения, старается удалиться».

Окнофилия и филобатизм — это защитные способы образования межличностных связей, где филобатам присущ паттерн бегства от близости, а окнофилам присуще стремление к слиянию с объектом. Получается, что близость является отправной точкой, по отношению к которой субъект формирует свое отношение к объекту.

Подобные паттерны выстраивания связей повторяют самые ранние объектные отношения, которые зависят от того, как переживалась близость между младенцем

Самая большая близость, которая у нас случилась, называется внутриутробная жизнь. След этой первой истории мы несём всю жизнь после появления на свет. Биологическое рождение человеческого младенца — это яркое, наблюдаемое и имеющее четкие границы событие, но должно еще произойти и психологическое рождение индивидуума и это — медленно разворачивающийся вентурипсихический процесс.

и ухаживающим объектом, насколько эта близость была питающей и безопасной или, наоборот, травмирующей и преследующей.

Психоанализ находит истоки формирования переживания близости в нашем самом раннем детстве, ведь самая большая близость, которая у нас случилось, называется внутриутробная жизнь. След этой первой истории мы несём всю жизнь после появления на свет. Биологическое рождение человеческого младенца — это яркое, наблюдаемое и имеющее четкие границы событие, но должно еще произойти и психологическое рождение индивидуума и это — медленно разворачивающийся внутриспсихический процесс.

Докладчик описывает, как из первичных реакций, так называемого состояния врожденного аффекта, которое имеет тесную связь с органами тела и центральной нервной системой, рождается психика. Первоначальные телесные реакции и проявления младенца, его мерцающее существование между бодрствованием и сном при соответствующем отклике ухаживающего объекта запускают процесс трансформации физического в психическое.

Выворачивание и скорчивание, как телесная реакция младенца на поток раздражителей, относятся к первичным реакциям, распространённым во всём царстве животных; человек не является исключением. Эти генерализованные реакции начинают постепенно дифференцироваться и перестают захватывать человека целиком, но они продолжают существовать как возможности и часто напоминают о себе.

В кляйнианской перспективе, где бессознательное имеет первичную эмоциональную аффективную природу, процесс развития личности рассматривается как научение на опыте переживаний. Аффекты регулируются формированием различных защитных образований, которые в детском возрасте являются относительно простыми, связанными, в первую очередь, с питанием — как в его функции поглощения, так и выведения.

В первую очередь, такие аффекты — это испуг и удивление, на базе которых вскоре после рождения формируются, на первой психической матрице влечений жизни и смерти, наши уже человеческие, более сложные аффективные состояния, связанные с отношениями с частичными или целостными объектами, которые уже можно называть чувствами или переживаниями.

Аффекты и их проявления наследуются, поводы для аффектов частично заново приобретаются в индивидуальной жизни, но всегда варьируются

Хорошие объекты создают у нас ощущение безопасности и, таким образом, мы можем позволить себе вернуться «с небес на землю», жизнь не пугает нас так смертельно, и постепенно становится выносима и переживаема.

В кляйнианской перспективе, где бессознательное имеет первичную эмоциональную аффективную природу, процесс развития личности рассматривается как научение на опыте переживаний.

и специализируются. Именно так на общей аффективной основе возникают различные ментальные идеи, например, идея «все люди разные».

Испуг наблюдается в ситуации внезапной опасности. Если испуг вялый, то чувствующий угрозу человек не пытается избежать опасности путём бегства, не использует весь телесный арсенал, все конечности. Он ведёт себя так, как будто хочет сказать: «Меня здесь нет»; и впадает в состояние обморока — руки, ноги расслаблены, дыхание прерывается, лицо бледнеет, кровь едва доходит до отдалённых от сердца областей. Что важнее всего, прекращается внутренняя психическая жизнь, мысли останавливаются, он больше ничего не чувствует. Наступает «замирание» — само слово напоминает нам о смерти. В крайних случаях недостатка жизненной силы, при глубокой травме может наступить смерть. При хорошем психическом здоровье у человека бессознательная тяга к жизни не исчезает, и она начинает противостоять инстинкту смерти. Зачастую мы испытываем момент испуга как мимолетное прикосновение смерти. На долю секунды бледнеем, дыхание замирает, мышление прекращается. Если испуганный человек «лишается» зрения и слуха,

---

Для аналитика это очень важный компонент — сохранить в себе ещё не исследовавшего этот мир ребёнка. Это готовность принять в себя и исследовать.

то он бессознательно блокирует путь к причине испуга. Это такой защитный механизм — ослепнуть и оглохнуть. Этой причины для субъекта больше не существует, в психической реальности пугающее отсутствует. Реакция устранения переживания широко распространена, и филобаты используют отдаление на безопасное расстояние — можно слышать, но не слушать, можно смотреть, но не видеть.

Вялый испуг, бессмысленный в прямом значении этого слова: без смысла, без мышления и осмысления. Мы его называем поведением страуса или рефлексом мнимой смерти, который напрямую возвращает человека в указанную ранее форму проявления первичной реакции, названную сворачиванием. Описанные паттерны можно назвать регрессией в ситуации опасности. Так бессознательно мы находим путь в материнскую утробу — там всегда безопасно, тихо и темно.

Но обыденная жизнь, с ее постоянно обновляющимися раздражителями, заставляет нас возвращаться на этот свет — «вернись с неба на землю», говорят в народе. Возвращение с того света на этот, несмотря на существующие опасности, идёт по другим фиксациям раннего состояния любви и защиты рядом с матерью — это уже цепляние окнофила. Хорошие объекты создают у нас ощущение безопасности и, таким образом, мы можем позволить себе вернуться «с небес на землю», жизнь не пугает нас так смертельно, и постепенно становится выносима и переживаема.

Противоположность вялому испугу есть вид испуга, который мы переживаем как вздрагивание. Оно очень хорошо наблюдается у младенцев. Здесь нас спасает наша природа: при какой-либо угрозе детёныш обезьяны моментально прыгает матери на спину или живот и цепляется за ее шерсть. К более старшему возрасту дети перестают вздрагивать, и постепенно испуг заменяется аффектом страха, в котором уже участвуют ментальные репрезентации внутренних объектов, образы и символы. Когда

человеку страшно, он может об этом рассказать, появляется речь, и в коммуникации можно лучше увидеть реальность. Заботящийся человек объясняет ребенку, что опасно, а что безопасно. Мне вспомнилось стихотворение Агнии Барто «Страшная птица»:

*На окошко села птаха,
Брат закрыл глаза от страха:
Это что за птица?
Он её боится!
Клюв у этой птицы острый,
Встрёпанные перья.
Где же мама? Где же сёстры?
Ну, пропал теперь я!
— Кто тебя, сынок, обидел? —
Засмеялась мама. —
Ты воробышка увидел
За оконной рамой.*

В стихотворении прекрасно проиллюстрирован испуг и мгновенный, почти рефлексивный поиск надежного, безопасного объекта: «Где же мама? Где же сестры?». Столкновение с опасностью один на один воспринимается маленьким ребенком как смертельная угроза — «ну, пропал теперь я!». К счастью, появляется мама, и делает свою материнскую работу, знакомя ребенка с внешним миром (воробей — это безопасный объект) и с его собственными переживаниями (ты испуган, ты чувствуешь обиду). Мать спокойна, она смеется, что-то говорит, берет на ручки — значит, все в порядке, я в безопасности. Поведение матери со временем станет образцом, по которому будет функционировать внутренний объект. У Андрейки, малыша из этого стихотворения Агнии Барто его «внутренняя мама» будет надежной, уверенной, отзывчивой, но возможны сложности с верным узнаванием эмоций — все-таки в данной ситуации ребенок, скорее, испуган, а не обижен.

Кроме того, существует третья форма реакции на пугающие переживания. Иногда человек замирает, его тело превращается в статую, здесь мы видим проявление мимики, очень распространенного явления в животном мире: быть несъедобным значит быть неживым, неподвижным и даже не пахнущим и, таким образом, спастись от преследователей. Человек в таком состоянии аффекта перестает видеть и слышать до тех пор, пока в нём не побеждает желание жить, и только тогда возвращаются чувства, вернее, способность их переживать.

Как ни странно, но близко к такой окаменелой форме испуга, как бегство от опасности, находится аффект удивления. При удивлении тело точно так же каменеет,

---

С момента первого крика новорожденного, означающего —
я жив! — каждый вздох становится обязательной, непрерывной работой
по поддержанию жизни, именно поэтому слово дух, душа так близки
к слову дыхание.

а поводам для удивления мы говорим «нет, не может быть». От удивлённого человека часто можно услышать — это невозможно, это невероятно, т.е. он не доверяет своим органам чувств. Значит, он сомневается в своем восприятии действительности — «не верю глазам своим», в то время как при окаменелом испуге преобладает отрицание внешнего мира. При удивлении чашу весов перевешивает другая тенденция — удивляющийся человек широко раскрывает глаза и рот, он принимает в себя весь мир всеми органами чувств, ему хочется соединиться с миром, с этим миром, которым он восторгается.

Здесь другое переживание внешнего мира — это не опасно, это хочется взять — у человека есть потребность удивляться. И для аналитика это очень важный компонент — сохранить в себе ещё не исследовавшего этот мир ребёнка. Это готовность принять в себя и исследовать — «ух ты, а что это?».

Теперь неплохо бы определить, что, собственно, для человека может быть опасным и угрожающим. Только одно — это смерть. Здесь нет числа реальным внешним формам угроз жизни, которые связаны с природой, с человеком или государством, но и ещё, в не меньшей степени, с психогенными формами, то есть миром наших внутренних

В основе формирования контакта индивида с внешним миром уже в начале жизни есть много естественного и врождённого. Именно этот факт позволил Мелани Кляйн сделать вывод о наличии врождённых знаний, в которых инстинкты представлены в психике как бессознательные фантазии, фантазии взаимоотношения с объектами.

богов и демонов, который мы называем миром внутренних объектов. С момента первого крика новорожденного, означающего — я жив! — каждый вздох становится обязательной, непрерывной работой по поддержанию жизни, именно поэтому слова дух, душа так близки к слову дыхание. Испустить дух, душа улетела — очень сильные метафоры ухода из жизни.

В основе формирования контакта индивида с внешним миром уже в начале жизни есть много естественного и врождённого. Именно этот факт позволил Мелани Кляйн сделать вывод о наличии врождённых знаний, в которых инстинкты представлены в психике как бессознательные фантазии, фантазии взаимоотношения с объектами. Различные инстинкты вызывают фантазии об объектах и о взаимоотношениях с ними, хотя эти объекты ещё не встречались ребёнку во внешней реальности. Примитивная концепция объектов основывается на телесных ощущениях, включённых в инстинктивную деятельность — сосании, хватании, выталкивании и прочих. Когда новорождённый поворачивает голову в ответ на прикосновения к его щеке, чтобы найти сосок и начать сосать — это не просто рефлекс. У младенца должна возникнуть психическая репрезентация этого события, то есть, должна появиться фантазия об объекте,

---

Мы предполагаем наличие врождённой способности к различению, дифференциации, и это очень важный компонент, который позволит индивиду принимать свою отдельность, и для этого у него есть все психические механизмы.

к которому младенец поворачивается и сосет.

Таким образом, мы предполагаем наличие врождённой способности к различению, дифференциации и это очень важный компонент, который позволит индивиду принять свою отдельность, и для этого у него есть все психические механизмы.

Во-первых, мы отличаем то, что причиняет мне благо (назовём это положительный объект), от того, что стремится причинить мне вред (отрицательный объект). Также внутри себя отличаем самость от не — самости, Я от не-Я. Эти врождённые способности, встроенные в телесные ощущения, в ходе психической репрезентации переживаются как аффективные взаимоотношения с объектами. Такие объекты и фантазии не являются материальными или действительными, конкретными в обычном смысле слова. Они наделены примитивными характеристиками расположения внутри или вне самости и аффективными побуждениями благожелательности или злонамеренности, где мы хотим взять и быть вместе, или напасть и разрушать. Таким образом, в первую очередь, это — аффективные объекты; мы их называем частичными объектами. Такое аффективное предзнание об объектах и действиях, осуществляемых ими (или над ними), очень своеобразно и проникает в более поздние переживания объектов и формирует основу переживаний коммуникации с объектом.

Процесс, с помощью которого чувственная, аффективная информация превращается в психические содержания, Улфред Блон назвал альфобетизацией. Альфа-функция перерабатывает чувственные переживания в бессознательные фантазии об объекте. Врождённые знания для такой функции являются преконцепцией, которая с самого начала жизни наделена способностью сочетаться с реализацией через объект. В результате такого сопряжения, связывания преконцепции с реализацией получается концепция. Именно так Эго придает значения и смыслы полученному опыту, именно так аффективные данные становятся доступными для мышления, реализуя научение через опыт переживания. Обладание значением — это врождённое достояние психики, развивающейся в мире внешних объектов.

Итак, путешествуя в начало жизни субъекта, мы нашли источник возникновения близости как врождённой потребности в различении, на основании которой возникает расстояние между Я и Другим. Именно это пространство принадлежит обоим и называется контактом, но в отношениях переживается каждым по-своему.

Здесь разница делает нас одинокими психически на основании фактического, физического, отдельного, телесного существования. Последующие перипетии взаимодействий создают значения этих отношений. В зависимости от аффективных реакций на угрозу, отношения могут развиваться как в сторону удержания близкого контакта с объектом (например, кормящая, защищающая мать, дающий силу и потенцию отец),

так и в сторону отдаления от объекта, если угрозой является сам объект (поглощающая, тревожная гиперпекающая мать, отсутствующий или кастрирующий отец). В любом случае, источником переживания близости является тело матери, а первичными аффектами в этом контакте мы назовём такие базовые тревоги, как тревога аннигиляции или исчезновения, тревога преследования.

Следует отметить, что понятия филобатизма и окнофилии Балинт ввел при исследовании регрессии пациента в аналитической ситуации. Окнофил, как и филобат, поскольку они так и не отказались от зависимых отношений со своим первичным объектом, то есть так и не развили доверие и независимость, не способны также учитывать и собственные интересы объектов и находить верную дистанцию по отношению к ним.

Рассматривая регрессию пациентов в психоаналитической ситуации, Балинт указывает на то, что «главная цель пациента... в некоторых из этих регрессивных состояний заключается в том, чтобы... освободиться от тирании объектов, за которые он цепляется», то есть избавиться от своей зависимости и, наконец, стать свободным.

Обладание значением — это
врождённое достояние психики,
развивающейся в мире внешних
объектов.

Свобода, по Балингу, означает «открытие заново 'дружественных пространств' филобатического мира... а за этим миром — мир первичной любви, который поддерживает человека, не предъявляя каких-либо дальнейших требований. Открытие заново отнюдь не означает абсолютного отказа от всех объектов; напротив, оно означает только отказ

от отчаянного цепляния и приобретение способности оставаться наедине с собой, на расстоянии от объектов, чтобы видеть их в 'правильной перспективе' и в соразмерных пропорциях» (Энциклопедия глубинной психологии, т.3 Последователи Фрейда /перевод с нем. — М. «Когито-Центр» МГМ 2002, 410с. Стр. 154). Дистанция, способность быть независимым, является необходимым условием установления подлинных отношений.

Весь доклад, как и размышления Микаэля Балинта о свободе, отражают идею золотого сечения, а соответственно — идею гармонии в отношениях с собой и с миром. Именно к такой свободе индивидуального внутреннего мира, свободе в отношениях со своими внутренними и внешними объектами и стремятся наши пациенты. Как известно, золотое сечение — это гармоническое деление, наилучшее, единственное в своём роде соотношение частей и целого, при котором отношения частей между собой и каждой части к целому равны. На «золотых отрезках» основываются различные системы и способы построения пропорций в природе, в науке и искусстве. Понятие золотого сечения как будто бы вторит идее доклада — разделение и объединение (первичные аффективные реакции), слияние и отделение (первичные объектные отношения), ощущение близости и дистанции способствуют формированию гармоничного индивида. Нарушение этих пропорций приводит к различным патологиям, формированию зависимости и созависимости, выстраиванию филобатических или окнофилических связей.

От «фаллоса на крыльях» к идентичности: актуальный психоаналитический взгляд на проблему наркотической аддикции

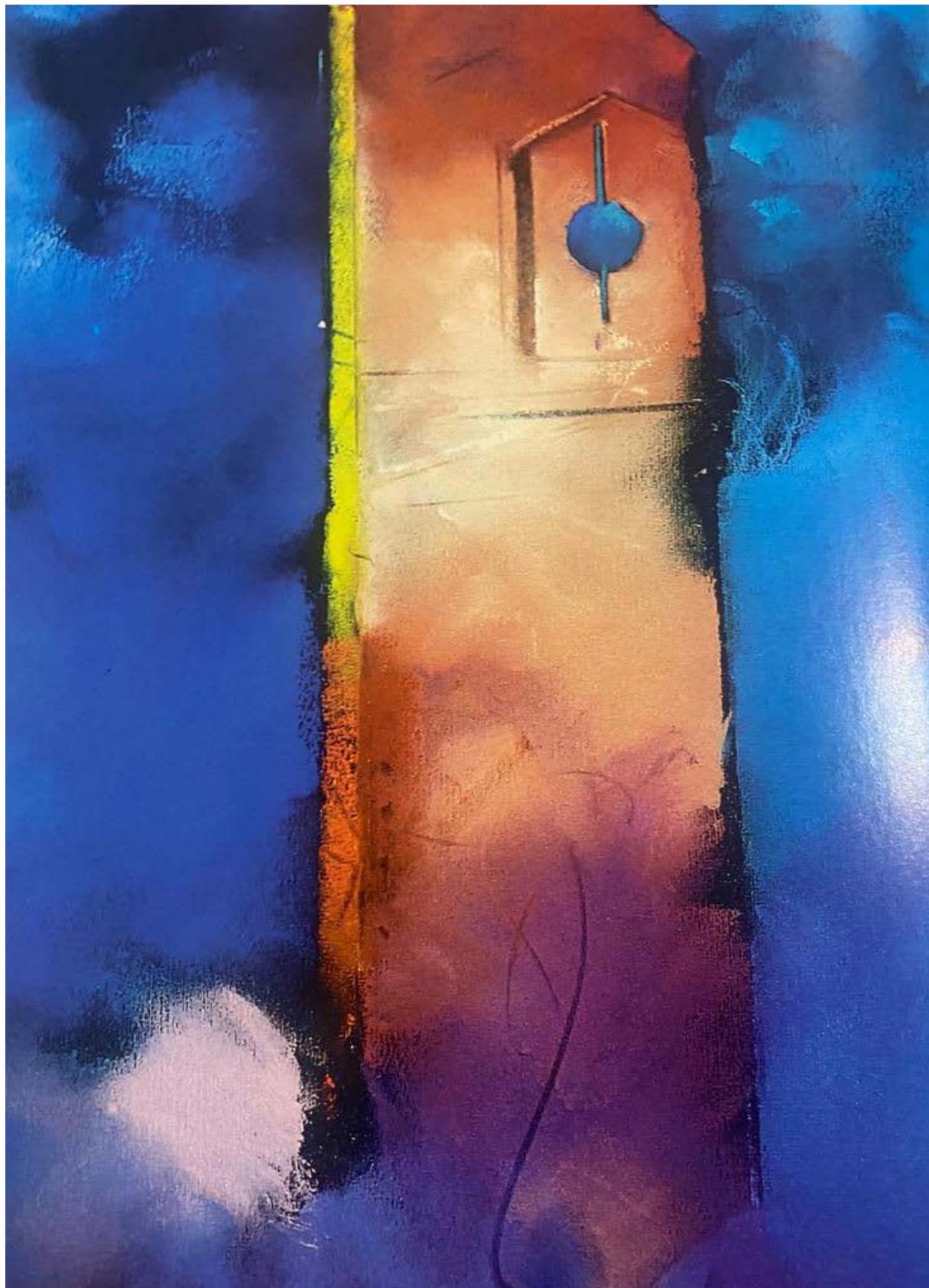

Мазалова Наталья Александровна

- Психолог, психоаналитик
- Член ЕАРПП (Россия, РО-Новосибирск) и ЕСРР (Vienna, Austria)

«Этот доклад должен быть моим», — пошутил один из участников Первой межрегиональной научно-практической конференции: «Зависимость в современном мире: взгляд психоаналитика», прошедшей 18 и 19 июня 2022 года в городе Пензе. Вероятно, эта фраза эхом отозвалась в головах многих участников. Речь шла о докладе врача-психотерапевта, преподавателя кафедры основ клинического психоанализа Московского института психоанализа, старшего преподавателя Российского государственного гуманитарного университета Лемешко Константина Александровича на тему: «Прегенитальный двигатель псевдогенитального триумфа зависимых от психостимуляторов».

Константин Александрович поделился, что тема конференции его вдохновила. Ему захотелось рассказать коллегам о собственном опыте работы

с пациентами, страдающими зависимостью от психоактивных веществ, в надежде на то, что это может сподвигнуть других на трудную, но эффективную терапевтическую работу с непростым кругом пациентов.

Тема наркомании настолько актуальна, что её стоит выделить красным цветом, подчеркнуть жирной чертой и поместить в рамку. И хотя, согласно данным официальной статистики, уровень потребления наркотических средств в России имеет тенденцию к снижению, всё еще нужно бить в колокола. Так в феврале 2010 года заместитель директора ФСКН России Олег Сафронов заявил, что по данным ООН Россия занимала третье место по числу наркозависимых после Ирана и Афганистана; по данным на 2021 год Россия занимает уже 5 место. Средний возраст большинства наркоманов 20-39 лет. По данным ФСКН в России в 2021 году: всего наркоманов — 6 млн. чел; из них 20% — школьники 9-13 лет; 60% — молодые люди 16-30 лет; 20% — старше 30 лет. Однако реальные масштабы проблемы гораздо шире цифр официальной статистики, так как не учитываются потребители тех препаратов, которые не включены в группу наркотических веществ¹.

Как другие аналитики ранее осмысливали наркотическую аддикцию?

Отто Фенихель считал, что наркоман действует так, будто любое напряжение несёт опасность травмы (Fenichel, 1945). Его поведение, скорее, ориентировано не на достижение удовольствия, а на снятие невыносимого напряжения и прекращение боли. Любое напряжение он воспринимает так, словно младенец воспринимает голод, то есть как угрозу своему существованию. Фенихель также связывал аддикцию и импульсивность, где наркомания — это частный случай и разновидность импульсивного невроза: «Наркоманы — наиболее яркие представители импульсивного типа... это те, кто склонен специфически реагировать на воздействие алкоголя, морфина и других наркотических средств, и пытается использовать их воздействие в удовлетворении архаического орального влечения, которое одновременно является сексуальным вождением, потребностью в безопасности и потребностью в поддержании самоуважения». И уже в финале своих размышлений Фенихель сделал такой вывод: «Происхождение и сущность наркомании определяются не химическим воздействием опьяняющего средства, но структурой психики пациента».²

Йост Мерлу (Joost Meerloo) полагал, что динамика наркомании сводится к вождению экстатических переживаний, к бессознательному влечению к саморазрушению и к ненасытной потребности в оральной зависимости.

Наркоман действует так, будто любое напряжение несёт опасность травмы. Его поведение, скорее, ориентировано не на достижение удовольствия, а на снятие невыносимого напряжения и прекращение боли.

---

1 <https://narkonet.info/oficialnaja-statistika-za-2021-god-upotreblenie-narkotikov-v-rossii>

2 Фенихель О. Психоаналитическая терапия неврозов. М.: Академический проект, 2004.

Психоаналитик Герберт Розенфельд (Herbert Rosenfeld) подчеркивал (1960) роль депрессии и защиты от неё с помощью маниакальности: «Наркоман использует маниакально-депрессивные механизмы, которые усиливаются наркотиками, а впоследствии изменяются под воздействием наркотического опьянения. Эго наркомана слабое, не обладает силой, чтобы выносить боль депрессии, поэтому с легкостью прибегает к маниакальным механизмам, которые достигаются лишь с помощью наркотиков...» (Розенфельд, 2004).³

Хайнц Кохут (Heinz Kohut) в рамках психологии самости подчеркивал роль нанесенной родителями в детстве психологической травмы, которая привела к образованию структурного дефицита психики у будущего наркомана или алкоголика. Кохут указывает: «Наркотик служит не заместителем любимых и любящих объектов или отношений с ними, а заместителем дефекта в психической структуре... Принимая наркотик, он [наркоман] символически заставляет объект самости признать его и успокоить,

---

Происхождение и сущность наркомании определяются не химическим воздействием опьяняющего средства, но структурой психики пациента.

или же он символически заставляет идеализированный объект самости достичь полного слияния с ним и позволить ему разделить с ним магическую силу... Это похоже на то, как если бы человек с огромной фистулой в желудке пытался утолить едой свой голод» (Kohut, 1977).

Эдвард Дж. Ханзян⁴ (Edward Khantzian), исследуя наркозависимость, пришел к выводу, что «главная причина всех аддиктивных расстройств — это страдание,

а не успешная работа наркодельцов, доступность наркотиков, давление социального окружения или поиск удовольствий и стремление к саморазрушению. Страдания, которые аддикты пытаются облегчить или продлить с помощью наркотиков, отражают базовые трудности в сфере саморегуляции, включающей четыре основных аспекта психологической жизни: чувства, самооценку, человеческие взаимоотношения и заботу о себе» (Ханзян, 2000). Ханзян полагал, что у пациентов еще до того, как они стали зависимыми, были многочисленные проблемы (с депрессией, выражением гнева, самоконтролем, тревогой, скукой и т.д.), и именно эти проблемы мотивировали их искать облегчение в наркотиках и алкоголе. Его работы послужили основой для так называемой «гипотезы самолечения», согласно которой злоупотребление психоактивными веществами возникает, когда индивид пытается самостоятельно и доступными ему средствами «лечить» проявление уже имеющегося у него психического страдания

---

3 Розенфельд Г. О наркотической аддикции // Психоаналитические концепции наркотической зависимости: Тексты / Сост. и науч. ред. С.Ф. Сироткин. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004а. С. 225–249.

4 Ханзян Э. Дж. Уязвимость сферы саморегуляции у аддиктивных больных: возможные методы лечения // Психология и лечение зависимого поведения / Под ред. С. Даулинга, М.: Издательская фирма «Класс», 2000. С. 28–54.

(расстройства). Двумя фундаментальными аспектами «гипотезы самолечения» являются следующие положения:

1. Вызывающие зависимость наркотики облегчают психологические страдания человека.
2. Выбор наркотиков не случаен, не является данью моде; существует фармакологическая специфичность, заставляющая человека даже в условиях ограниченного выбора, отдавать предпочтение одному классу наркотиков перед другими.

По мнению Ханзяна, наркотическая аддикция носит защитный характер, является попыткой «самовосстановления», «самопомощи» и адаптации к реальности. «Гипотеза самолечения» может помочь клиницисту другими глазами посмотреть на пациента и на проблему рецидива — возвращения к аддиктивному поведению после прохождения лечения.

Ханзян также развил понятие «аддиктивная уязвимость», он считал, что «человек не склонен к химической зависимости, если он находится в согласии с самим собой, своими чувствами и способен адекватно выражать эти чувства, если он поддерживает здоровые отношения с другими людьми и может позаботиться о себе».⁵

Константин Александрович Лемешко поделился наблюдениями, размышлениями и некоторыми выводами, исходя из собственного опыта психодинамической работы с зависимыми от психоактивных веществ. Константин Александрович посвятил свой доклад памяти профессора Игоря Владленовича Белокрылова, который в свое время возглавлял кафедру психиатрии Московского государственного университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Игорь Владленович обучался психоанализу и групповому психоанализу еще в конце 80-х годов. Он написал раздел психотерапии зависимых от психоактивных веществ в национальном руководстве по наркологии, в котором психодинамическая психотерапия для пациентов с зависимостями рекомендуется в первую очередь. Зависимость — это не самостоятельное заболевание, это коморбидность, вызванная психопатологией личности. Он выделяет три личностных базовых расстройства, свойственных этим пациентам: пограничный, нарциссический и зависимый. По его мнению, зависимость от психоактивных веществ — это всегда патология влечений. В какой еще научной дисциплине так подробно разработано, что такое влечение, какие онтогенетические этапы оно проходит, и как с этим работать, как не в психоанализе? Никто лучше Фрейда все это не обозначил. «Поэтому очень важно психиатрам изучать психодинамическую теорию, а психоаналитикам работать с этой категорией пациентов», — предполагает Константин Лемешко.

Наркотическая аддикция носит защитный характер, является попыткой «самовосстановления», «самопомощи» и адаптации к реальности.

---

5 Автономов Д.А. Динамика взглядов на проблему аддикции с психоаналитической точки зрения // Журнал Практической Психологии и Психоанализа, 2015, №1. <https://psyjournal.ru/articles/dinamika-vzglyadov-na-problemu-addikcii-s-psihoanaliticheskoy-tochki-zreniya>

Страдания, которые аддикты пытаются облегчить или продлить с помощью наркотиков, отражают базовые трудности в сфере саморегуляции, включающей четыре основных аспекта психологической жизни: чувства, самооценку, человеческие взаимоотношения и заботу о себе».

Далее участники конференции обсудили, как психиатры объясняют зависимости, каким образом психостимуляторы вмешиваются в работу нейромедиаторов, и что это даёт человеку. Например, каждый чувствовал на себе влияние известного психостимулятора — кофеина. Он придаёт легкое окрыление, прилив бодрости, появляется ясность мысли, усиливается желание что-то делать. Кокаин действует по такому же принципу, но в десятки раз мощнее: человека захлестывает фонтан энергии, ускоряются мыслительные процессы, речь активизируется, появляется жгуче-кипячая деятельность, хочется тусить, заниматься сексом, играть на высокие ставки. Но через 62 минуты (именно столько составляет период полувыведения для кокаина) все это пропадает и человек сталкивается с нарциссическим обломом. Единственный способ компенсировать этот облом — повторить дозу.

Что может быть особо ценным и интересным в любом докладе? Конечно же, клинические случаи из собственной практики. Константин Александрович любезно поделился случаями психоаналитической психотерапии мужчин, страдающих наркотической зависимостью. Отдельно докладчик обозначил, что зависимость у женщин развивается по другим психодинамическим закономерностям.

Сравнивались между собой два довольно разных клинических случая, но одной возрастной группы — 30-35 лет. Это возраст, о котором говорят: «самый расцвет сил», «самое трудоспособное население». В обоих случаях наркотическая зависимость длилась более 10 лет, начавшись в подростковом возрасте. Оба пациента предпочитали психостимуляторы, но разные. Сравнивая уровни их личностной организации, их манифестную симптоматику, топические и психодинамические механизмы, Константин Александрович вспомнил два типажа из известного мультфильма «Остров сокровищ»: Капитана Смоллетта и Чёрного Пса. Именами этих персонажей он условно и назвал своих пациентов — «ибо оба они не женаты, и со скверными характерами».

Капитан Смоллетт мог употреблять мефедрон внутривенно, что Константин Александрович четко связывает с дефицитом его ментализации. Эстетствующий же Чёрный Пес инъекциями брезговал, предпочитал кокаин или при его отсутствии амфетамин. «В этих двух клинических случаях вырисовываются очень четкие механизмы формирования наркотической зависимости и если мы не прорабатываем эти механизмы, то, с моей точки зрения, у нас нет шансов добиться какой-либо устойчивой ремиссии», — считает докладчик.

Зависимость от психоактивных веществ — это всегда патология влечений.

Были обозначены критерии, согласно которым психотерапевт принимал решение заниматься с этими пациентами: они проживали отдельно от своей первичной семьи и достигли автономии; они достаточно зарабатывали, чтобы самостоятельно оплачивать свою терапию; принципиальный момент — они уже по-

страдали от своей зависимости и были готовы о ней говорить. Особенно важным было то, что они осознавали пагубность своей зависимости и существенно страдали от её последствий: физиологических и социально-межличностных. У одного в прошлом была судимость за хранение наркотиков, второй пациент столкнулся с риском краха своего бизнеса. Обоих в терапию привели их «вторые половины» под угрозой разрыва отношений, которыми каждый из пациентов очень дорожил.

В анамнезе у обоих пациентов были довольно холодные, тревожные и ригидные матери с гиперопекающей стратегией: в случае повышения тревоги они начинали механистически усиленно заботиться о ребенке: закармливать, водить к врачу, давать таблетки и т.д. Любопытно было слышать, что оба пациента связывают свою зависимость и отношения с матерью. Упоминание этой связи на первой встрече расценивалось психотерапевтом как прогностически благоприятный критерий. Капитан Смоллетт с его дефицитом ментализации говорил: «как-то с мамкой всё это связано...». Успешнее ментализующий Черный Пес пояснял более метафорично: «это напоминает хтонический ужас, в котором нечто архаичное ядерное всё затягивает и затягивает меня». Пациенты жаловались, что с возрастом личные качества у матерей лишь усугубились и поддержание более-менее нормального диалога с ними невозможно. Сейчас это одинокие и несчастные женщины.

Про отцов. Родители более тяжелого пациента Капитана Смоллетта развелись в его очень раннем возрасте, хотя он был знаком со своим отцом. У Чёрного Пса отец умер от инфаркта, когда пациент находился в подростковом возрасте.

Первоначальная договоренность о сеттинге — 3 раза в неделю, лежа на кушетке. Первые 2-3 недели все шло довольно хорошо, а далее психоаналитик столкнулся с сопротивлением переносу, что выражалось в опозданиях пациентов на 20-30, а то и 40 минут. Это длилось еще 3-4 месяца. Причем Капитан Смоллетт мог себе позволить при-

---

Исследование глубинных механизмов зависимости от психостимуляторов показало, что в каждом случае эта аддикция была тесно связана с сексуальным влечением.

Бессознательной целью наркотических сексмарафонов является желание доказать партнёрше свою маскулинность.

йти на сеанс в нетрезвом виде, чаще всего по понедельникам после алкогольно-наркотических марафонов, начинавшихся в пятницу. В результате психотерапевт позволил себе расслабиться и не навязывать пациентам авторитарный сеттинг: всё пошло своим чередом, сеттинг стабилизировался до одного раза в неделю, при этом пациенты предпочитали лежать на кушетке.

Решающим моментом для терапии стала защита обоих пациентов от гомосексуальной тревоги, которая выражалась в их настойчивом стремлении привести на сеанс своих возлюбленных. Это было отражением их фантазии о сексе втроем, где третьим был бы непременно мужчина (символически мужчина-психоаналитик). «Единственные интерпретации, которые я использовал на этом этапе — это интерпретации, касающиеся их гомосексуальной тревоги», — рассказывает Константин Александрович.

Исследование глубинных механизмов зависимости от психостимуляторов показало, что в каждом случае эта аддикция была тесно связана с сексуальным влечением. Капитан Смоллетт во время мефедроновых марафонов предпочитал просматривать гомосексуальные порно-ролики и непрерывно мастурбировать, чем сильно обижал свою «вторую половину». Чёрный Пёс переходил к употреблению кокаина исключительно в компании женщин, с которыми не мог флиртовать в трезвом состоянии, опасаясь отвержения и унижения (проблема верности своей возлюбленной его при этом не очень беспокоила). Докладчик убеждён, что на такие подробности не обращают внимания психиатры-наркологи, но именно эти обстоятельства дают доступ к пониманию лежащей в основе аддикции личностной патологии, имеющей свою уникальную для каждого человека историю.

Этап работы с фантазмом первосцены сопровождается чувством беспомощности и обнажением нарциссической раны у пациентов, а потому появляется риск суицида.

Что же скрывалось за весьма своеобразной симптоматикой, которая выражалась в том, что один пациент под воздействием наркотиков мог по несколько суток, мастурбируя, смотреть гей-порно, а другой в подобном состоянии, будучи отвергнутым очередной незнакомкой, предпочитал где-нибудь в увеселительном заведении обнажить свой половой орган перед незнакомыми мужчинами и рассказывать о том, что он якобы принимал участие в боевых действиях. Все это помогало пациентам скрыть ощущение собственной униженности, прикрыть его нарочитой псевдомаскулинностью, поданной под соусом всемогущества.

«Психодинамическая теория хороша тем, что позволяет нам докопаться до самых корней. Согласно психиатрическим концепциям, человек употребляет мефедрон потому, что он даёт огромную энергию. И это так. Психоаналитическая же концепция позволяет сориентироваться в том, зачем человеку этот необычный уровень энергии?» — задаётся вопросом Константин Александрович. Дело в том, что употребляемые пациентами препараты вызывают мощнейшую эрекцию, которая длится на протяжении всего времени, пока действует препарат — 4-6-8 часов, в зависимости от типа наркотика, что позволяет пациентам всё это время заниматься безудержным и механистичным сексом со своими партнёрами. Под воздействием наркотиков секс теряет свое очарование, интимность, таинство, нежность и откровение. Вместо этого

получается карикатура на секс, секс ради секса. Парадокс психостимуляторов, например мефедрона, заключается в том, что они блокируют оргазмическую функцию. Употребляющий человек под воздействием мефедрона бессознательно идентифицируется с фаллосом. Бессознательной целью наркотических сексмарафонов является желание доказать партнёрше свою маскулинность.

«Наблюдение за этими случаями меня окончательно убедило, что зависимость от психоактивных веществ является лишь одной из множества форм перверсий, сексуальных извращений по типу фетишизма. Психоаналитическая теория позволяет вскрыть дефицит мужской идентичности, который компенсируется наркотиком. Но эти компенсации могут выглядеть по-разному. Идентификация с мужчиной в первосцене следует не фантазийному пути, а компенсаторному: можно разглядывать порнографические продукты (гей-порно) и превращать своё тело в фаллос, словно именно в этом и заключается роль мужчины (в случае Смоллета). Чёрный же Пёс компенсировал дефицит мужской идентичности (или вину за смерть отца) обнажением перед маскулинными фигурами. Но если мы копнем глубже, то в каждом из этих случаев мы обнаруживаем довольно оригинальную фантазию о первосцене», — продолжает Константин Александрович, следуя критериям перверсии Роберта Столлера.

Фантазия о первосцене как раз и лежит в основе всех проблем: оба пациента металась между феминной и маскулинной идентификацией. Так Капитан Смоллетт метался между идентификацией с матерью, этакой женщиной с веслом и ревнивицей чистоты, и ущербным образом отца, который любил юморить и постоянно что-то высмеивал. Поэтому сексуальные забеги Капитана Смоллетта можно рассматривать как карикатуру на самого себя и глумление над своей псевдомаскулинностью. Чёрный Пес в детстве часто слушал звуки коитуса родителей, а потом и вовсе застал их за этой сценой. За его обнажениями перед незнакомыми людьми стоит фантазия о женщине, обладающей фаллосом, и об отце, который осуществляет фелляцию материнского члена. «Поэтому при рассмотрении психодинамики мы должны опираться не на наличие сексуальных отношений, а на характеристику объектных отношений, которые и являются воплощением внутренней психодинамики», — считает Константин Александрович.

Оба пациента, несмотря на некоторую разницу в уровне организации их личности, отождествляют свое Я с постоянно эрегированным членом, straponом. Отождествление имеет две бессознательные цели: 1) изнасиловать себя, изнасиловать партнера и изнасиловать ему мозги; 2) убедиться в собственной потентности и маскулинности.

Вспомним, что в норме основной задачей воспитания является формирование автономии ребенка. В этих же двух клинических случаях, несмотря на то, что пациенты проживали отдельно от своих матерей, в результате гиперопекающей стратегии сформировалась псевдоавтономия, псевдосепарированность. Пациенты созванивались со своими матерями по несколько раз на дню, чтобы сообщить о том, что они покушали,

---

Зависимость — это всегда
медленный суицид, человек
как бы гуляет по лезвию ножа.

Психоактивные вещества окрыляют, но при этом и разрушают. Это три в одном: средство отравить «внутреннюю» маму; средство придать себе потентность и отлепиться от мамы; но одновременно, это и склеивающее средство. Плюс экономичная упаковка в виде героинового пакетика

что надели и т.д. Физическое расстояние не разрывало в голове эмоциональную склеенность. Вместо формулы их идентичности «Я сам» рисуется формула «Я мам». Это один вариант. И в качестве второго варианта метафорического представления идентичности этих пациентов Константин Александрович использует логотип фирмы «Apple» — яблоко с откусанным боком, который символизирует изъязвленную идентичность с нарциссической дырой, прикрывающуюся гипертрофированной функцией. А «iPhone» можно понять как «отождествление своего Я с фоном», где мое Я где-то на фоне, где вместо Я — телефон. У данных пациентов с их идентичностью аналогичная беда.

«В чем состоит триумф этих пациентов?» — задумывается вместе со слушателями конференции Константин Александрович. А в том, что их нарциссическая уязвимость, нарциссическая язва, которая на логотипе передается выгрызенным и сгнившим куском, прикрывается фаллосом на крыльях. Это псевдогенитальный триумф двух больших подростков, который выглядит весьма карикатурно. Своим поведением они как бы общаются миру: «Смотрите! Я созрел! Я могу фонтанировать и оргазмировать!»

С какими еще вызовами в терапии зависимых от психоактивных веществ может столкнуться психотерапевт? Ранее уже упоминалось о столкновении с гомосексуальной тревогой — это первое. Этап работы с фантазмом первосцены сопровождается чувством беспомощности и обнажением нарциссической раны у пациентов, а потому появляется риск суицида — это второе. Пациенты могут рассказывать о суицидальных идеях, либо у них возникает саморазрушительное поведение. Третье: зависимость — это всегда медленный суицид, человек как бы гуляет по лезвию ножа. С одной стороны, наркозависимые себя «подлечивают», компенсируя наркотиком нарциссическую дефицитарность, а с другой стороны — это медленное токсическое самоубийство.

Самым банальным исходом жизни зависимого от наркотиков человека является передозировка, когда концентрация токсинов тормозит деятельность сердечно-сосудистой и дыхательной систем. И если честно, они ведь совсем не знают, какие на самом деле порошки нюхают и что именно вводят себе внутривенно. Кроме этого, существует целый ряд причин смертности наркоманов:

- Неадекватное поведение, провоцирующее опасные ситуации, что может ставить под угрозу как жизнь наркозависимого, так и жизнь окружающих людей;
- ЗППП и заражение крови от нестерильных шприцов, хронические болезни, трофические язвы, гангрены, ВИЧ-инфекция, сифилис и много других болезней, которые не так просто приобрести в трезвом состоянии;
- Самоубийство в наркотическом опьянении. Бывает, так, что наркоман манипулирует родственниками с помощью самоубийства, добываясь финансовой помощи,

но «забывает» сделать поправку на изменённые психоактивным веществом координацию движений, внимание, мыслительные процессы и т.д.

- Попадание в криминальный мир в попытках обогатиться или заработать незаконным способом, где от наркоманов порой избавляются, как от балласта и потенциальных предателей.

Константин Александрович завершил свой доклад следующими словами: «Психоаналитическая терапия — это терапия выбора, где без глубокой проработки личностных структур ремиссия недостижима. Я вижу эту работу как доращивающую, в которой центральным моментом является работа над идентичностью и работа с гендерной идентичностью. Любые психоактивные вещества, в том числе антидепрессанты и нейрореплетики, регулируют уровень аффектов, в данном случае беспомощность и уязвимость. Психоактивные вещества окрыляют, но при этом и разрушают. Это три в одном: средство отравить «внутреннюю» маму; средство придать себе потенциальность и отлепиться от мамы; но одновременно, это и склеивающее средство. Плюс экономичная упаковка в виде героинового пакетика. Мое наблюдение за пациентами продолжалось больше года и сейчас они в ремиссии».

Может быть, доклад Константина Александровича и этот синопсис придадут кому-то решимости для работы с зависимыми пациентами. Среди них есть те, кому подойдет психодинамический подход, опирающийся на понимание причин аддикции в индивидуальном развитии, внутриспсихическом конфлик-

те и структуре личности человека, а не в химическом веществе, не в биологической предрасположенности или социокультурных факторах. Вероятно, среди читающих уже есть те психотерапевты, которые имеют опыт работы с зависимыми от наркотических веществ, и у них появится желание поделиться своими наблюдениями. И кто-то тоже, услышав вас на какой-нибудь конференции, снова воскликнет: «Этот доклад должен быть моим!»

Психоаналитическая теория
позволяет вскрыть дефицит
мужской идентичности, который
компенсируется наркотиком.

ИЗ МИРА НАУКИ

Рубрика была задумана редколлегией для публикации классических работ зарубежных отечественных мэтров психоанализа.

Редакция тщательно отбирает статьи для перевода, именно те, которые являются научными исследованиями, богатыми теоретическими знаниями и клиническими исследованиями.

В этом номере читайте статью легендарного Смита Эли Джеллиффа – американского «отца психосоматики» и биографическую справку о нем Я.Корякова.

Влечение к смерти в соматической и психопатологии

НАЗВАНИЕ ДОКЛАДА ПРЕДСТАВЛЕНО НА ЕЖЕГОДНОМ СОБРАНИИ АМЕРИКАНСКОЙ НЕВРОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ 8 ИЮНЯ 1932 ГОДА В АТЛАНТИК-СИТИ. ДОКЛАД ПРОЧИТАН ПЕРЕД НЬЮ-ЙОРКСКИМ НЕВРОЛОГИЧЕСКИМ ОБЩЕСТВОМ 7 ФЕВРАЛЯ 1933 ГОДА. ПЕРВОНАЧАЛЬНО ОПУБЛИКОВАН В 1933 ГОДУ В *PSYCHOANALYTIC REVIEW*, 20: 121-132.

Смит Эли Джеллифф

- невролог, психиатр, психоаналитик
- профессор в Колумбийском университете
- президент Нью-Йоркского психиатрического общества, Нью-Йоркского неврологического общества и Американской психопатологической ассоциации
- главный редактор «Журнала нервных и психических заболеваний» и «Психоаналитического обозрения»

На заре своей медицинской карьеры, когда мне было немного за тридцать, я искал подработку и устроился редактором в «Medical News», в то время один из старейших медицинских еженедельников США.

Я посещал ежегодные собрания Американской медицинской ассоциации, поскольку они представляли большой интерес для редакторов четырех или пяти существовавших тогда медицинских еженедельников. В 1905 году собрание проходило в Портленде, штат Орегон. Именно тогда мне представился случай посетить Аляску, и я отправился далеко на север к Великому Водоразделу, через который к золотоносным пескам реки Юкон устремлялись искатели во времена знаменитой золотой лихорадки.

Одним из удивительных явлений, запомнившихся мне во время путешествия, была миграция лосося на нерест.

Я наблюдал, как лососи неистово устремлялись вверх по рекам западного побережья, совершая странное роковое путешествие, в котором инстинкты жизни и смерти осуществляют свои замыслы в фантастическом противостоянии.

Если до этого я смутно понимал значение фразы «Посреди жизни в смерти пребываем», всплывшей в памяти отголоском далеких воспоминаний, то теперь у меня не осталось сомнений, что подобный парадокс вполне реален.

Феномен нереста лосося интересовал меня и раньше. Я мог бы даже написать эссе по этой теме, поскольку давно увлекаюсь естествознанием. Но весь драматизм происходящего я осознал только тогда, когда своими глазами увидел миллионы лососей, ценной невероятных усилий исполнивших повеление эроса и оказавшихся теперь во власти инстинкта смерти. Не думал я и о том, что нечто подобное происходит в жизни человека, пока плодотворные мысли Фрейда не придали новый смысл многим проблемам медицины.

Спустя почти двадцать лет я прочитал работу Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» (1920), а позже его «Я и Оно» (1923), и в моей памяти вновь пробудились идеи, навеянные размышлениями о странном поведении лосося.

Я наблюдал, как лососи неистово устремлялись вверх по рекам западного побережья, совершая странное роковое путешествие, в котором инстинкты жизни и смерти осуществляют свои замыслы в фантастическом противостоянии.

Еще в юности я осознал, что в какие-то моменты у каждого возникает желание умереть. Я читал об этом в книгах, и самые поразительные впечатления, полученные мной в период работы на «скорой», были связаны с самоубийством. Позже, став психиатром, я заинтересовался меланхолией и маниакально-депрессивным циклом, но без особых успехов, пока Фрейд не обнаружил связь между безумным порывом мании и печальным отступлением меланхолии, проистекавшими из принципа конфликта влечений к жизни и смерти.

Часто наблюдалась типичная ситуация, когда очевидные психотические проявления конфликта исчезали, и вместо них у пациента диагностировали нарушение функции почек, кожное заболевание, синусит, диабет или гиперфункцию щитовидной железы. У ряда циклотимических индивидов одна группа проявлений регулярно сменялась другой. Когда господствовали невротические или психотические симптомы, аномальное соматическое поведение угасало, чтобы затем вновь заявить о себе, когда, в свою очередь, исчезали более очевидные «психические» проявления. Таким образом, цикл продолжался.

Наконец, появилась возможность обнаружить общую закономерность, поскольку на первый план вышла концепция целостной природы человека и человеческий

организм стал рассматриваться как все время находящийся в состоянии неустойчивого равновесия. При этом дальнейшая функциональная изменчивость как свидетельство борьбы энергетических систем внутри и вне тела была скорее правилом, чем исключением.

Представители медицинской науки прошлого столетия пришли к более четкому пониманию этих энергетических систем как извне (травма – инфекция), так и изнутри (метаболизм), но по-настоящему целостный* взгляд на многие па-

тологические процессы стал возможен только после того, как гений Фрейда разработал аналогичное единое понимание динамики (экономики) психических систем извне, связанной с обычаями, фольклором, религией, сословиями, классами и т.д., а также изнутри (идентификация с родителями – эдиповы структурные паттерны, инстинктивные влечения и т.д.).

Затем началась длительная и кропотливая аналитическая работа с частичными и локализованными формами этого разъединения влечений при так называемом органическом заболевании – период долгих и трудоемких исследований, на которые не выделяются средства фондов или грантов.

Именно тогда весьма интересным предметом исследования стал ментальный или психологический компонент, обнаружившийся во множестве патологических процессов. Затем я начал изучать некоторые хронические заболевания: кожные заболевания (экзема и псориаз[1]), заболевания легких (астма, хронический бронхит, туберкулез[2]), заболевания почек (гипертонический нефроз[3], туберкулез), заболевания костей и суставов (опухоль костей[4], артриты, контрактуры[5]), заболевания спинного мозга[6], дисбаланс в работе щитовидной железы[7], заболевания глаз (миопия[8]) с целью попытаться выявить конфликт между влечением к жизни и влечением к смерти, который в конечном счете локализовался в одном или нескольких органах, где происходила борьба, направленная на временное урегулирование конфликта или его окончательное разрешение путем частичного или полного разрушения органа, бессознательно выбранного в качестве места конфликта.

Некоторые из этих наблюдений были опубликованы в виде более или менее определенных выводов. Однако ни одно из объяснений не является полностью удовлетворительным в силу разных причин. Потребовалась бы целая книга, чтобы полностью ответить на все вопросы, возникающие при попытке подробно описать последовательные этапы психобиологических процессов, участвующих в формировании даже простейших из представленных здесь компромиссных образований (болезни как «козлы отпущения», например, некоторые виды дерматоза).

Как бы мне ни хотелось утешить себя тем, что описание примеров анализа было неполным и неудовлетворительным из-за сложностей, связанных с любым клиническим

Появилась возможность обнаружить общую закономерность, поскольку на первый план вышла концепция целостной природы человека и человеческий организм стал рассматриваться как все время находящийся в состоянии неустойчивого равновесия.

случаем, когда большое значение имеют некоторые факторы, например медицинская тайна, я все же должен с сожалением признать, что проведение теоретических исследований, необходимых для нахождения реального доказательства, было далеко не удовлетворительным, особенно когда вспоминаю аналитические случаи, в которых слишком поздно осознал истинное значение многих ситуаций, потому что не обладал уверенностью, приходящей лишь с опытом.

Прежде всего, следует вспомнить, что организм человека – это не детская игрушка. Требуется огромное терпение, чтобы тщательно проанализировать комплексные и тонкие психические процессы, бесконечно более сложные, чем любые другие в человеческой деятельности; также потребовалось бы множество имеющихся в настоящее время понятий и теорий, чтобы описать такие исследования, проводимые на микропсихическом уровне. Показательно, что «Фрагмент анализа одного случая истерии» Фрейда занимает 146 страниц формата А4 в английском переводе, и для меня во всем произведении не оказалось ни одной бесполезной или лишней фразы.

Необходимо отметить, что в проведенных мной исследованиях садистический (враждебный) компонент (влечение к смерти) действовал подобно кастрации или частичной смерти органа или определенных функций органа и, таким образом, вызывал нарушение функции. В некоторых случаях оно было более серьезным (необратимым), чем в других. Поэтому я отнес их к категории случаев злокачественной конверсии (необратимых процессов), в которых конверсионные механизмы как таковые отчасти схожи с теми, что наблюдаются при менее злокачественных истериях (обратимых процессах). Количественные факторы, которые мешали адекватному разрешению конфликта, могут быть оценены главным образом через понятие тирании механизма супер-эго. Закон возмездия – *lex talionis* – соблюдается слишком строго. Это происходит в основном из-за того, что регрессия либидо фиксируется на ранних органических эротических стадиях, способствуя, таким образом, возникновению сопутствующих расстройств влечений. Здесь я не буду останавливаться на этом более подробно.

Регрессия либидо фиксируется на ранних органических эротических стадиях, способствуя, таким образом, возникновению сопутствующих расстройств влечений.

В проведенных мной исследованиях садистический (враждебный) компонент (влечение к смерти) действовал подобно кастрации или частичной смерти органа или определенных функций органа и, таким образом, вызывал нарушение функции.

В одном из описанных мной случаев близорукость у подростков служит (по крайней мере, к моему удовлетворению) классическим примером такого типа наказания кастрацией за подглядывание в детстве, осуществляемого на примитивных уровнях фиксации с участием несублимированных рудиментов эдипова комплекса.

Я пока не собираюсь обобщать подобные разнообразные наблюдения в различных областях медицины или делать то же самое с новыми наблюдениями, хотя в моей повседневной работе объем подобного материала неуклонно растет.

В данном сообщении я хочу посмотреть на ситуацию с другой стороны и попытаться представить идею, направленную на понимание того, как некоторые процедуры, широко используемые при лечении психических расстройств, можно рассмотреть как помогающие достичь положительных результатов в соответствии с некоторыми аспектами значения, представляющими собой зеркальное отражение изложенных выше соображений. Полагаю, это будет вполне уместно с учетом приближающегося столетнего юбилея «Алисы в стране чудес» и «Алисы в Зазеркалье» – произведений, признанных классикой мировой литературы. Для осуществления своего замысла я хотел бы сначала рассмотреть некоторые идеи Фрейда, имеющие непосредственное отношение к тому, о чем я хочу рассказать.

Если проследить процессы влечения до их истоков, то неизбежно обнаруживается работа сексуального влечения, или работа «эроса», как ее метко назвал Фрейд. «Шум жизни большей частью исходит от эроса». Садистические или деструктивные компоненты (влечение к смерти – танатос) всегда соединены с эросом, но обычно «молча-

---

Если проследить процессы влечения до их истоков, то неизбежно обнаруживается работа сексуального влечения, или работа «эроса», как ее метко назвал Фрейд. «Шум жизни большей частью исходит от эроса».

ливы». В «меланхолиях», как известно, они «разговаривают» и довольно многословно в так называемых паранойях и «неврозах навязчивых состояний», в последнем из которых они проявляют все деструктивные тенденции, лежащие в основе фанатичного исполнения ритуалов. Яркие примеры подобных фиксированных ритуалов мы находим в истории, когда на первый план выступают чувство вины и потребность в наказании, начиная со времени «изгнания Адама и Евы из Рая» и до наших дней: Жан Кальвин и казнь Мигеля Сервета, «инквизиция» и сожжение ведьм. Этот голос «танатоса», то есть садизма, который главным образом, хотя и не исключительно, действует через подавление со стороны супер-эго (отчасти совести), часто не может прорваться в сознательную эго-систему, поскольку боль депрессии и фобий, навязчивые состояния, конверсии, проекции в галлюцинаторных или бредовых образованиях экономически эволюционировали и стали выполнять функцию спасителей органов тела.

Когда сексуальное напряжение полностью высвобождается, как видно на примере биологического поведения, описанного в начале данной работы (смерть лосося после выброса им сексуальных веществ), разъединение влечений становится наиболее выраженным, и наступает смерть.

Когда сексуальное напряжение полностью высвобождается, как видно на примере биологического поведения (смерть лосося после выброса им сексуальных веществ), разъединение влечений становится наиболее выраженным, и наступает смерть.

Здесь уместно процитировать Фрейда: «Если в жизни господствует принцип константности (в понимании Фехнера), который тогда должен бы быть соскальзыванием в смерть, то именно требования эроса, сексуальных влечений, в виде потребностей, обусловленных влечениями, препятствуют понижению уровня и создают новое напряжение. Оно, руководствуясь принципом удовольствия, то есть восприятием неудовольствия, защищается от них разными способами. Сначала – как можно быстрее уступая требованиям недесекуализированного либидо, следовательно, борясь за удовлетворение непосредственных сексуальных стремлений. И в гораздо больших масштабах – избавляясь от сексуальных субстанций в одной из форм такого удовлетворения, в которой соединяются все частичные требования, причем эти сексуальные субстанции представляют собой, так сказать, насыщенные носители эротического напряжения.

Выброс сексуальных веществ в половом акте в известной степени соответствует разделению сомы и зародышевой плазмы. Отсюда сходство состояния после полного сексуального удовлетворения с умиранием, а у низших животных – совпадение смерти с оплодотворением. Эти существа умирают при размножении, поскольку после исключения эроса в результате удовлетворения влечение к смерти получает свободу действия для осуществления своих замыслов. Наконец, Я, как мы уже знаем, облегчает Оно работу преодоления, сублимируя компоненты либидо как такового и его цели».

«Есть люди, которые ведут себя во время аналитической работы весьма необычно. Если их обнадежить и выразить удовлетворение ходом лечения, они кажутся довольными, а их самочувствие, как правило, ухудшается. Вначале это можно принять за упрямство и старание доказать врачу свое превосходство. Позднее приходишь к более глубокому и более верному пониманию. Убеждаешься не только в том, что эти люди не выносят похвалы и признания, но и в том, что на успехи лечения они реагируют превратно. Любое частичное решение проблемы, следствием которого должно было быть улучшение или временное исчезновение симптомов (а у других людей так и происходит), вызывает у них немедленное усиление недуга, их состояние во время лечения ухудшается, вместо того чтобы улучшиться. Они проявляют так называемую негативную терапевтическую реакцию.

Нет сомнения, что что-то в них сопротивляется выздоровлению, что его приближения боятся, как некой опасности. Говорят, что у этих людей берет верх не воля к выздоровлению, а потребность в болезни. Если проанализировать это сопротивление обычным образом, исключить из него желание поступать наперекор врачу и фиксацию на выгодах от болезни, то все же очень многое еще остается, и это оказывается сильнейшим препятствием для выздоровления, более сильным, чем уже известная нам

нарциссическая недоступность, негативное отношение к врачу или застревание на выгодах от болезни.

В конце концов приходишь к пониманию, что речь идет, так сказать, о «моральном» факторе, о чувстве вины, которое находит свое удовлетворение в болезненном состоянии и не желает отказать от наказания в виде страдания. На этом малоутешительном объяснении можно окончательно остановиться. Но это чувство вины у больного безмолвствует, оно не говорит ему, что он виновен, он чувствует себя не виноватым, а больным. Это чувство вины выражается лишь в виде с трудом уменьшаемого сопротивления исцелению.

Кроме того, особенно трудно убедить больного, что это и есть мотив его застревания в болезни; он будет придерживаться более понятного объяснения, что аналитическое лечение — неподходящее средство и не может ему помочь».

Исходя из вышеизложенного, возникает вопрос, являющийся прямым следствием всей ситуации, в некотором смысле амбивалентный. Если можно полностью или, что предпочтительнее, частично повредить, то есть кастрировать, орган, который выступает в роли козла отпущения, тогда наказание будет соответствовать преступлению, по крайней мере, теоретически.

Я понимаю, что сейчас наука не может решить вопрос о том, как наилучшим образом встроить разрушающий процесс в подобные взаимодополняющие отношения. Для многих сложных ситуаций это все еще гипотетическое суждение, требующее дальнейшего изучения.

Однако мы наблюдаем чрезвычайно интересные случаи выздоровления от тяжелых психических заболеваний после острого соматического заболевания. После приступа брюшного тифа, гриппа, пневмонии, после несчастного случая, серьезной операции, сильного кровоизлияния, глубокой чистки кишечника, даже иногда после таких незначительных операций, как удаление миндалин, удаление зубов, удаление щитовидной железы, удаление аппендикса и т.д., психические заболевания, даже длительные, часто проходят. Литература по этой теме обширна, и нет необходимости ее здесь обобщать. На данный момент не существует точного определения связи патологического процесса с экономикой вытеснения либидо и соединения или разъединения влечений, даже если принцип очевиден.

Мы наблюдаем чрезвычайно интересные случаи выздоровления от тяжелых психических заболеваний после острого соматического заболевания.

Выброс сексуальных веществ в половом акте в известной степени соответствует разделению сомы и зародышевой плазмы. Отсюда сходство состояния после полного сексуального удовлетворения с умиранием, а у низших животных – совпадение смерти с оплодотворением.

На данный момент не существует точного определения связи патологического процесса с экономикой вытеснения либидо и соединения или разъединения влечений, даже если принцип очевиден.

Для того чтобы понять, почему достигаются определенные заявленные результаты, например, после резекции толстой кишки при шизофрении, можно воспользоваться изложенными здесь соображениями. Несомненно, были получены определенные положительные результаты. В контексте приведенных рассуждений они не являются следствием ослабления «очаговой» инфекции. Благоприятные изменения произошли в результате осуществления угрозы кастрации в отношении конкретного органа, а именно нижнего отдела кишечника, который стал местом садистической локализации первичного нарциссического либидо. С самых ранних дней воспитания ребенка эта область становится зоной удовлетворения враждебных, агрессивных и садистических компонентов. Нижний отдел кишечника и двигательный аппарат являются главными первичными органами для выражения садизма. Символизм городов Долины – Содомы и Гоморры – каким он был для древних евреев, по-прежнему указывает на главное место обитания несублимированной, гомосексуальной, садистической составляющей человеческих стремлений. Вот, в сущности, тот путь, по которому «желание смерти» может найти выход. Калеча этот орган, человек наказывает его, свершается возмездие «око за око», и конфликт влечений иногда разрешается в лучшую сторону.

В случае хронических инвалидизирующих соматических расстройств, особенно при некоторых атрофических артритах, двигательные органы – мышцы, сухожилия, суставы – являются главными посредниками для осуществления садистических влечений. Разъединенное и в результате освобожденное влечение к смерти захватывает и парализует суставы у таких индивидов. Отдельные случаи анализа подобных органических процессов показывают, что здесь действуют те же механизмы, которые обнаруживаются у невротического преступника: попадая в тюрьму, он через это должен удовлетворить потребность в наказании, чтобы успокоить чувство вины, проистекающее из его эдипова комплекса. Для больных артритом такой тюрьмой является инвалидная коляска. Я сталкивался с подобными ситуациями у пациентов с тяжелой формой псориаза. Обращаю внимание, что здесь неуместны ни категоричные высказывания, ни широкие обобщения, но с твердостью могу сказать, что некоторые атрофические артриты, скорее всего, возникают в результате действия психических динамических факторов, о которых я вкратце рассказал выше.

Клинический случай одной пациентки, находящейся в терапии на протяжении уже двадцати лет, до сих пор не дает мне покоя в контексте представленных рассуждений.

Пациентка – американка, из большой семьи, очень яркая, с множеством разнообразных талантов и явно выраженной конституциональной предрасположенностью к маниакально-депрессивным психозам; в семейном анамнезе имеются реакции такого же

типа. По меньшей мере, у четверых из ближайших родственников были типичные маниакально-депрессивные приступы Крепелина, а у двух других наблюдались их соматические эквиваленты. У других родственников также присутствовали шизоидные черты.

В возрасте около девятнадцати лет у пациентки начались циклотимические реакции. Когда ей было под пятьдесят, она пришла на консультацию, только что оправившись от последней из трех депрессий, длившейся четыре года. Периоды «выздоровления» сопровождались сильным расстройством желудка [в связи с чем проводилось серьезное гастроэнтерологическое лечение]. Пациентка проявляла постоянную, хотя и довольно хорошо регулируемую социальную активность, в которой присутствовало много садистической агрессии, замаскированной под «большой интерес» к управлению людьми. Агрессивные компоненты смягчались частыми проявлениями радостного, веселого и очень остроумного поведения, когда все было хорошо. Только близкие знали о наличии у пациентки довольно стойких, хотя часто хорошо скрывааемых маниах преследования. В течение периода «выздоровления» у меня появлялась возможность работать с пациенткой, но возникавший перенос был всегда негативным, хотя и тщательно скрываемым. Проявились явные факторы ранней фиксации. Пациентка оставалась в «благополучном» состоянии, которое Шпехт (Specht) подробно описал в своих работах

«Я пережевывал горькую жвачку воспоминаний, настолько горькую, что она породила желчь, которая, в конце концов, пропитала мое восприятие прошлого и настоящего; эта желчь отравила мои эмоции и окрасила волю, наполовину парализовав ее».

о параноидных состояниях как составляющей маниакально-депрессивного синтеза.

Когда становилось очевидно, что объект, на который были направлены агрессивные садистические импульсы пациентки (преследователь), избежит «правосудия», начиналась депрессивная фаза. Сначала неудовольственный садизм пытался найти себе новый внешний объект, но безуспешно. Тогда агрессия направлялась против самой пациентки, и соматические нарушения усиливались, главным образом, в желудочно-кишечном тракте. В конечном счете они достигли пика и локализовались в желчном пузыре.

Желчный пузырь был органом, специально выбранным для выражения на соматическом уровне. Здесь будет уместно процитировать мысли героя произведения одного из современных авторов[10]:

«Я пережевывал горькую жвачку воспоминаний, настолько горькую, что она породила желчь, которая, в конце концов, пропитала мое восприятие прошлого и настоящего; эта желчь отравила мои эмоции и окрасила волю, наполовину парализовав ее.

И что из этого вышло? Ядовитая ненависть, тщетная месть, порожденная ненавистью, отвращение к жизни, какой она представлялась мне, отвращение к тому виду (деятельности), который требовало (мое окружение)».

Некоторые пациенты, погруженные в безнадежный жизненный конфликт, использовали операцию в собственных целях для удовлетворения желания смерти и умирали в результате операции, не прибегая к самоубийству как более осознанному и очевидному способу.

На эту тему можно привести еще множество древних и современных высказываний.

Я проконсультировался по поводу пациентки с коллегой-хирургом. Он придерживался ультраконсервативных взглядов, а я не уделял должного внимания процессам вытеснения, происходящим в человеке как целостном организме, как я его воспринимаю сейчас, и от операции было решено отказаться. Приступ желчного пузыря утих, а пациентка на восемь лет погрузилась в глубокую депрессию.

Вспоминая ту ситуацию, я теперь гипотетически убежден, что если бы мы лишили пациентку желчного пузыря (удалили его), то попытки природы удовлетворить влечение к смерти через этот канал увенчались бы успехом, а компромисс через наказание и потерю органа мог бы искупить чувство вины и предотвратить тот длительный период депрессии.

Данное утверждение нельзя распространять на другие клинические случаи, особенно учитывая тот факт, что весь набор механизмов садистического вытеснения был мне достаточно хорошо известен. Дальнейшие обобщения относительно улучшений, которые могут наблюдаться после оперативного вмешательства, должны проходить тщательную проверку¹, поскольку в ходе работы я обнаружил, что некоторые пациенты, погруженные в безнадежный жизненный конфликт, использовали операцию в собственных целях для удовлетворения желания смерти и умирали в результате операции, не прибегая к самоубийству как более осознанному и очевидному способу. Более того, я хочу подчеркнуть, что не призываю использовать оперативное вмешательство для лечения психоневротических или психотических индивидов с конверсионными симптомами. Только тщательное психоаналитическое исследование конкретного случая позволит найти решение, как поступить в той или иной ситуации. Операции по поводу невротически индуцированных симптомов заболевания органов почти всегда оказываются безуспешными.

Подводя итог своим рассуждениям, представлю краткий обзор случая, когда в ходе терапии на инстинктивном уровне выявилась необходимость соматической кастрации.

В феврале 1917 года доктор С. из Б. направил ко мне молодую женщину тридцати лет, страдавшую от психоза, продолжавшегося уже несколько лет. Он начался в 1910 году, когда ей пришлось сбежать – в психическом плане – от брака. Бегство началось с типичных конверсионных симптомов: тахикардия, обмороки, дисменорея, бессонница и наркомания. Пациентка испытывала физическое истощение, чувствовала себя

---

1 См. статью автора “Исцеление какой ценой?” [Jelliffe S.E. What price healing? A fragmentary inquiry. JAMA. 1930;94(18):1393-1395].

подавленной и, наконец, пережила острый период спутанности сознания, во время которого галлюцинировала. Несколько месяцев она провела в санатории, лежа в постели укутавшись с головой (символическая беременность). Затем у нее появились бредовые идеи о потере собственных внутренностей. Ее отравили. Затем она носила подушку под мышкой, обращаясь с ней как с ребенком (символическое рождение). Находясь в санатории, пыталась покончить с собой. Период спутанности сознания продолжался еще несколько месяцев. Постепенно ее беспокойство утихло, и, не вдаваясь в подробности, скажу, что к 1914 году у нее развился негативистский, немой тип зависимости с бредовыми идеями о том, что она убила своих родителей, оба из которых были живы. Она находилась в санатории под наблюдением доктора С. из Б. в течение трех лет, лечилась от стойкого желудочно-кишечного расстройства, но положительных изменений касательно бредовых идей почти не наблюдалось.

Таким образом, она пришла в терапию на седьмом году хронического психотического процесса с выраженными шизоидными и явными депрессивными симптомами. Ее психоз был как раз того типа, о котором Блейлер (Bleuler) часто упоминал в связи с диагностированием шизофрении и маниакально-депрессивного психоза. Следует выяснить не то, страдает ли пациент шизофренией или маниакально-депрессивным синдромом, а скорее то, насколько он шизоиден и насколько маниакально-депрессивен. Короче говоря, я написал доктору С., что, по моему мнению, этот тип смешанного психоза лучше поддается психоаналитической терапии вследствие смягчения более злокачественного процесса (шизофренического) обычно менее злокачественным (маниакально-депрессивным).

На протяжении шести недель во время ежедневных сеансов пациентка практически ничего не говорила. Мне приходилось использовать активную технику и обсуждать ее платье, шляпу, малейшие движения ее пальцев, ног, шеи, тела и т.д., одновременно обрисовывая общую картину теории психоанализа, совмещая наблюдения за ее движениями с общими принципами анализа. Затем она начала понемногу говорить о своих отце и матери, о том, почему они умерли и почему она виновата в их смерти.

Ей часто снилось, что «ее мать умерла». После нескольких недель терапии первое, что ей приснилось, это «огромный военный корабль без каких-либо орудий» (символическая кастрация отца и меня).

В действительности ее отец и мать не умерли, но пациентка раскаивалась, что «как будто бы» убила их из-за бессознательного враждебного желания кастрировать отца (через овладение) и занять место матери. Так открылось все значение ее символической фантазии рождения в период нахождения в больнице.

Постепенно появился рабочий положительный перенос и открылись все новые подробности, рассказывать о которых здесь нет необходимости.

Вот, в сущности, тот путь,
по которому «желание смерти»
может найти выход. Калеча этот
орган, человек наказывает его,
свершается возмездие «око
за око», и конфликт влечений
иногда разрешается в лучшую
сторону.

Заключительный этап был сосредоточен на теме мастурбационного вытеснения примерно после двух лет терапии. В течение многих лет у пациентки был небольшой участок сухой чешуйчатой сыпи слева от влагалища, который чесался, и иногда она расчесывала его почти до крови. Постепенно она осознала, что это было мастурбационным вытеснением, остатком старой сверхдетерминированной эротической фантазии, представлявшей своего рода садистическое, оргиастическое удовлетворение, в котором соединились смерть матери и сестры и овладение отцом и братом.

За этим последовало важное открытие: пациентке приснился сон, благодаря которому удалось по-новому взглянуть на ситуацию, и после его анализа тот участок кожи по-настоящему инфицировался, затронув всю цепочку поверхностных лимфатических узлов паховой зоны с обеих сторон, что потребовало хирургического вмешательства. После операции пациентка полностью выздоровела и уже более двенадцати лет чувствует себя прекрасно¹¹.

В контексте приведенных выше рассуждений она, наконец, при помощи механизма кастрации, пожертвовала главным остатком своего эдипова комплекса и обрела свободу. Раньше ее тело пыталось удовлетворить желание смерти через развитие гнойного аппендицита в период нахождения пациентки в суицидальном состоянии и до того, как ее психотическое бегство достигло полного развития. Своевременная операция спасла ей жизнь, но не вылечила ее рассудок. Это умозаключение подтверждается имеющимся аналитическим материалом. Чтобы доказать его надлежащим образом, потребовались бы тысячи слов, и даже тогда это был бы всего лишь фрагмент.

ЛИТЕРАТУРА

1. S. E. Jelliffe. Psoriasis as an Hysterical Conversion Symptom. *N. Y. Med. Jour.*, 104, 1077, 1916.
2. S. E. Jelliffe and E. Evans. Psychotherapy and Tuberculosis. *Am. Jl. Tuberc*, 3, 417, 1919.
3. S. E. Jelliffe. Psychopathology and Organic Disease. *Arch. Neur. & Psych.*, 8, 639, 1922.
4. S. E. Jelliffe. Neuropathology and Bone Disease. *Trans. Am. Neurolog. Assoc*, 1923, p. 419.
5. S. E. Jelliffe. Dupuytren's Contracture and the Unconscious. *Internat. Clinics*. 41 Series, III, 184, 1931.
6. S. E. Jelliffe. Multiple Sclerosis, the Vegetative Nervous System and Psychoanalytic Research. *Arch. Neur. & Psych.*, 4, 593, 1920, *Am. Jl. Med. Sc*, 161, 666, 1921; *Jour. Nerv. & Ment. Dis.*, 55, 309, 1922.
7. S. E. Jelliffe. The Psyche and the Vegetative Nervous System with Special Reference to Some Endocrinopathies. *N. Y. Med. Jl*, 115, 382, 1922.
8. J. Smuts: *Holism and Evolution*. Macmillan, 1926.
9. S. E. Jelliffe. Respiratory Encephalitis—Oculogyric Crises. *Monographs Nos. 45 and 55, Nervous and Mental Disease Monograph Series*.
10. M. E. Waller. *Windmill on the Dune*. P. 147. Little, Brown, 1931.
11. Compare Bertschinger for related material. H. Bertschinger, *Processes of Recovery in Schizophrenics*. *Allg. Ztsch. f. Psych.*, 68, No. 2, 1911. Translated by C. L. Allen, M.D., *Psychoanal. Rev.*, 3, 176, 1916.

Смит Эли Джеллифф – американский «отец психосоматики»

Коряков Ярослав Игоревич

- Клинический психолог, психотерапевт, психоаналитик
- Тренинг-аналитик и супервизор ЕАРПП (Россия, РО-Екатеринбург) и ЕСРР (Vienna, Austria)
- Научный редактор журнала «Пространство психоанализа и психотерапии»
- Член Правления ЕАРПП
- Член Российского Психологического Общества (РПО)
- Старший преподаватель кафедры клинической психологии и психофизиологии Уральского Федерального Университета
- Член Международного института психотерапии (IPI)

Смит Эли Джеллифф родился 27 октября 1866 г. в семье школьных педагогов – Уильяма Джеллиффа и Сюзан Китчелл – в Нью-Йорке, где и прожил всю жизнь.

В 1886 г. он закончил Бруклинский политехнический институт, в который поступил по настоянию отца, получив инженерную специальность, хотя его самого увлекали геология и зоология. Там же в шестнадцать лет он встретил Хелену Дьюи Лиминг – кроме любви их связывали общие интересы, и на долгие годы она стала его помощницей и соратницей. Сразу после института он поступил в Колледж врачей и хирургов Колумбийского университета, получив медицинскую степень в 1889 г., затем последовала годовая интернатура в бруклинском госпитале Св. Марии, где он наблюдал пациентов с психопатологиями и с энтузиазмом погружался в вопросы психологии и психиатрии. Уже в то время он был

глубоко убежден в теснейшей взаимосвязи (и даже тождественности) телесных и психических процессов.

После интернатуры в 1890-91 г. Джеллифф совершил свой первый европейский тур, впоследствии он называл его *Wanderjahr* – «год странствий». В Париже он посещал лекции в клинике Шарко. Вена и Берлин тогда были признанными центрами мировой медицины, и он углублял свои знания о внутренних болезнях, болезнях глаз и ушей, также совершенствуя немецкий и французский, занимаясь любимой ботаникой и делая архитектурные наброски. После этого на протяжении многих лет он старался путешествовать в Европу в среднем хотя бы раз в два года.

Вернувшись из поездки в 1891 г. Джеллифф начал врачебную практику в Бруклине. Она шла не очень активно («моя прибыль за первый год врачебной практики в Нью-Йорке составила всего 75 долларов» (Jelliffe, 1933, с. 321)), и он устроился в Колумбийский университет преподавать фармакогнозию и *materia medica* (общую фармакологию). В 1894 г. Джеллифф, наконец, женился на Хелене Дьюи Лиминг, и в последующие годы у них родились пятеро детей – три дочери и два сына.

В 1896 г. Джеллифф познакомился с Уильямом Алансоном Уайтом – оба работали в Бингхэмптонской государственной больнице, и судьбоносная встреча переросла в пожизненную дружбу и сотрудничество. Годы спустя, погружаясь в глубины психоаналитической практики, они с Уайтом анализировали друг друга, играя ту же роль, что и Флисс в свое время играл для Фрейда в рамках его самоанализа, только более интенсивно и целенаправленно. Примерно тогда же началась

До тех пор, пока бессознательное не было распознано, именно до тех пор разрыв между так называемым телом и так называемым умом был слишком велик, чтобы его можно было преодолеть.

его карьера медицинского журналиста – с 1897 г. Джеллифф начал сотрудничать с «Журналом нервных и душевных болезней», с 1899 г. стал его ассоциированным редактором, а с 1902 г. – управляющим редактором и владельцем. Кроме того, он и сам, и с помощью супруги активно занимался переводами ключевых работ европейских авторов.

В 1907 году Джеллифф встретился с Карлом Густавом Юнгом на первом Международном конгрессе по психиатрии в Амстердаме, произошла, как он писал позднее, его «первая личная встреча с психоанализом». Однако, приверженцем психоанализа она его не сделала, хотя с работами Фрейда он уже был знаком и до нее – приводя обзоры фрейдовских взглядов в 1905, он утверждал, что каждый должен знать об учении Фрейда (Burnham, 1983). В 1907 г. Джеллифф и Уайт начали публикацию «Серии монографий по нервным и психическим болезням», в рамках которой выходили работы по психиатрии, переводы Фрейда, Юнга, Адлера и другие психоаналитические труды.

В 1908 г. он на полгода уехал в Берлин, где встречался с Карлом Абрахамом, а следующие полгода провел в Париже, где знакомился с деятельностью французских неврологов – Дежерина, Жане, Бабинского. Таким образом, когда Фрейд, Ференци и Юнг в 1909 г. приезжали в Соединенные Штаты в Институт Кларка с лекциями о психоанализе,

---

Репутацию «экстремистского психоаналитика» Джеллифф приобрел из-за своих новаторских психосоматических исследований.

Джеллифф был в Европе. «Это был год, когда ... Фрейд отправился на восток, а я – на запад» (Jelliffe, 1933, с. 324).

Обращение в «психоаналитическую конфессию» случилось года через два, когда в Нью-Йоркском неврологическом институте, где начал работать Джеллифф, появился Абрахам Брилл – ученик

Фрейда и первый практикующий психоаналитик в США. Их сотрудничество и общение сыграли решающую роль. «После нашей клинической работы три раза в неделю мы с Бриллом вместе шли домой через парк и, как раньше с доктором Уайтом, мы спорили и спорили, а он настаивал, и таким образом я стал убежденным фрейдистом» (Jelliffe, 1933, с. 325). Психотерапевтическая практика доктора Джеллиффа превратилась в психоаналитическую.

В сентябре 1912 г., когда Юнг по приглашению Джеллиффа читал лекции в Фордхемском университете, он останавливался в его доме. Эти лекции, вышедшие под названием «Психология бессознательного» (позже переработанные в «Символы трансформации либидо») отметили начало его разрыва с Фрейдом.

Осенью 1913 г. Джеллифф и Уайт основали «Психоаналитическое обозрение» (Psychoanalytic Review) – первый психоаналитический журнал на английском языке. Журнал с самого начала отличался широтой и неортодоксальностью взглядов – таким он остается и поныне, спустя век с лишним. Первый номер открывался статьей Юнга – журнал печатал его фордхемские лекции под названием «Теория психоанализа» из номера в номер. Там же публиковалось его приветственное письмо – Юнг тогда был президентом Международной ассоциации психоанализа. Приглашение к участию было послано и Фрейду, но тот, видя столь тесное сотрудничество с мятежным «кронпринцем психоанализа», к предложению отнесся холодно. Джеллифф, очевидно, осознавал возникший раскол между коллегами, но не отнесся к нему слишком серьезно, это противоречило его полифонической натуре и интеграционному настрою. Сам он начал публиковать в новом издании серию статей по технике психоанализа – позже они вышли отдельной книжкой. В этом материале некоторые коллеги (в их числе Брилл, оповещавший обо всем Фрейда) также усмотрели юнгианские наклонности, хотя сам Юнг признавал его оригинальность и несходство со своими взглядами. Так что прохладное отношение Фрейда к журналу на первых порах сохранялось.

Впервые Джеллифф лично встретился с Фрейдом в августе 1921 г. в Гаштайне, подарил ему коробку сигар, и они провели вечер, беседуя на психоаналитические темы. Фрейд, очевидно, заинтересовался психосоматикой Джеллиффа и его «органическими» пациентами (а работу Юнга о прогностической функции сновидений назвал «мусором»). Лед потихоньку ломался, хотя настороженность Фрейда пропала не сразу. В последнем письме Джеллиффу в 1939 г. он писал: «Теперь я часто смеюсь, вспоминая плохой прием, который я однажды оказал Вам в Гаштайне, потому что впервые увидел Вас в компании Штекеля» (Lewis, 1966, с. 228). Они начали переписываться, недоразумения разрешились, и постепенно сложились теплые отношения. «Я научился ценить Вас,

разнообразие Ваших интересов и обилие Ваших знаний, Вашу свободу мысли и Вашу значимость как одного из самых сильных сторонников анализа в Америке», – писал Фрейд Джеллиффу в 1933 г. (Lewis, 1966, с. 227). В конце жизни Фрейд, в целом негативно относившийся к американцам, говорил, что в Нью-Йорке у него только два друга – Брилл и Джеллифф (Everett, 2021). Вместе с тем, Джеллифф продолжал дружить с Юнгом, до конца жизни вел с ним активную переписку, обмениваясь идеями и статьями, мнениями относительно его и своих работ.

В 1915 г. у Джеллиффа и Уайта вышло первое издание «Болезней нервной системы – учебника по неврологии и психиатрии», позже он неоднократно переиздавался. Учебник отличался радикальной новизной подхода, он утверждал целостный (холистический) взгляд на человека и рассматривал психологические факторы в формировании физических симптомов. В предисловии подчеркивалась решающая роль бессознательного в функционировании организма. Три раздела книги описывали вегетативный, сенсомоторный и психический уровни деятельности нервной системы.

«До тех пор, пока бессознательное не было распознано, именно до тех пор разрыв между так называемым телом и так называемым умом был слишком велик, чтобы его можно было преодолеть, и так возникли два понятия, тело и ум, которые породили необходимость определения их отношений. Сознание покрывало и затемняло внутренние органы психики точно так же, как кожа скрывает от взора внутренние органы тела. Но точно так же, как познание тела впервые стало возможным благодаря снятию кожи и раскрытию структур, которые лежат под ней, знание психики впервые стало возможным, когда была пробита внешняя оболочка сознания и явилось то, что лежало на большей глубине. Как только это было сделано, удивительная история психики начала раскрывать свои секреты, и различие между телом и разумом начало растворяться, пока не стало понятным, что психика является конечным результатом упорядоченной серии прогрессий, в которых тело успешно использовало более сложные инструменты для решения проблемы интеграции и настройки» (Jelliffe, White, 1917, с. 21).

Как психоаналитик Джеллифф внимательно наблюдал за телом и его бессознательным выражением в симптомах, постепенно создавая свой психосоматический подход. На протяжении многих лет его пациентами нередко были выдающиеся деятели культуры и искусства.

В 1916 г. умерла Хелена, и год спустя Джеллифф женился на Би Добсон, которая уже не столь явно разделяла интересы мужа. Это, а также завершение больничной и университетской карьеры в 1917 г., привело к растущему чувству изоляции. Джеллифф с головой погрузился в свою психоаналитическую практику, писательскую и редакторскую работу и регулярные европейские путешествия. Продолжали выходить книжки в серии «Монографий». Обеспечивая наполнение журналов, Джеллифф общался лично и переписывался с огромным числом психоаналитиков, неврологов и психиатров. Кроме клинических и научно-практических работ, в его литературно-историческом наследии можно условно выделить три категории – живые описания зарубежных путешествий и встреч с выдающимися

«Человек ищет исцеления "души",
чтобы вылечить тело».

коллегами, статьи, посвященные историческим исследованиям, и психиатрические, психоаналитические интерпретации литературной классики. Работал он интенсивно, а планы выхода на пенсию пришлось отложить после Великой Депрессии 1929 года, так что эта интенсивность не очень снижалась с возрастом, хотя здоровье уже подводило, чем дальше, тем больше. В 1925 неожиданно погиб его младший сын, и это стало тяжелым ударом для отца.

После смерти Уильяма Уайта в 1937 г. забота о «Психоаналитическом обозрении» и серии «Монографий» целиком легла на его плечи – ему никак не удавалось найти подходящего преемника, хотя на эту роль претендовали и Карл Меннинджер, и Гарри Стек Салливэн. С другой стороны, это сняло другое напряжение – позиция Уайта относительно содержания журнала оставалась эклектичной все эти годы, сам же Джеллифф все больше склонялся к строгому психоанализу в духе Фрейда. Теперь он мог более свободно определять политику издания. Однако его подход все же оставался достаточно свободным, и нередко он подвергался нападкам от коллег с разных сторон и за «фрейдизм», и за «свободомыслие».

Сегодня психосоматическая
медицина — это почти синоним
прогресса.

Репутацию «экстремистского психоаналитика» Джеллифф приобрел из-за своих новаторских психосоматических исследований, все более увлекавших его после Первой мировой. Его интересовала не только психическая жизнь пациентов, но и соматические способы адаптации. Очень часто он говорил и о психологи-

ческом содержании вроде бы абсолютно органических недугов. Он даже высказывал предположение о том, что лечение органических расстройств может быть контрпродуктивным, ссылаясь на случаи, когда эффективное медицинское лечение приводило пациента к тяжелому психическому заболеванию (Burnham, 1983). Коллеги-медики весьма скептически относились к его инновациям – время психосоматической медицины еще не настало (пожалуй, мы и сейчас не так уж далеко продвинулись в этом направлении).

Родственную душу за океаном Джеллифф нашел в лице Георга Гроддека, чей вклад в психосоматику общепризнан. Они чувствовали поддержку в работе друг друга, хотя их подходы все же заметно различались. Фрейд также выделял этот аспект деятельности американского коллеги. «То, что вы мне прислали, действительно представляло для меня величайший интерес. Это еще одна частичка той медицины будущего, для которой вы готовите путь», – писал он Джеллиффу в 1933 г. (Lewis, 1966, с. 227). В 1939 г. Джеллифф подготовил сборник статей по психосоматике, в предисловии к которому отмечал: «Общие идеи вытекают из сократического принципа целостности тела и, как сказано в «Хармиде» Платона, «человек ищет исцеления «души», чтобы вылечить тело». Фрейд впервые сделал «душу» доступной для сознательного восприятия и предложил метод для проникновения в динамические принципы творческих и разрушительных тенденций, без которых невозможно понять реальное психосоматическое единство... С фактической исторической точки зрения мои ранние статьи были написаны до того, как я узнал о работе Гроддека, в которой принципы, разработанные здесь,

порой, в значительных деталях, лишь интригующе намечены. Кроме того, я испытываю большое удовлетворение, представляя эту группу исследований. Когда я предъявил некоторые из этих и связанных с ними работ моим коллегам-нейропсихиатрам, психоаналитикам и прочим, в лучшем случае, они были встречены сдержанным молчанием. Сегодня психосоматическая медицина — это почти синоним прогресса. Таким образом, я возлагаю свое подношение в храме Эскулапа с искренней надеждой, что оно может снискать благосклонность в глазах моих коллег. Если это окажется так, поскольку это лишь часть исследований на эту тему, я, возможно, найду в себе смелость собрать другие в той форме, которой достигли эти» (Jelliffe, 1939, с. v). Джеллифф, однако, опередил время, и, хотя именно он подготовил почву для развития этой важнейшей дисциплины, славу здесь пожинали уже другие.

Умер Смит Эли Джеллифф 25 сентября 1945 года в Нью-Йорке.

Из трех легенд раннего американского психоанализа – Брилла, Уайта и Джеллиффа, не оставивших каких-то ярких теоретических моделей, но оказавших решающее влияние на само развитие этой области, последнему повезло меньше всех. Первые имена остались «на слуху», поскольку именем Брилла была названа библиотека Нью-Йоркского психоаналитического института, а именем Уайта – институт интерперсонального анализа в Нью-Йорке, основанный Гарри С. Салливэном. Джеллиффу подобного памятника пока не досталось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Burnham, J.C. (1983). *Jelliffe: American Psychoanalyst and Physician & His Correspondence with Sigmund Freud and C.G. Jung*. W. McGuire (Ed.). Chicago, IL: The University of Chicago Press.
2. Everett, P.R. (2021). *The Dreams of Mabel Dodge: Diary of an Analysis with Smith Ely Jelliffe*, London and New York: Routledge.
3. Jelliffe, S.E. (1933). *Glimpses of a Freudian Odyssey*, *Psychoanalytic Quarterly*, 2: 318–329.
4. Jelliffe, S.E. (1939). *Sketches in Psychosomatic Medicine*, NMDMS No. 65, New York.
5. Jelliffe, S.E., & W.A. White (1917). *Diseases of the Nervous System: A Text-Book of Neurology and Psychiatry*. 2nd ed. Philadelphia, PA & New York: Lea & Febiger.
6. Lewis, N.D.C. (1966). *Smith Ely Jelliffe, 1866–1945: Psychosomatic Medicine in America*. In: F. Alexander, S. Eisenstein, & M. Grotjahn (Eds.), *Psychoanalytic Pioneers* (pp. 224–234). New York: Basic Books.

АНОНСЫ

Рубрика «Анонсы» традиционно включает в себя два раздела:

1. Навигатор событий — список предстоящих мероприятий: конференции, семинары, обучающие программы, круглые столы, клинические субботы и др.,- планируемых в ЕАРПП, и в других психоаналитических сообществах.
2. Обзоры вышедших в свет новых печатных изданий по психоанализу и психотерапии. Обзор содержит основные сведения о книге и информацию о том, где и как Вы сможете приобрести анонсируемое издание.

Навигатор событий

Дата	Город	Тема	Формат, оплата
19-20 ноября		Конференция по ГА (МШГА) с Роби Фридманом	онлайн
4 декабря 2023	Москва	Психосоматика в работе с детьми и подростками	Очно/онлайн
10-11 декабря 2022	Новосибирск	IV Межрегиональная научно-практи- ческая конференция по психоанализу «Пути трансформации в психоанализе»	онлайн
3-5 февраля 2023	Екатеринбург	XV Зимняя школа, «Зависть и благодарность»	Очно/онлайн

Козимо Скинайя

Психоанализ и экология

Козимо Скинайя Пер. с итальянского — М: ООО «Псиллабус»,
2021. ISBN 978-5-6048201-2-4

О КНИГЕ

В «Психоанализе и экологии» автор рассматривает роль психоанализа в важнейшей битве современности — за выживание окружающей среды. При помощи множества клинических случаев и примеров, взятых из повседневной жизни, а также из всеобъемлющих трендов развития современной экономики, которые неизбежно влияют на окружающую среду и природный баланс, автор анализирует подсознательное сопротивление человеческого разума осознанию всей глубины экологических проблем и срочности их разрешения. Он также показывает, как психоанализ может преодолеть отрицание и тревогу, которые испытывает человек перед лицом сложившейся ситуации, чтобы мы могли совместными усилиями остановить надвигающуюся катастрофу и исцелить нашу планету.

Как заказать книгу

Приобрести можно в издательстве «Псиллабус»

Контакты издательства:

Телефон: +7-919-992-39-64

E-mail: psyllabuspublishing@gmail.com

www.psyllabus.biz

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Идея, конечно, не нова, но очень привлекательна – проиллюстрировать номер журнала работами любимого художника. Сегодня представляем вам Ивана Балажевича, академического живописца, графика. Его пронзительные, сочные картины, наполненные жизнью и любовью, добавили энергии и страсти нашему журналу, посвященному сексуальности.

Иван Балажевич родился 12 июля 1949 в Таванкуте близ Суботицы, где он прожил до 10 лет, а затем его семья переехала в Суботицу. В 1968 году он окончил Строительно-технологический школьный центр. Он был членом художественной секции Хорватской палаты экономики Матии Губец и работал в художественной группе, возглавляемой Стипаном Шабичем, где сумел подготовиться к вступительным экзаменам в академию.

Иван Балажевич окончил Академию изящных искусств в Загребе и заслужил звание академического живописца-графика в классе Марьяна Детони. Его профессорами были Альберт Кинерт, Матко Пейч, Фердинанд Кулмер, Франо Баче, Анте Кудуз, Марица Мештрович, Любо Шкрнюг.

Во время учебы в академии профессор анатомии и актерского мастерства Фердинанд Кулмер признает работы Ивана Балажевича лучшими среди студентов третьего курса Академии изящных искусств. На выставке студентов Академии в Галерее Студенческого центра Иван Балажевич получает награду за графику.

В Суботице, после возвращения с учебы в Загребе, в 1972 году он остался работать учителем рисования в нескольких средних школах / гимназиях, в школе экономики, а также сотрудничал с Национальным театром и шоколадной фабрикой Pioneer, с которой он разрабатывал плакаты и упаковку, и с Subotica novine, молодежной газетой Sada и ежемесячным журналом по культуре Rukovet. В 1973 году он был мобилизован и продолжил службу в армии. Во время военной службы в ноябре 1973 года родился его сын Маттиас.

В 1974 году он покинул Суботицу и отправился в Хорватию. Он работал в Риеке в универмаге RI в качестве руководителя рекламно-пропагандистских служб. Через 6 лет он возглавил Театр кукол Риеки в качестве режиссера и художественного руководителя. В 1985 году он перешел в постоянный статус художника-фрилансера, руководствуясь желанием исключительно заниматься искусством в жизни во всех ее проявлениях. Это он делает по сей день. В 1991 году в Риеке родилась дочь Ивана.

Все время он занимается живописью, графикой, компьютерной графикой, дизайном и графическим дизайном, театральными и кукольными декорациями, иллюстрацией и созданием интерьера. Он является членом ULUPUH, HZSU и HDLUR.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Работы Ивана Балажевича были представлены на многочисленных выставках, 120 персональных и более 200 общих, как в Хорватии, так и за рубежом. За свои работы он получил 24 награды (Премия Нови Винодольского, Премия города Риека).

Его более известными геральдическими работами являются знак НКРД Matija Gubec из Таванкута, логотип Хорватской карнавальной ассоциации, герб и флаг муниципалитета Винодольска города Сень.

Наиболее известные работы Ивана Балажевича в области иллюстрации — иллюстрация к книге хорватского поэта Бачки Воислава «Рич пропал без вести». Эта книга – их третья совместная работа («ты с картинкой, я письмом»), их творения устанавливают «преемственность существования хорватов Буневци в Бачке».

Как сценограф и кукольник Иван Балажевич сотрудничал с Театром кукол в Риеке.

О его творчестве сняты три короткометражных телефильма («Я кукловод — Иван Балажевич» с 1992 года).

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ ЕАРПП

ПРОСТРАНСТВО

психоанализа и психотерапии

ISBN 978-5-6048201-3-1

9 785604 820131